

Научно-популярный журнал «Апокриф»

Жизнь 11. Прил. 2 к № 3 (181), 6/2019 www.APOKRIF93.com ISSN 2308-2763

Alisa Libertas • Cooper • **blocknot** • d051n7h35h311
Fornesticks • Ko Vazibor • Noquar • Sah Многоликий
Soror Laetitia • Turia Arn Torwood • **unknown user 403197**

Алина Азовская Голд • Алина Витухновская
Алина Лаванда • Анастасия Верина • Анастасия Рей
Альмауль • Андрей Зимин • Артём Сафонов

Бакуменко Александра Викторовна

Валерия Зарубина • Валерия Летова

Владимир Комаров • Джезебел Морган • Джон
Дмитрий Гальцин • Дмитрий Тимофеев • Донор
Дубровский Александр • Екатерина Мантурова

Зайцев Никита Николаевич

Зарина Бикмуллина • Иван Карасёв

Ильяс Мукашов • Ирина Хенарос

Карабутова Мария Геннадьевна

Катерина Шевелькова • Лап-Данилевская (V.H.)

Лариса Ольшаникова • Лемерт • Лиловика • Лись

Лосось Натанэль • Марина Сидорова

Мария Берестова • Мартиэль

Мышильда Генриетта • Никита Рыжих

Николай Абрамов • Николай Кузьмин • Нэлла

Оксана Шацких • Олег Телемский • Ольга Крашенко

Петров Андрей • Психея

Ромашенко Семён Тимофеевич • Сергей Калугин

Сергей Маслаков • Сергей Яшин • Серёдкина Татьяна

Сопрано • Стефания Данилова

Флай (Ольга Мирошниченко) • Хенарос • Эйфелия

Элиас Отис • Яковлев Кирилл Александрович

«Чёрное Сердце Самайна» • «Поэзия Крылатости - VI»

Другие авторы

А

В

Д

К

Ш

Г

Ж

М

Е

И

Ж

АДЕЛАИДА

Клуб поэзии и авторской песни

литературный

альманах

народа Звезды

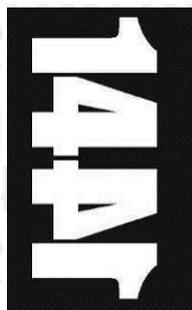
Выпуск 7

Кёнигсберг 2019

1111

АПОКРИФ

Калининградский научно-популярный журнал Апокриф

1441
ΑΠΟΚΡΥΦΟΣ

НАУКА ⊕ РЕЛИГИЯ ⊖ МАГИЯ

Официальное издание Ордена Белой Обезьяны

ISSN 2308-2763

Жизнь 11. Приложение 1 к № 3 (181), июнь 2019 г.

ЗА ЮМОР И ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ!

ДЕЛАЙ ЧТО ЖЕЛАЕШЬ — ЖЕЛАЙ НЕВОЗМОЖНОГО!

Копирование и распространение всего журнала и его отдельных материалов разрешено и приветствуется при условии ссылки на автора материала и указания электронного адреса журнала

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

Редакция оставляет за собой право отказать в публикации материала без объяснения причин

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (<http://vk.com/obezjanki>), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Проект основан в 2003 г. Выходит 1 раз в месяц

В составе журнала выходят также нерегулярные приложения.

Главный редактор: Fr. Nyarlathotep Otis (Роман Адрианов)

Дизайн — Fr. Nyarlathotep Otis.

Иллюстрации на обложке — Борис Вальехо

Электронные версии журнала: <http://apokrif93.com>, <http://vk.com/apokrif93>

Другие проекты: <http://frotis.wordpress.com/>

Электронная почта: 93in39@gmail.com

 Редколлегия журнала «Апокриф» и авторы журнала, 2019

 Fr. Nyarlathotep Otis, 2019

Кали-град

Лалангамена:

**Литературный Альманах Народа Звезды
Выпуск 7**

***Произведения авторов,
опубликованных в 2018-2019 гг.***

Выпуск издан 19.06.2019 г.

Счёт в системе Яндекс.Деньги: 41001416643125

Карта Сбербанка России: 5336 6902 4604 9151

Alisa Libertas

КОГДА ТЫ ОБНАЖЁН

Когда ты обнажён, то нет кармана
И некуда полезть за едким словом
Когда ты обнажён, и нет тумана
Скрывающего чистоту покровом

И ты не весел, но и не печален
Ты видел всё, и не к чему стремиться
Слова имеют смысл в пологах спален
А ты молчишь
И слёзы
на ресницах

* * *

Мой рыжий чертёнок,
Ты станешь белее снега.
Как полотно
Ткали феи при свете луны.
Так и Отец, не щадя,
Отмоет, отбелит
Мыслей и чувств твоих
Тёмные уголки.

Так что не плачь.
Ты же хочешь
быть сильным и страшным.
Сталь твоих крыльев
срывает покров темноты.
Чтобы рождался Рассвет,
Нужен рождённый дважды.
Многие стали таким,
Отчего бы не ты?

Чёрные крылья — для тех,
кто пронзает Полночь.
Чёрные крылья, —
Кто света луны белей.
Эльфы куют серебро
под всполохи молний.
Крылья твои —
За пределами всех рубежей.

Alisa Libertas

* * *

Север помнит
Юг пылает
Запад расчётлив
Восток коварен

Свежесть востоку
Западу зрелость
Югу мгновение
Северу время

Северу ветер
Югу дыхание
Западу слово
Востоку — молчание

* * *

Наша дружба похожа на треснувший лёд
Вроде прочный
Но ногу поставить боязно
Так ведь важно
Кто первый
А кто — отстаёт
Если тонем
В воде
С одинаковой скоростью

* * *

Мои заклятья не звучат
На языке людей
И не выведывай обманом
эту тайну
Всё волшебство — в крови
Желаешь — пей
А нет
Так не касайся
Понапрасну

БЫТИЕ СКОЛЬЗИТ, СТЕКАЕТ КАПЛЕЙ КРОВИ

Бытие скользит, стекает
Каплей крови по лезвию
Скоро камера от меня переместится
Я так вас люблю
вы такие интересные
Быть бы всеми вами
На всей эволюции лестнице
Как вы думаете
Поместимся?

* * *

Тебе не нужно второе солнце,
И мне, признаюсь, не нужно тоже.
Того, кто был на тебя похожим,
Ты уничтожил.

Огонь быстрее, чем время, лечит.
Горели книги, горели письма,
Сгорала память, сгорали речи,
Горели мысли.

Но мне, признаюсь, и горько всё же,
Хоть необъятность сильнее объятий.
Ведь тот, кто был на тебя похожим,
Был так занятен.

* * *

Делай шаг
Я знаю, ты упадёшь
Тысячу раз
И как терпения у меня хватает
Бесконечно верить
Что ты пойдёшь
Полетишь
В конечном итоге

Alisa Libertas

* * *

Я же знаю, мой Бог ревнив,
И не терпит моих кумиров.
Может, ты и не так уж плох, —
Только я не сильна в расчётах.
Посмотри на Восток — Рим горит.
Не молчи так. Читай, декламируй!
Ты же знаешь, всё быстро пройдёт.
Понастроят своих высоток.
Мне подбросить бы пригоршню пепла чёрного.
И занять тот клочок опустевшей земли.
А тебе — кус послаще и шлюх отборных.
Мне смешно.
Мне с тобою
не
по
пути

ЛУЧШЕ БУДЕТ МНЕ ГОРЕСТНО

Лучше будет мне горестно с Богом,
Чем Господь загрузит без меня.
Я прошу вас, какие ожоги?
Это алое зарево дня.

Это просто лесные пожары,
Это ветер, ласкающий степь.
Это юное сердце корсара:
Что мертво, тому не умереть.

То венчанье с ревнивой невестой,
Что вовек не прощает измен.
Ледяное дыханье норд-веста.
Шёпот древних священных легенд.

ВКУС КРОВИ

Вкус крови как вкус металла
Цвет неба придуман нами
Луна себя изменяла
Во тьму уходя временами
Луна себя изменяла
Но что-то ловило отблеск
Как дымку на глади кинжала
От вздоха
слетевшего
в пропасть

* * *

Отец, я стремился к Солнцу.
Отец, тридцать три печали.
Я верил, Отец, Вы знали.
Отец, я стремился
К Солнцу.
Отец, я не ведал Истин.
Порфирию облачённых,
Под тенью покровов скрытых,
На площади обнажённых,
Отец, я не ведал Истин.
Смотри же на след кровавый,
То плакало моё сердце.

* * *

У неба звёздного — сердце чёрное.
А солнце по ветру пылью развеяно.
И только мысли мои, беспризорные,
Как взмах неслышный стального веера.

АНЕЧКА

пастой чёрной ладони пачкает
ручки худенький силуэт.
перекрёстной шагает Анечка,
спотыкается на тире.
за подол подбирает платице,
перешагивая предлог.
о слова так легко пораниться,
не подстроившись под поток,
не успев предсказать нашествие
и поставив себя на кон,
если нет человека, места нет,
где ты сам испокон веков,
где ты сам.
где корпеть над масками —
бесполезная трата сна.
где сегодня грохочет адское,
не по мере твоим словам.
пишет Анечка, расступаются
перед ней деревца чернил.
есть попутчик, и есть та станция,
кто б автобус ей починил.
пассажирам бы только встретиться,
накачать колесо и «сплин».

нам сказали соседи — лестница
упиралась макушкой в синь.
нам сказали соседи — тише, а,
не играйте до девяти.
солнце тюль на окошке вышило,
нам пора,
но куда идти?

перелётная мысль-кочевница —
с головы на ближайший лист.
их таких здесь не все поместятся,
но поместятся, что сбылись.

по бумаге слова вытачивать —
вроде слышно, да всё не так.

на развилке однажды Анечка
разобьётся о букву «я».

СЛУЧАЙ

время — лезвие,
случай — палица,
что-то быстрое
и неверное.
что теперь от тебя останется,
— а останется ли? —
наверное.
что сыграет тебе привязанность,
танго, вальс, сонатину, реквием?
слишком сложно вот так рассказывать
в странной, тихой, дурной истерике.
случай — точка без продолжения.
эпилог со своим эпитафией.
с ним играешь на поражение.
вспомни, ты ведь уже проигрывал.
вспомни, ты ведь уже наученный
переломами и подножками.
и шаблоны в себя закручивал,
чтоб не шли к тебе,
чтоб не множились.
но шаблоны внутри теряются,
перекраиваются в отличия.
банты, ленты, да даже стразы и
кружева ты к себе привинчивал,
бесполезно.
растают намертво
и меняются на ребячество.
это сродни зеркальной камере
с отраженьем переименованным.
и сейчас ты опять рассыпанный,
а обратно собрать — состаришься.
ты попался, игра проиграна,
это глупость, а не бесстрашие.
инструмент под худыми пальцами
заикнется сухим арпеджио.
что теперь от тебя останется?
кучка пуговиц
и доверчивость.

МИРУ МИР

Это я — тот ярый противник войны,
Кто любому ублюдку розу вонзил бы в ствол,
Урождённый в сиянии алых лучей звезды,
Вынуждаю себя в этот ствол досылать патрон!

Ради бега... ради гонки безудержных дней!
В парадигме... устроенной тысячи лет!
Каждый век, оседлав облачённых коней,
Мы воюем, людей обращая в калек!

Колесница сансары упорно ломает хребет!
Огнестрельный джихад прошивает расколотый строй!
В тамплиерских походах главенствует новый завет!
И мы искренне верим, что нет в мире мира без войн!

Сколько крови прольётся, и сколько невинных судеб
Поломает ещё, восходя, окровавленный Марс?
Я черчу полстрофы, а на свете по семь человек
Поражённые гибнут, баланс обращая в торманс!

Ты наутро палач, а под вечер — трофей палача.
Ты сражался за Родину... умер... и родины нет...
Для тебя её нет, только следом, бранясь и крича,
Твой же брат батальону врагов мнится вестником бед!

Я любому ублюдку розу вонзил бы в ствол...
Но какой я боец, чёрт возьми, когда каждый пацан,
С малолетства обученный, где раздобыть пистон,
Завтра реальных наганов закрутит тугой барабан!

Ну, давай! укажи мне на митинг, пикет или бунт!
Мол, бумагу марать — не марать... и каков в этом прок?!
Я взываю к тебе, Человек, это правда, отнюдь не с трибун...
А в минуты тиши перед боем, засевший в окоп.

И ни страха, ни боли не чую в фасоне погон...
Белый я или красный — не всё ли равно?
Разукрасились братья с утра, а под вечер венком
Чёрных ран наградили друг друга, и дело с концом...

С пулей выпала роза и корни пустила в мой прах...
Разжигая ночами иного окраса звезду...
Лишь потомкам дано рассудить, был ли всё-таки прав
Миру Мир объявивший, войне объявивший войну...

ДАВНО ЭТО БЫЛО...

Давно это было, очень давно. Тогда ещё не было границ и государств. Ну как не было, у людей не было, а вот у маленького народца было. Сейчас их по-разному зовут, кто феями, кто эльфами или фэйри. Все они были разными и по-своему прекрасными. Как-то раз одна фэйри (будем называть ещё так) отправилась в путешествие, а жила она, надо сказать, там, где сейчас находится Англия. Отправиться-то отправилась, да по молодости своей заблудилась.

Мир фэйри хитёр и странен, пути в нём не те, что у людей. Заплутала эта юная фэйри и оказалась среди дремучих лесов и широких полей, а обратной дороги и не знает. Попала она на территорию нынешней России, Руси. Долго она плутала по лесам и полям в надежде найти путь домой, но всё тщетно.

Как-то раз, порхая по полю, устланному одуванчиками, она повстречала другого фэйри, сейчас бы его назвали полевым. Долго ли, умеючи ли, за разговорами да за трапезами полюбились они друг другу. Другие смотрели на них искоса, но без злобы. Домовые, полевые, банники, овинники, лесовики да боровики (так их потом люди звать стали) всё судачили... что за странная особа пожаловала к ним, гадать гадали, а время шло. Со временем появился и ребёнок, да не один.

Детей тех не чурались, дети же, но звали их все фырями, по матушке, так сказать, да на местный лад. Росли те фыри да плодились, как и весь малый народец, не то чтобы много, но качественно. Шли года, да что там года, века пролетали, а всё шло своим чередом, да только не могли фыри найти места на земле русской. То в поле пойдут, то в овине прячутся.

Так со временем и приноровились они выполнять любую работу. Видят избу без домового — так туда идут, видят, как поле хиреет без полевого, — так потрут свои маленькие рученьки и принимают за работу. А время всё идёт, вот уже и государства, а как следствие — социальный строй, в котором «мужик рабочий» всегда будет спину ломать за кусок хлеба.

Фырий род видел таких мужиков и всегда старался помогать им. То крепостным поможет урожай собрать, то красноармейцу патрон поднесёт, а то и пятилетку за три года организует, чтобы руководство не роптало.

Сроднился фырь с русским мужиком.

По сей день помогает, но только русским работягам, кто не жалеет себя ради неведомого завтра. Фырь за время долгое стал более русским, чем весь остальной маленький народец, что живёт на этой земле. Вот только не замечают фырь, да что уж там говорить — уже и домовых стали забывать. Фырь не гордый, фырь работающий, и хоть и пришёл он из далёкого прошлого и с неведомой стороны, он, словно русская идея, всегда будет поддерживать русского мужика, даже если тот его не замечает.

Фырь ведь — она везде фырь, что в поле, что в городе. Вот и Питере свои есть, да, как и всегда, неприкаянные, от города манер свой берут.

Фырий мир в Питере свой, маленькие и незаметные, они, как и все, искренне ненавидят этот город за его промозглую погоду и вечную сырость без солнца.

Но никуда из этого города не уходя, а куда тут уйдёшь, вот музей кто будет охранять, а вон галерея открылась картинная, это же каждую ночь картины надо поправлять.

С домовыми договорились — и ладно, те по домам по хрущовкам живут и работают, а фырьский народец в творчество подался. Нахватался от местной интеллигенции разного и за моду стал длинные шарфики носить и очки в роговой оправе. То лишнюю стопку опрокинут, то томик со стихами на нужной странице открывают. Ходят друг к другу в гости от музея к музею, хвастаются. А бывает праздник какой, так они вокруг памятников ночью хороводы водят, стихи Серебряного века читают своими писклявыми голосочками.

Фырь в Питере — он ведь больше, чем фырь, они ведь, можно сказать, душа города. Сидят себе на мостах, ножки свесив, носики сфинксам полируют маленькими платочками.

А то смотришь — бежит такой в строгом пальтишке, бежит, спотыкается, на ходу очки поправляет, шарфик за спиной развеивается.

А куда бежит, зачем? А он, оказывается, на поэтический вечер бежит в подвал, ведь надо же быть знакомым с новыми течениями в поэзии.

ЭЗОТЕРИКА ГЛУБИНКИ

Свѣтъ принимающій

Три дня и три ночи соблюдай строжайшій постъ. На четвёртый день взойди на башню и обратись къ востоку, начерти треугольникъ, размѣромъ въ полтора человѣческихъ роста, вершиной къ востоку. Въ вершинѣ напиши буквы L.U.X. Въ центрѣ треугольника возложи перо лебедя чѣрнаго и перо лебедя бѣлаго. На западномъ ребрѣ установи зеркало въ человѣческій ростъ. Сядь лицомъ къ востоку и съ лучами восхода читай гимнъ солнцу Ра въ теченіи часа. По прошествіи часа сядь лицомъ къ зеркалу и въ медитаціи всмотришь въ самага себя, наполняемаго солнцемъ. За часъ до заката разбей зеркало и читай гимнъ Хатхоръ.

— Слушай, Сергеич, а это точно сработает?

— Ты что, разве ты не веришь в секреты древних провидцев?

— Бля, Сергеич, мы этих провидцев месяц назад придумали под ящик пива, чѣ ты гонишь-то?

— Неверующий ты, Василий, ох, неверующий, только древние провидцы, только вселенское единение.

Ночь потихоньку сгущалась над старой водонапорной башней. Два тела, закутанные в балахоны, которые при ближайшем рассмотрении оказались банными халатами со значком джедая, восседали на плоской площадке башни, разложив нехитрый скарб магической эвокации.

Тут была и водочка, и пару солёных огурчиков, особым тайным способом приготовленное сало с чесночком, а также по мелочи для задабривания духов — всяческие травки и овощи.

Ритуал предстоял долгий и сложный, но это того стоило.

— Слушай Сергеич, вот ты написал тут приготовится, да, ну вот это вот всё. «Перо козла, утки фаллос, кровь девственницы, лягушачье семя...» Ну ладно, вот икры жабьей я подсобрал... скажи спасибо детям, они всё равно на даче у озера каждый день баландаются, так я им партийное задание выдал, но, Сергеич, вот с кровью девственницы — это же форменный писдец. У меня жена, двое детей... я тебе где такое возьму.

Исключительно буддийский звук хлопка одной ладони по челу раздался над полем, на котором стояла водонапорная башня...

— Ну вот ладно, фаллос утака я тоже принёс, это было не сложно, и я... короче, принёс. Вот ты мне скажи, перо козла, перо, мать его, козла, что это за хератень-то такая, Сергеич, ну просил же тебя, не пей ты без меня, заносит же.

Взгляд, полный боли, сострадания и сочувствия, устремился в небо.

— Вась, ты слово «метафора» в школе проходил? А «символизм»? Ваааась, ну вот серьёзно, древние провидцы, они же загадками говорят, не надо воспринимать всё буквально.

Звук откручиваемой пробки оповестил собравшихся о начале ритуала...

— Мы призываем тебя, адепт света и тьмы. Приди к нам и иди с нами по пути созидания прекрасного.

— Мужики, да завязывайте уже, хватит под окнами орать, выхожу уже.

— Взял?

— Взял, конечно, по одной на брата и на всякий случай.

— Четыре бутылки? Слушай, а не мало? Всё-таки это ритуал посвящения, а не хуё-моё.

— Почему четыре? Шесть! Случай-то, они разные бывают.

— Сергеич, поясни тонкий момент, вот ты Людке текст ритуала отправил от древних провидцев, не, ну, я, конечно, понимаю, но вот это вот «лежать в означенный час на ложе, лоном к луне обращённой, чтобы лунный свет, в лоно входящий, даровал счастье» — это вот ты зачем?

— На, держи!

В руку Василия лёг старый и потёртый годами, но верный делу армейский бинокль БИ8.

— На кухню иди и свет выключи, оттуда обзор лучше. Да, Вась, далеко тебе ещё до второго градуса.

— Василий, внесите элементы изгнания спиритуса.

Комнату заполнил освежающий аромат огуречного рассола с пряными нотками горчицы, размазанной по холодцу.

«Вкусив се яства, да изыдет дух гневный из тела бренного, да снизойдёт благодать».

— Сергеич, давай быстрее, нам на смену через полчаса, гудрон вчера ещё привезли...

— Добрый день, с вами говорит репортёр канала «Шконкина радость». Скажите, Евстахий Сергеевич, а правда вы устроили секту поклонения древних провидцев?

— И не Евстахий Сергеевич, а Frater P.·N.·H.·.. И не секту, а орден. И не поклонения, а последователей.

— Евстахий Сергеевич, а правда все ваши собрания заканчиваются повальной оргией с обильным возлиянием крепкого алкоголя?

— И не Евстахий Сергеевич, а Frater P.·N.·H.·.. И не оргии, а агапы. И не возлияния крепкого алкоголя, а причащение из священного источника.

— Скажите, что значит это самое P.·N.·H.·..?

— ПОШЁ Л НА ХУЙ!

Сампультгиря

Ритуал летнего солнцестояния.

Там, где солнце пляшет на лугу. Возьми людей, шесть женщин и шесть мужчин.

Шесть костров возведи по кругу, чтобы у каждого по мужчине и женщине было.

Каждый из них рождён под своим знаком. В центре круга возведи ещё один костёр, и сядь подле него, и посади жену названную рядом с собой.

И будешь ты день, а она ночь. И будешь ты ночь, а она день. День проведи в вине и яствах, стихах и смехе.

Ночь проведи в любви и страсти.

— Слышь, Сергеич, а это что за такое?

— Ну, видал же по телеку, секта мы, значит, оргии делаем. Так вот, надо соответствовать медийному образу, а то у меня уже 4 заявки на вступление.

— Сергеич, какие оргии, у меня жена, двое детей, ипотека...

— Так, стоп, вопросов-то, приходи с женой, какая тебе разница, где супружеский долг отдавать.

По полу, по кругу, был рассыпан мак, в каминах дымилась белладонна.

Настойка на полыни была уже выпита.

Четыре рюмки мухоморной настойки на четыре стороны света тоже осели в желудке у Василия.

Но духи всё не приходили.

— Сергеич... сукааа, ты бы хоть противогаз снял в качестве солидарности, мне на работу завтра к десяти, не отпустит же...

— Чт... зклн Всль, чт пка... н... прдт ...ухи...

Мерно покачивая кадилом, забитым под завязку белладонной, сушёной жабыей кожей, цветом василька, Frater P.·N.·H.· пытался ввести послушника в транс.

— Дабы ведьмой путной стать, Людка, надобно на кожаной флейте ежедневно играть. И не смотри так, того требует тайное посвящение.

— Сергеич, я тут этого ... а, оуу... простите Frater P.·N.·H.·, зайду попозже.

— Сегодня великолепная ночь, она идеально подходит для гаданий.

В полутьме кунга послышался характерный звук открытия бутылок пива.

— Василий, вы захватили карты для гадания?

— Так точно! Вот, несколько...

— Василий Игнатьевич, ну что же вы так... Мы ведь гадать собрались, а не...

— Расчёт 3.14 на связь, расчёт 3.14 на связь... доложить обстановку.

— Ладно, хотели погадать на таро, будем гадать на картах генштаба.

Долгой и нудной шифровкой пункт радиолокационной разведки рапортовал в штаб.

Офицер связи с кодовым именем Frater P.·N.·H.· подкидывал пробку от пива «Жигули» над картой мира, диктуя координаты.

— Подтвердите координаты... Подтверждаю... ТОПОЛЬ-М ушли, благодарю за службу.

— Сергеич, моя про оргию узнала, развод даёт и детей отбирает, так ещё и на алименты давит... Сергеич, ты за что меня так...

— Эко, брат, тебя прокляли, сильно прокляли, надо тебя чистить и проклятие это снимать... Ну-ка...

На столе, словно по желанию, появился гранёный стакан и бутерброд из старого бородинского хлеба и заветрившегося сала.

— Выпей стописят, а там и поговорим...

*

— Ты это, не это самое, магу ведь воздержание и покой душевный требуется, так что ну её, жену твою, в баню.

— Воздержание? А кто флейту свою кожаную каждой ведьме на деревне подсовывает?

— Так то ж не от страсти великой, а для пользы дела и развития оккультного ренессансу. Иницирую я их тоже, между прочим, нехотя и без удовольствия, на полшишечки, так сказать.

БЕЗЛОДОЧНИК

Крошкин поскрёб всеильной рукой по чёрному массиву бороды на своём лице. Извлёк из пространства нагрудного кармана пачку сигарет. Забросил взгляд внутрь. Пусто. Лесополоса решительно заворачивалась в сумерки. Крошкин нацелил сознание на пробелы между живыми древесными столбами. Тогда, из глубины перспективы, начала расти жирная точка.

По мере увеличения точка обретала в себе детали. Сначала образовалось элегантное пальто цвета тухлой желтизны. Затем себя выдал бурый параллелепипед портфеля. Даже издали Крошкин углядел истинность покрывающей его кожи. Наконец, очертило себя и лицо: дряблое, с воздушными складками щёк и излучающее упадок жизни. Нелепо взгромоздились на это лицо мощные очки и бледность унылой плечи.

— Извините, — залепетала точка, обрёкшая себя на человеческую форму, — опоздал! Не попал на плановую электричку, она полная была. Зато, сейчас ехал — в вагонах никого, представляете!

— Нет, — утвердил Крошкин, — духи при вас?

— Вот это мне нравится, — семенил словами человек, — напрямик к делу! Всегда меня поражала эта прагматичность простейшего индивида. Это мы, люди города, тянемся и зеваем в суете, а вы...

Крошкин чихнул.

От неожиданности шума его собеседник подскочил. Затем быстро поместил руки в портфель и вынул оттуда звон золотиносных флакончиков. Стремительно протянул их Крошкину.

— Это — дедушкин, а эти мне перевели из-за границы, — начал было разъяснять человек, но Крошкин его оборвал. Спросил:

— Как звать?

— Этого, который древний, — Амарант, а этого...

— Нет, — перебил Крошкин, — тебя как зовут?

— Игнатий Готтфридович, — ответил человек и выставил вперёд пухлую ладошку, — очень принято!

Крошкин оцепил ладонью флаконы. Укрыл их в кармане, откуда была изгнана бесполезная пачка.

— Хорошо, за мной, — черно пробасил он и исчез среди тишины окружения.

*

Игнатий Готтфридович забросил себя в качание чёрной лодки. Крошкин посмотрел угрюмо. Вдохнул. Затем схватился за окарины транспорта. Тяжеловесно отодвинул его в сторону озера. Когда вода примкнула к бортам, забрался внутрь сам. Мрачно заскрёб вёслами по поверхности жидкости. Игнатий Готтфридович блаженно обнял портфель.

Fornesticks

— Если не секрет, — робко спросил он, — вам зачем духи? Вы их пьёте?

— На волю отпускаю.

Замолчали. Обнажённые деревья теряли чёткость. Степенно превращались они в тоскливую кучу линий. А вскоре и вовсе исчезли в неразборчивости своего единообразия. На Игнатия Готтфридовича довило молчание. Он попытался реанимировать беседу.

— Вы местный?

— Я, — ответил Крошкин, — *сын села*. Здесь родился и здесь буду рождаться.

Игнатий Готтфридович немного оторопел ввиду искренности ответа, но, уловив просвет коммуникативности, бросил:

— Конечно-конечно. Я, знаете, в некоторой степени завидую вашему географическому психоположению.

— Да? — пыхтя, отвечал Крошкин, извергая из тела пот.

— Так точно! — пухлые губы Игнатия Готтфридовича приоткрыли зубы, — урбанистская жизнь, воистину, житие раба. Взять хотя бы меня...

Крошкин вновь оглушительно чихнул, но Игнатий Готтфридович в этот раз остался при себе. Сложив тело в положение нога на ногу, он лепетал:

— Я — заведующий кафедрой квантовой теологии в местном радикально-технологическом вузе. Уважаемый и уместный человек. Автор нашумевших научных статей вроде: «*Бог мёртв — Бог немертв: принцип неопределённости Шрёдингера в рамках кантовско-ницшеанской концепции*» или «*Критика и поликлиника: кризис и невозможность философии Жени Ризомского*». Это бестселлеры, без лживой скромности!

За последние десять лет Крошкин прочитал лишь пару книг. Одна из них была посвящена навозу и его роли в свежей внешней политике. В другой автор весьма скрупулёзно воспроизводил старинные тибетские анекдоты. Именования книг Игнатия Готтфридовича для Крошкина были не более чем шумом падающего дерева в лесу, где никого нет. В черепе лодочника не было места для символической сокровищницы. Крошкин уже давно отказал себе в принятии фактов. Игнатий Готтфридович вынес из пальто выглаженный до тошноты платочек. Поднёс его к мельтешащим глазочкам. Парой рванных движений очистил совершенно сухое лицо от нереального пота. Затем продолжил:

— Казалось бы, что ещё нужно для счастья? Но знаете, в чём проблема, дорогой мой друг? Многознание ухудшает понимание. В свои пятьдесят четыре года я понимаю не более в жизни, чем дитя. Я пребывал в отчаянии. Жизнь моя неслась навстречу к конечной станции безысходности. Бдения над монографией иссушились. Зарплату уронили в грязь, а возраст выхода на пенсию подняли к небесным вратам. Студентки обратились в какие-то необъятные и замкнутые в себе субстанциональности. И более я ничего не понимаю, друг мой? Понимаете, друг мой?

Fornesticks

Крошкин прямолинейно качнул подбородком. Мочал терпеливо.

— Но в жизнь всякого потерянного сквозь форточку надежды вламывается чудо. И вот, моя вторая бывшая жена посоветовала мне обратиться к сестре нашего общего знакомого. Она, в свою очередь, сослалась на одного известного актёра, который, что весьма удивительно, тесно общался... Впрочем, это не имеет сущностного значения, — опомнился Игнатий Готтфридович, уловив пустынный взгляд соседствующего, — мне советовали вас и ваш чудодейственный метод исцеления сочности духа. Правда, — Игнатий Готтфридович тревожно перевалился на иную ногу, — я не совсем понимаю систему его воздействие на сознание живущего.

— Скоро вы сами столкнётесь с этим, — нехотя разъяснил Крошкин, — и тогда суета отступит.

Игнатию Готтфридовичу такой ответ представился мрачным. Вёсла окунались макушками в чернь воды. Пропадая и являясь вновь в бодрость смутной погоды.

*

Остановились. Крошкин припустил гребные палочки. Почесался. Игнатий Готтфридович сделался весь вопросительным.

— Ждём, — шепнул Крошкин.

Ожидали долго. Вокруг сделалось невыносимо бесцветно. Игнатий Готтфридович подавлял в себе напряжённость стихами. Он мотал губами, беззвучно скандируя:

«Умирующие напевы и формы... Хор, чтобы утешить пустоту и бессилье... Хор стеклянных ночных мелодий...»

Но поэзия не выражала помощи. Вскоре сделалось хуже. Много.

Безмолвие ублажало воздух вокруг. Даже ветер не колебал чувств. Игнатий Готтфридович ощутил умом близлежащую глубину спящей воды. Дно источало страх. Впервые в жизни профессора окутал подобный ужас. Кошмар, превышающий предел человеческого. Игнатий Готтфридович был уверен, что он, страх этот, доступен всякому живому и разумному. Сейчас вдруг стало понятно, что Игнатий Готтфридович все дни своей жизни пребывал в этом страхе, везде водил его за своим телом.

Он ходил с ним в ларёк за зелёным молоком. Он брал его в свою фанерную квартирку на окраине города. Вместе с этим страхом Игнатий Готтфридович жевал мутную похлёбку с опилками. Он клал его под ледяную подушку, когда ложился спать и уходил в бессознательное. И даже там страх настигал его. Страх становился шершавыми коридорами с пустыми бутылками у стен. Страх сглатывал Игнатию Готтфридовича, прикинувшись болезненно жёлтой кабинкой лифта с неполным набором кнопок. Страх был безлюдными подворотнями и бесконечными дорогами без автомобилей.

Fornesticks

Можно утолить страдания, но боль и страх никогда не уйдут. Вселенная безнадёжна. И даже смерть не предел, даже под землёй ждёт тебя шум, изничтожающий надёжность. Негде прятаться. Никто не поможет. Ничто будет длиться вечно.

Игнатий Готтфридович замер.

Крошкин хранил безмолвие.

Раздался резкий удар. Лодка содрогнулась так, что Игнатий Готтфридович привалился к огранке судьбоносного судна. Сердце его сжалось неистово.

В них врезалась лодка. *Пустая лодка.*

С ссохшихся губ Игнатийа Готтфридовича не успело сойти и слова, когда мир вокруг настигло абсолютное осознание.

Крошкин осматривал место, на котором ещё мгновение назад находился рациональный человек. Теперь же это место занимал материал одежды. И никаких мыслей. Сплошное безлюдье. Чистая пустота.

Ощущалось мёрзлое касание октябрьской ночи. Крошкин накинул на плечи чужеродное пальто. Сбросил за борт очки. Портфель. Решительно выдохнул пушистым облачком пара. Крошкин стянул из кармана флаконы. Смиренно сглотнул из самого старого. Остальные распаковал и бросил за борт. Жилистые кисти снова были брошены на вёсла. Лодка поплыла дальше, протяжно углубляясь в темноту.

Ко Vazibor

ШАМАНКА

Стынет медленно вода
В воздухе ночном.
К югу катится волна,
Льётся серебром.
Тёмный воздух встал стеной,
Тихий ветра свист,
На поляне у костра
Бряцанье монист.
Вещим голосом поёт
Птица Гамаюн,
То девичья песня-стон
О рождение лун,
О далёких берегах,
О сиянье дня,
О танцорах у реки,
Запахе огня,
О закатной глубине,
О мерцанье рос
И о том счастливом дне,
Что Орёл принёс.
Пой, царица всех лесов,
Пусть твой голос жжёт,
Так из тысяч голосов
Лишь один поёт.

Он идёт издалика:
Горы и леса,
Так тверда его рука,
Тёмны волоса.
Тихим шёпотом ему
В сердце пал призыв
И он в путь из-за стола
Вышел, не допив.
Малых странствий миллион
Он изведаль здесь
До того, как от людей
Услыхал он весть:
Мол, в лесу остались жить
Люди городов,
Что в лесу, когда ты чист,

Ко Vazibor

Истинней любовь,
К миру, к небу и к земле
Там сильнее зов,
Оттого ушли в леса
Люди городов.

Ночь оставила в костре
Тёмных бликов стаи,
А до путника во мгле
Звуки долетают:
«Ты возьми меня с собой,
К дальней да к реке,
Чтобы мне отдать свой путь
Да во власть судьбе.
Плачь, синица, пой, сосна,
Я забуду горе,
Вольной птицей рождена,
Я с судьбой не спорю».
И, сравнив с волшебством
Тот гитарный звон,
Мальчик смотрит на неё,
Будто поражён.
Пальцы медленно скользят,
Зажимая лад,
Кудри вьются, а глаза
Бешено блестят.
Мальчик смотрит ей в глаза,
Видит свет в лесу,
А в то время голоса
Прочили грозу.

Бурно ветер зашумел,
Вскинул веток звон,
Голос девушки затих,
Только ветра стон.
Молнии сверкнёт стрела,
Брошен барабан,
Где теперь, скажи, она?
Ветром вдаль унесена,
Он стоит — чурбан.
Птицей кинется во мглу

Ко Vazibor

Каменных пещер
Неизведанной тропой
Ошалевший зверь
То видение искать,
Что так долго жгло
Сумасшествием ночей,
Пламенем нутро,
Бурей, бурей дышит лес,
А внутри пещер,
Хладным сумраком дыша,
Стынет Гулливер.
Многоликий и большой,
Дышит и хрипит,
Мальчик маленький, простой,
Смотрит и стоит.
Он заученной мольбой
Скажет, сторонясь:
«Я один, и я пройду
Сквозь тебя, смеясь».
Разверзается нутро,
Великан исчез,
Мальчик ящеркой лихой
Сквозь него пролез.
Стынет мгла,
И стынет кровь
У него в висках.
Та, что пела у костра,
Прячется в тенях.
С ней играет духов рой,
Звук похож на мрак,
Только свет её лучей
Льётся на барак.
Ящериц проворен бег,
Он у ног её
И не зверь, а человек
Кажет ей лицо:
«Лесом, бурей и горой
Я к тебе пришёл,
Смутный говор городской
Вёл к тебе и вёл,
Долгих странствий чередой,

Ко Vazibor

Лесом и горой,
Шёл к тебе, к одной тебе,
Зов меня привёл.
Я во сне искал тот звук,
Что в тебе живёт,
Тихим шёпотом костра,
Ночи напролёт.
Меня мучит жажда жить,
Знать, что ты живёшь,
Что, когда приходит ночь,
У костра поёшь...»
Светло девичье лицо,
Светится в слезах,
Тихо в бездну бытия
Отпуская страх.
Улыбнулась тем словам
И сказала так:
«Я священной волной
Говорю в стихах,
Вещей птицей Гамаюн
Тронута чело.
Ты — смельчак, и ты пришёл,
Побеждая зло.
Мои руки так грубы
От лесных забот,
Коготь матери-совы
На руке растёт.
Знаю песни всех ладов,
Знаю сказок ложь.
В этих сказках красота,
Коей ты живёшь.
В этих сказках красота,
Вера и любовь.
В светской жизни мало сна —
Люди городов...»

Молвит юноша в слезах:
«Нежность и покой
Я принёс тебе, к реке
Уходи со мной!
Знаю всё — что свет тебя

Ко Vazibor

Сделал холодней,
Что людей взбешённый рой
Жалится верней,
Что усталость и тоска
Могут обуять
И тугих гробов доска
Тело нежное сковать,
Только зовы тростника
Могут нас понять.

В светлой сетке камышей
Плавает рыбак.
В грядке домик у мышей,
Мыши любят мрак.
Уходи со мной туда,
Где течёт река,
Где ступающих нога
Гибка и легка...»

Дева, молча наклонясь,
Гладит твёрдый стан,
Мальчик радостью объят,
Сказкой обуян.
Видит небо, и гроза,
И пещерный мрак,
Видят птицы и леса,
Городской бедняк,
Видят совы и кроты,
Ящеры, ужи, дрозды,
Видит солнце и луна,
Что певунья влюблена.

И за сказочным узором
Кружев выдуманных фраз
Автор прячет свой рассказ
О событиях дальнейших
Вам на следующий раз.

* * *

Время несётся с бешеным темпом.
За ним становится качество ценно.
Моя актуальность в 2010
Осталась загнивать.

Давно я не ощущала наиполнейшего несоответствия тому месту, тем людям и тем ощущениям, в которых я сегодня прибывала. Больно осознавать, что твой голос уходит... я больше не могу петь на публику, не могу петь в микрофон на людях. Просто не могу противостоять МНЕНИЮ. Оно гнетёт, насаждает, эта ПРЕДВЗЯТОСТЬ. Она кажется неуступчивой и абсолютной, и ты каждым своим действием как будто извиняешься за своё существование. Малодушие... жуть. Это мерзкое ощущение не даёт мне быть открытой и уверенной в своих чувствах. Будто всё, что я делаю, всегда неискренне. Всё. Меня сжирает это, меня удручает это.

Где же моё место открытости и безбоязненности в этом мире?
Где же оно?

Было оно. Да нет теперь. Не уберегла, а создавать новое не научилась. Вот и мечусь, я как душа неприкаянная, и нету мне покоя от страха.

Где же Я?
Нет уверенности НИ В ЧЁМ.
И как быть?

* * *

Как я устала...

Плакать, плакать, плакать!!! Сочно, долго, навзрыд от счастья... и говорить, ГОВОРИТЬ! Не бояться слова, рассказать всё, обо всём, о всех и вся. Говорить до растяжки мышц в челюсти. Говорить, даже когда не просят. Говорить до хрипоты. До бесконечности. До абсолютной тишины в голове и чувства наполненности...

Но нет. Даже бумагу стесняюсь марать.

Дикие убеждения взрослой жизни.

Устала... быть ответственной за каждый шаг. Где моя лёгкость?

Унеслась с разбитой прошлой жизнью. Унеслась с разочарованием от одиночества. С разочарованием от свободы от людей.

Теперь я не умею отпускать. Жадная до общения, хватаюсь за каждого и тяну, тяну, тяну... Нет богатства в душе, и, словно попрошайка, предстаю перед каждым с протянутой рукой:

— Подайте теплоты...

И не видно дна в этой бездонной пропасти в душе моей. Не хватает!..

Сама хотела просвещения. Видимо, мне суждено пройти и через это.

Наполнить. Себя.

* * *

— А что такое вдохновение, старец?

— И это твой вопрос?

Седой гном поднёс свою трубку к губам и с удивлением покосился на маленькую Дину, которая, смутившись, теребила маленькими ручками серую рубаху.

— Присядь поближе, я расскажу тебе легенду, которую когда-то рассказал мне один гном с Северных долин.

Маленькая девочка вытаращила глазки и подскочила ближе к ногам Валура.

— Неужели ты там бывал?

— Неет... увы, мои ноги не способны протоптать столько дорог.

Его длинные усы вздымались от усмешки.

— Давным-давно жил один гном, которого ничего не тревожило в жизни. Он знал наперёд, с какой ноги он встанет, что у него на обед, и чем он будет заниматься. А знал лишь потому, что он был ремесленником, который лучше всех делал одну нужную в доме вещь — горшок. Его горшки всегда были сделаны на славу и подходили любому. И при этом они все были одинаковыми. Всегда. Один размер, одна форма, одна глина. И ничего более. Со временем стар он стал и уже с трудом справлялся, пришлось ему взять юнца в подмастерье. Пускай его звали... ммм... Элкином.

Старик снова вдохнул из трубки и выпустил дым, по форме напоминающий молодого гнома.

— Ой, гном! — хихикнула Дина, указывая пальчиком на силуэт.

— И всё было бы хорошо, но этот мальчуган оказался той ещё егзой. Началась у старого гнома не жизнь, а сплошное несчастье. Из его мастерской стали часто доноситься крики:

«Элкин, дубовая ты башка, зачем ты на полки залез!»

«Элкин, паразит тисовый, опять все горшки побил!»

«Последний раз говорю, Элкин, не трожь без меня вертел!»

И всё бы гном стерпел, да парень никак не делал все горшки одинаковыми.

«Это ж скучно, одно и то же всё время делать! Неужели ты никогда не хотел сделать что-то новое? Или у тебя нет вдохновения?»

«Зелен ты ещё...» — лишь только отвечал старик...

Только седой Валура хотел продолжить, но увидел на ноге русоволосую головку, которая мирно сопела в такт дыханию.

— На сегодня, пожалуй, хватит, продолжим в следующий раз, — пробубнел гном и продолжил, смакуя, потягивать длинную трубку.

Noquar

* * *

Одна мысль внезапно пронзила все переживания, что были до этого. Все размышления и сложные хитросплетения ощущений и реакций на событие прошедшего вечера сложились воедино, как цветные стёкла витража. Однородная композиция выдавала чёткий вопрос — и одновременно ответ на него. Насколько же это явно? Насколько?

— Ты была с незнакомцем ... ?

Красота и величие картины поражали ясностью и точностью мысли, осознание всего ужаса от которой приводило в какой-то дикий и первобытный страх, вызванный инстинктом самосохранения.

— Кто он?...

Сперва возникшая правильность и гордость сменялась кошмаром. Что же это было? Почему нет ответов? Почему, в конце концов, Я не имею ОТВЕТА? ПОЧЕМУ?

— Ты не знаешь его ...

Я почувствовала нехватку знаний, как воздуха рыбе, которую небрежно выкинули на берег. Больше, больше, мне нужно больше!..

— Это неправильно ...

Я падала внутрь себя, жадно цепляясь за содержимое накопленного опыта и с нехорошим трепетом ожидая конца. Страх преследовал, пронёсся рядом, насилывал мои внутренности и...

Тут одна мысль вознесла меня с такой лёгкостью, что я, не успев опомниться, снова ощутила ясность и ложно утерянную правильность момента. Мысль эта...

— ТЫ ВСЁ ЗНАЕШЬ

* * *

Из любви сделана
Из любви соткана
Видимо кто-то миры спутал
И нити путей запутал
Не оттуда выпавшая
Не туда следовавшая
Иное несла туда куда не знала

Не поймёшь коль захочешь
Не поймёшь коль понадеешься
Из другого ты тела
Смирись, ты душа человека

Унесёшься
Прозрешь
Где растение твоих глаз, незнакомец?
Почему не пускаешь себя?

Noquar

* * *

- Видишь у барной стойки?
— Твою мать, Карл, это ж осьминог!
— Его зовут Дрейв Дугл. Да-да, гроза морей и океанов на деле обычный осьминог. Ну... как обычный... если не считать его габаритов :)
— И... что он делает в баре?
— Хех, смешной ты. Ну что ещё может делать в баре настоящий моряк?
Пьёт, конечно!
— Логично, не поспоришь. Но ты даже и близко не ответил на мой вопрос...
— Кстати, помню, в своё время он очень любил песню про осьминога. Ей уже тогда сто лет в обед было. Поговаривают, что некий юнга её придумал и тем самым спас от Дугла корабль.
Я нервно сглотнул.
— Легенда, конечно.
— А как было на самом деле?
— Как по мне, так он сам её придумал.
— Почему?
— Да потому что навряд ли он бы её так любил, если б ему какой-то хмырь её напел. Тем более ты слова-то помнишь какие?
— Не-а, откуда мне знать? Я ж не моряк...
— Эээ, откуда вы такие берётесь на мою голову? Ну да ладно...
Старый Карл наконец-то взял в руки гитару. Как я ждал этого момента! Но я думал, что он споёт о своих похождениях, как всегда и бывало. Но уж никак не про осьминога, который к тому же сидел недалеко от нас!..

Песня про осьминога:

*Я осьминог, я осьминог
И у меня пара лишних ног
На-на-на
Я осьминог, я осьминог
И у меня пара лишних ног
На-на-на
И что-то болтается между ними
И что-то болтается между ними
У меня нет мозгов и нету лишних слов*

*Я осьминог, я осьминог
И у меня пара щупалец-ног
На-на-на
Я осьминог, я осьминог
И у меня пара щупалец-ног
На-на-на
В глубине моря плавать прекрасно
В темноте моря совсем не опасно
Я осьминог, читайте между строк...*

ЭССЕ. ИЛИ НЕ ЭССЕ. РЕШАЙТЕ САМИ...

Когда мне предлагают что-то рассказать о себе, я всегда мешкаюсь и в итоге не знаю, что сказать. Банальные, вроде бы, вопросы: кто ты? что делаешь? о чём мечтаешь? чего хочешь от жизни? А я становлюсь в ступор. И не оттого, что я не знаю ответы на эти вопросы, их я знаю предельно хорошо. Но когда ты смотришь на человека, который задал тебе эти вопросы, то ты изменяешь правду так, чтобы ему было по душе это слушать. Хотя далеко не факт, что ему это вообще нужно. Особенно не по себе, когда по поведению видишь, что это так. Но благо здесь иной случай...

Что же есть правда относительно меня? Я бы сейчас могла рассказать о многом, начиная с того, что я ведьма пустоши, и внутри моего душевного пространства живут души других людей, и что здесь я до тех пор, пока нужна этому миру, и т.д., и т.п. Но в этом нет никакого смысла, потому что самое настоящее остаётся при тебе и только при тебе. Ведь самое сокровенное ты никогда не покажешь тому, кто банально не поймёт и не сможет «ощутить»? Это нормально. Ведь ты не будешь расстраиваться и доказывать дальтонику, что это синий, а не зелёный? Вот и я не буду.

Поэтому здесь мне нужно написать что-то более близкое. И есть одна проблема в этом — я ничего не хочу. Когда я на полном серьёзе начинаю об этом думать, то прихожу к этому снова и снова. И не потому, что мне не о чём мечтать или желать. Просто это всё настолько незначительно. Да, я соглашусь, что я люблю многих людей, многие ощущения, да, что скрывать, и многие вещи тоже. Но я не мечтаю о них потому, что они уже ЕСТЬ. И я наслаждаюсь этим. То, что мне действительно необходимо, оно появляется само, а то, что не нужно, оно и не возникает в моей жизни.

Здесь срабатывает другой момент: я далеко не всегда нуждаюсь в том, чтобы владеть желанным. Мне достаточно это увидеть или представить. И мне жаль, что я не какой-нибудь буддийский монах в долгосрочной медитации и живу в обществе, которое задаёт свои правила выживания. В большинстве, если я говорю о том, что хочу денег, или карьеру, или ещё чего подобного, то это всё в итоге для того, чтобы произвести впечатление — хорошее или плохое. Или никакое — тоже впечатление.

Теперь, наверное, стоит поговорить о счастье. Что же это для меня такое? Это чувство приятного покоя оттого, что тебя понимают, принимают и разделяют это чувство с тобой. И поэтому, когда говорю, что я хочу быть счастливой, то в первую очередь я вспоминаю тех людей, те события, которые принесли мне эти ощущения. И это далеко не всегда то, что принято считать составной «счастья». Нередко я ощущала его, будучи просто в приятной для меня компании, или оттого, что человек изучает моё творчество. Это, я бы сказала, даже интимный момент. А если ему это даже нравится, то моему ощущению счастья нет предела!

Поэтому я люблю творить. Когда ты создаёшь что-то, то попадаешь в некое состояние «абсолюта»: ты чувствуешь, что каждое твоё действие является «правильным». Если этого состояния нет, то и ничего путного не выйдет. Оно появляется чаще всего, когда я не следую какому-то плану действий, а делаю то, что хочется делать в конкретно данный момент. Это придаёт мне уверенности в себе, и появляется приятное ощущение того, что ты свободен. Видимо, оно тоже является важной составляющей счастья.

Также состояние «абсолюта» может появиться от приятных мелочей: это начиная от каких-либо «сюрпризов» (сделать или получить подарок, заметить красоту вокруг, посмотреть любимый мультфильм или фильм, общаться с «моими» людьми, принять участие в приятных «глупостях» и т. д.) до каких-то конкретных вещей, которые вызывают чувства умиления, уюта и принадлежности к чему-нибудь нереальному (например, интересные блокнотики, наклейки с любимыми героями, яркие подушки чудной формы, ловцы снов и т.д.). Всё это безумно радует и вдохновляет меня.

Итак, мы плавно переходим к вопросу — «чего же ты хочешь от жизни?». Здесь просто и понятно. Как я уже говорила, я в моей жизни уже есть то, что мне действительно хочется. Это всего три возможности: творить, любить и оставить свой след в истории людей. Это самые заветные три желания. Самое прекрасное в них — что они не являются конечными. Этим можно заниматься всю жизнь! А главное — ты никогда не знаешь, что получится в итоге. Это интригует и тоже вдохновляет.

Если же с творчеством и «следом в истории» всё понятно, то остаётся как-то пояснить за любовь. Я люблю всегда. Это перманентное состояние желания дарить то, чего человеку не хватает. Любовь — это то чувство, которое заставляет меня что-то делать ради других. Я люблю друзей, родных, коллег. Это чувство не тяготит, а, наоборот, приободряет меня. Но, честно признавшись, когда я думаю о любви как об отношениях, то на душе возникает ощущение, как будто меня раздавили неподъёмным грузом. Не люблю думать о такой любви. Странно, не так ли?

Я не мечтаю о семейной жизни, потому что не хочу быть «птицей в клетке». Это самое страшное, что может случиться со мной — быть запертой в обязанностях и лишиться «своего» общения. Ты как будто не принадлежишь сам себе. Может, именно от этого я бегу всю жизнь?

В любом случае, пора заканчивать. Возможно, это эссе не является таковым, но я написала в меру своего понимания мира и себя самой. Надеюсь, оно окажется полезным.

Sah Многоликий

Я УСТАЛ

Я так сильно устал скучать
По Человеку, местам — по всему!
Я устал в мыслях перечислять
Всё, что мило сердцу моему.

Мне ужасно надоело вздыхать
Тяжким вздохом при скорбной Луне.
И ночами — хочу просто спать,
Я ведь тоже нуждаюсь во сне.

Я устал предаваться хандре,
Ведь ТАКИЕ денёчки вокруг!!!
Хотя... Я ж на работе — что мне?
На работе, видать, и помру...

Надоело в одиночку бухать,
Собирая сопли в кулак.
Ведь лучше с друзьями гулять!
И если хочется выпить, то с ними. Лишь так!

Выкинуть мыслей с башки, что впритык
И пускай там в груди немного болит...
Ведь я, если честно, даже привык.
(Спасибо тебе, грёбаный бронхит!..)

Прекратить бы мечт глупых дурман,
Что грядущего свет вечно застит...
Только этот вот самообман
К сожаленью, боюсь, не прокатит.

Впрочем, чего это я приуныл???
Те же самые Море и Люди
Как всегда разжигают мой пыл!
И надеюсь, что ВСЁ ещё будет!!!

Soror Laetitia

НЮИТ

Ты, бесконечно расширена
Словом прежде листа,
Ты, кто не выбрала — выбрана,
Ты, кто любовь, красота,

Ты, кто и пропасть, и лоно,
Ты, кто лазурь в золотом!
Ночью на лунных склонах
Мир обнимает Ничто.

Ты, без пределов Вселенная!
Всё в тебе — тени и свет.
Ты — бесконечность священная,
Та, кого вовсе нет.

ЧЕФАЛУ

Выкупить несколько дней у вечности,
Вечно пречёрной, всераздирающей,
Чтобы мечтатели смели беспечно
Путь проторять туда, где скрыт рай ещё,

Маревом вечер раскрасит страницы,
Мир обойти — да всё будет мало! —
Тайны хранит, танцует, дожидится ли
Город у моря — старый Чефалу.

ТЕЛЕМСКОЕ АББАТСТВО

История времён покрыла пылью
Всё, что тут было в давние года,
Но познано в тех стенах столько было,
Чего другим не видеть никогда,

Сюда дорога — полоса препятствий,
И предстают руины без прикрас, —
Разрушено Телемское Аббатство.
Но Истина живёт не в стенах — в нас.

Soror Laetitia

БАГРЯНАЯ

Пусть меня кто-то хочет уничтожить,
Пусть я мешаю стольким на пути,
Но вы скажите мне — о, что же, что же
Сильнее в мире быть настолько может,
Чтоб изменить небесных ход светил?

В плену железном злости всё слабея,
Рассыплется — кто в пепел, или прах,
Всё те, что будто белого белее:
Им не убить меня — ведь я Идея,
Идея, воплощённая в веках!

Я девственна ли, дика ли, опасна
Для злости металлических пружин, —
Я дочь неба, созданная в красном,
Я ветер звёзд и сладость песен страсти,
В багряном пребывающая жизнь!

СИМВОЛ ВЕРЫ

И в радостный час, и во время печали,
Что б ни приносили года,
Ты помни о тех, кто стоит за плечами
Всегда.

Когда холод пал, и земля так застыла,
Что слёзы катились с лица,
Рука тебя чья это время хранила? —
Отца!

Когда шёл над пропастью ты перед всеми
По тоненькой нити впотьмах,
Держала Она воду бездны в то время —
В руках!

Куда было пасть, зная себя коль не смеешь?
Ты, радуясь, или скорбя,
Куда-то уж если упасть и сумеешь —
В себя!

Кто истинно ищет — найдёт и обрящет,
Уж нам ли об этом не знать...
Так вечен Отец, лик Хозяина Чащи,
И вечна Великая Мать.

Soror Laetitia

ПОСВЯЩЕНИЕ БОГИНЕ

О, я о ней так мало знаю!
Непредсказуем каждый миг:
То ликом будто бы святая,
То раз — и высунет язык.

О ней бы можно много спорить,
Но всё ж отгадка не проста.
Она порой — шальное море,
Порою — неба высота.

Совпали будто бы случайно
И женский стан, и страсти стон:
Семь покрывал соткали тайну
В едином слове — Бабалон.

В ХРАМЕ МОЁМ

В храме моём
Света сиянье:
Стены крепки
Белого оникса.

А поутру
Вести приносят
Лёгкие совы,
Совы да голуби.

Каждый напавший
Будет повержен:
Станет стеной
В том укрепленье —

Статуей белой,
Что украшает
Своды и залы
Во веки веков.

* * *

Из направления любого
И вне религии любой
Молчанья тайной или слова
Я так же говорю с Тобой.

Soror Laetitia

С.А.Х.

Смотрит, смеётся, чуть поводит рукой,
Держит в руках чашку крепкого чёрного чая:
— Ангел-хранитель — кто он вообще такой?
Из-за завесы той кто тебе отвечает?
— Ищут его по строкам, по небесам,
По облакам гадая, кофейной гуще;
Но коль себя не понял — кто есть ты сам —
Сам от себя отринут — момент упущен.
Что здесь сказать, когда все слова — не те?
Это — понять, таким для чего ты создан.
...А кто-то сидит средь комнаты в темноте —
И сквозь потолок прорастают сияньем звёзды.

ЛИБЕР...

К Тебе взываю, о моя Богиня,
Тебе служу! Смеются — ну и пусть!
Но каждый миг я помню Твоё имя,
Склонившись перед тем, как поднимусь.
Тебе молюсь я чистым сердцем жрицы,
Твой мир вокруг меня со всех сторон,
И Твоё имя в страсти возноситься
В нём может слаще всех иных имён.

КУЛЬТУРТРЕГЕР

Я культуртрегер, будто егерь, только каменный лес,
Мой каминат в этой вере был, конечно, не блеск,
Но сквозь пампасы до Кайласа не напрасно я лез,
Да, я помазанный Айвасом, с книгой наперевес.
Пускай ветра не те подули, всё же полюс один,
Ультима Туле в снежной неге спит средь северных льдин,
И хоть невнятная телега, сам себе господин,
Я культуртрегер, не боишься — так за мною иди!
Я культуртрегер средь пустыни, где скрывается яд,
Когда ночами небо стынет, звёзды ярче горят,
Где целый мир сокрыт в картине, там и боги — друзья,
Я культуртрегер против мира, где весь мир — это я!

Soror Laetitia

* * *

Люди, хоть то и странно,
Ищут богов следы,
Ищут Грааль и страны,
Что под гладью воды,
И философский камень
Ищет кто-то из вас...
Я же скажу (меж нами):
Гнозис — это — Сейчас.

АФИНСКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

Разлился запах в ночь — то мандарин.
Там — вы о том рассказывать не смейте —
Где сосны спят, среди камней вершин
Сам Пан играет на чудесной флейте.
Там Аполлон живёт ещё с тех пор:
В святилище приходят снова люди
Смотреть камней изысканный узор.
Они уйдут — но это всё пребудет.
Там спит Арес — не время воевать,
Врагов уж нет, одни коты в тех храмах.
Он бы проснулся, только зря вставать
Ему не нужно. Или просто рано.
Не каждый здесь увидит это сам:
Скользнула тень в кустах, как будто птица —
Геката ходит ночью по камням
И носит факел, видный только жрицам.
Афина — тайный мэр: она следит
За городом, а город пахнет летом
И круглый год сиянием залит
Живых цветов... Но сказка не об этом:
Терять мне это всё не в первый раз —
Уж было, но места я всё же помню.
Когда-то даже было много нас.
Через века — но доверши, исполни!
Три дерева, и камень между них.
Слова, которых смысл вам неизвестен.
Свеча черней ночей. И текст — как стих,
Что мог бы быть ещё тогда здесь песней.

Soror Laetitia

ДИАНИЧЕСКОЕ

— Где храм? — За той скалою, вроде.
Смотрю туда, где солнце чертит свет:
В костюме белом женщина выходит.
Но никакой там женщины и нет!

Богиня где-то здесь. И по старинке
Её легенды здесь порой видны.
Геката ездит в поездах. Морщинки
У глаз, улыбка и серёжки из луны.

Она идёт на рейс — иная сила
Её влечёт на все её пути:
Вдруг женщина из Греции спросила
Помочь ей сумку просто занести.

Ей не нужны уже иные требы —
Коснёшься — и окажешься в игре! —
Диана птицами растянута по небу
И солнцем сквозь те камни на горе.

Все встречи с ней, конечно, неслучайны.
Она поможет тем, кто смел и смог
В руках держать мистерии и тайны,
Древней которых лишь морской песок.

ВМЕСТО ИТОГОВ ГОДА

Когда были со всех сторон
Мир ли против, отец ли, мать,
Был преград вокруг миллион, —
Но избрала иной закон,
Позволяя себе желать.

Что хотела — было нельзя,
Ждала пряник — свистела плеть.
Утирая слёзы в глазах,
Я училась, боясь, дерзать,
Я училась, дрожа — но сметь.

Что ты знаешь — с тобой всегда,
Твоё кредо — тебе под стать.
Всё пройдя — моря, города, —
Я, как рек текучих вода,
Научилась ещё — молчать.

Turia Arn Torwood

СЕРДЦЕ СВЕТА

Предисловие

Ввиду моей незрелости об этом рано писать, да и я сам не имею особого желания. Поговорить об этом — пожалуйста. Но мне кажется, что сейчас об этом стоит обмолвиться. Предчувствие.

Также стоит подметить, что этот рассказ для несведущего читателя рискует быть непонятым. Поймут, наверное, только те, кто этого касался.

P.S.: Посвящается всем тем, чья тёплая рука незримо толкает меня вперёд.

С чего бы стоило начать... С того, что дьявол в мелочах. Когда мы небрежно упускаем мелочи, мы рискуем разрушить что-то важное. Ибо всё важно и не важно одновременно, а мелочь является мелочью только в наших глазах. Мы невежды. И всегда ими будем. Этот факт нужно принять, а вот смириться с ним или нет — решать вам. Если нет, то совершенствуйтесь, вы так и останетесь невеждой, но менее невеждой, чем другой человек, хотя вас это, скорее всего, не будет волновать, я надеюсь.

Итак, речь пойдёт о некоем Свете.

Можете понимать это как угодно. Вера, самоубеждение, учение или психопрактика. Это не важно. Важно то, что кого-то может заинтересовать данный подход, и, возможно, кто-то это искал.

Стоит начать с малого. С Благодарности, уважения, Любви.

Хотя на самом деле это далеко не малое! :) (Что я говорил о мелочах?)

Итак.

Благодарность

Как часто вы благодарны? За всё, что происходит вокруг. Да, да.

Надеюсь, вы не думаете, что благодарность выражается, чтобы угодить тому, кто сделал тебе приятно. Благодарность — это отклик нашей души на сделанное для нас добро, добро, которое мы осознаём. А как насчёт неосознания? Его много. Очень. А как вы хотели, мы несовершенны, мы невежды. Но в этом есть и красота. О ней не будем.

Благодарность — ключ к узам, что разжигают свет. Мы благодарны и дарим эту энергию человеку, который сделал нам приятно, и чем больше мы отдаём в мир благодарности, тем сильнее растут узы между нами и окружающим нас миром. Благодарить нужно не только людей. Приятное дуновение ветра, красивое облако, смех детей, животные... Всё, что в нас может пробуждать удовольствие или радость, должно иметь выход в виде благодарности, искренней благодарности. Поначалу словом. Вам что-то сделали — скажите спасибо. Вам повезло — скажите спасибо, вы удачно что-то сделали — скажите спасибо, не вслух, про себя, но скажите. В конечном итоге — когда дойдёте до автоматизма. Замолчите, и вы, возможно, сможете почувствовать это тепло, которое окружает мир. Без осознанной

Turia Arn Torwood

практики этого понять невозможно. Если вы благодарны миру, это рождает к нему любовь и уважение.

К слову об уважении...

Уважение

Научитесь уважать. Уважать всё. Каждую форму жизни. Вмешивайтесь только тогда, когда кому-то грозит опасность. И не вмешивайтесь в естественный круговорот природы. Научитесь уважать её покой. Он переживёт вас. Он породил вас. Стремитесь с уважением относиться ко всем, будь это человек или муравей.

Мы не идеальны, всегда будут случаи, когда мы сделаем всё наоборот, однако это то, к чему нужно стремиться. Баланс в движении, сама суть природы — это движение, круговорот, развитие.

Также стоит сказать о людях из прошлого вашего рода... О предках, дедах, прадедах, родичах до двадцатого колена... Знайте свой род и славу своих предков. Гордитесь ими, но никогда не похваляйтесь. И не пользуйтесь их славой. Эта память дана вам в пример того, что вы должны быть не хуже. Это должно стать Солнцем, что будет нести вас вперёд и с гордостью за то, что они наблюдают за вами вашими глазами. Это должен быть свет, что будет нести вас к вашему совершенству.

Любовь

Любовь. Любовь несётся сквозь время и материю. Это устойчивое чувство, которое при правильном его использовании и станет Светом. А при неправильном — безмерной болью и бездной, подобной чёрной дыре. Научитесь любить всё. Иметь интерес ко всему, вас никто не просит любить случайного прохожего или резко заниматься чем-то, делая вид что вам это нравится. Откройте сердце миру и окружающим вас вещам, пропускайте через себя опыт взаимодействия с окружающими вас вещами, профессиями, людьми и событиями. Научитесь любить и найдите солнце среди своей семьи, друзей или тех, кто может им стать. Что формирует наше мнение о человеке? Накопленная о нём память. Если вы узнаете человека достаточно хорошо, очень хорошо, дотянитесь до его сердца — вы откроете для себя солнце. Солнце, что будет сопровождать вас до конца жизни. Даже если этот человек умрёт, его мысли, взгляды, убеждения, часть его души всегда будут пребывать с вами. Его можно найти в перенятых от него привычках, словах, суждении или просто задумавшись, что бы он сказал на это... Умершие никуда не уходили, просто они стали настолько близко, что мы неспособны разглядеть их под собственным носом. Воплощение образов всех тех, кто делал для нас добро, стал солнцем и подарил важные уроки в жизни, — и есть воплощение этого света, света, о котором никогда нельзя забывать. Ибо забыв... Вы можете забыться в тьме и жестокости этого прекрасного... но всё ещё ужасающего мира.

Turia Arn Torwood

* * *

Спал драккар в объятых моря,
Не восславлен, не скован горем,
Не коснулась его стрела, но волна,
На нём его история, его борьба,

Ярость морей, плач дочерей,
Горели сердца моряков,
И в этом неравном бою лишь
Горна Вальхаллы слышен был рёв,

Спал драккар в объятых моря,
Без сожалений, желаний и боя,
Сложил в глубинах голову дракон,
Окутав себя вечным сном.

* * *

Сквозь, в даль грозовых штормов,
Вскользь, по лесам и легионам цветов,
Вечен рок бытия, годы сменяют века,
Огонь разгорается в центре вселенной,

За которым бездна спит нетленно,
Пока жучки ползут по травке,
Пока дурачки борются за палку,
Укором будет всем для нас,

Звёзды, небо, блеск её глаз,
Залы, в которых уснули боги,
И реки, моря пролитой крови,
Война и мир, разницы нет,

Человек хотел оставить след,
Делами, тираня, возможно, творя,
В себя частицу вечности вобрать,
Чтоб звездой на небе стать,

Помните, от мала до велика,
От Шпилей гор до сердца мира,
Что Арии вам воспоют лишь те,
Кому суждено, как и вам,
Кануть во тьме.

Turia Arn Torwood

* * *

К огню вечному стремясь,
Страдая, борясь и проклиная,
Я люблю себя, кривясь,
В утратах силу обретая,

Как, в хладе отчаявшись, таясь,
Егерь костры жжёт для рая,
Так и я, как безумец, стремясь,
Жгу себя ради спящего края,

Там спят гневные боги,
Во тьме тихо таясь,
Придите ко мне, герои,
В огне, среди древ, каюсь,

Старая брусчатка дорог,
Ещё помнит след изгоев,
Что предали камень огню,
Во имя роцц и волчьего воя...

Во имя Богов, Пруссии, Моря...

* * *

Когда ночь закончится, время сгорит,
Век свой безудержно мы отгремим,
Мысли истекут в никуда, а как же мечты?
Спроси ты меня, спроси, если видел жизни цветы.
Ты думал, что труды тебя восславят?
И пепла не коснутся они?
Иным не будет сей итог,
Всех всегда постигнет рок,
Готику сменит Возрождение,
Гербы — триколоров флаг.
Убеждения в праведности судьбы
Мы оставим на костях.
Стяги погорят, дворцы,
И королей шёлковый наряд,
Всё канет в лету навсегда,
Даже ты, и даже я.

Turia Arn Torwood

* * *

С закатом приходят сожаления,
С рассветом — надежда.
Ждать забвения не буду
И с ответом от ветра
Жду, надеясь — всё, с приветом,
Не услышать вето на уста.
Только страсть, только нежность
Будет отрадой для меня.
Жива ещё моя надежда —
Ждать мне, смотря украдкой в даль,
На закат лая гневно,
В рассвете видеть твою шаль.

* * *

Там, где мой дом,
Горит закат огнём,
Там, где мой край,
Кончается рай,
Там берега морей,
И драккары спят на дне,
Там, где мой край,
Прошу, не умирай.

* * *

Бойтесь короны, на которой написано не ваше имя.
Бойтесь имён, сила которых для вас не естественна.
Бойтесь богов, с чьей природой вам не совладать...
Бойтесь, если удел ваш — быть ведомым пастырем...
И не бойтесь ничего, если мир, в котором вы живёте,
не является пригодным для этого...
Ибо жизнь рождается в борьбе...

ХЛАДНОКРОВИЕ И ОРУЖИЕ

Звери, цветы и птицы — можно удивляться внешнему миру.
Ты ночью в профиль напоминаешь хищника.
Зубы помнят о том, что люди — это животные.
Руки помнят о том, что люди — это животные.
Ярость в тебе помнит о том, что люди — это животные.
Голод в тебе говорит о том, что остальным можно пренебречь.

Ты превращаешься в зубы — я превращаюсь в страх.
Ты превращаешься в хищника — я становлюсь жертвой.
Ты превращаешься в дикое — я становлюсь несчастен.

Смотришь хищно, так одиноко, так странно, страшно.
Но почему тогда в твоём горле нож?

Люди опасней, намного опасней тем,
что у них есть хладнокровие
и оружие.

Алина Азовская Голд

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ДВОИХ

Находи очертания дикого тела...
А витрины обрызгай мятной водой.
Да, я выпью бокал, что принёс Азazelло —
Со стола убрала зверобой.

Говори со мной только по азбуке Розы...
Приятная, горькая, алая кровь.
Посмотри на лесные, лихие курьёзы,
Предотврати войну муравьёв.

Развешивай чудные факты по стенам
И попадай всегда наугад!
Продай свой намоленный крест за бесценок,
А после ускорь шаг.

По стрелам, что начерчены мелом,
Ты набредёшь на тропу...
По ней очертания дикого тела
Ты соберёшь всецело... И смело
Встретишься мне наяву.

ЗАГАДКА ЛУНЫ

Играет театр неясный на небе,
Танцуют ярчайшие будто бы искры.
Всё это готовится гордой планете —
Околоземной, наверно, орбите.

Стараются яро мельчайшие звёзды
И сочиняют, рисуют афиши.
Сейчас все они под большущей угрозой —
Только бы всем понравиться Высшей...

Вот блеск серебристого чудного света...
Так призывает к владеньям Луна.
И на представленье даёт мне билеты.
И я вижу то, что видит она!

Алина Азовская Голд

Целую вечность шоу продолжается...
Вдруг вопросительный слышу упрёк.
Постепенно погода до пика меняется —
Оглушительный с неба падает смог.

И вновь чем-то наша Луна недовольна,
Режиссурой звёзды её не обрадовали.
Но всем она коротко молвит: «Вольно!» —
И спать своих деток тихо укладывает.

А позже, вдруг вспомнив, что я это вижу
Отчётливо всё до сих самых пор:
«Поведаешь ли ты это ближним?» —
Чувствуя мой ярчайший задор.

Отвечаю: «А ты бы такого хотела?» —
«Пусть знают, что Я такой ставлю бал.
Только ты у меня теперь под прицелом».
Её тон меня чуточку в ужас загнал.

«Если ты отгадаешь одну лишь загадку,
То подарю небывалую вольность.
На Земле не всегда бывает вам сладко.
Я ещё не теряла всеобщую зоркость.

Так ответь мне: Собственно, в чём моя прелесть?
Отвечай же мне быстро в это мгновенье!»
Тут проснулась во мне отчаянно смелость...
И сказала я громко: «В твоём притяженье!»

На губах её мягко застыла улыбка.
И упала я в гулкий прерывистый верх...
Одарила Луна меня тайным свитком
И вложила мне в душу фарфоровый снег.

Говорит: «Как Любовь даст толчок к движенью,
Приди к милому трепетно, нежно во сне,
Прошепчи ему: Прелесть Луны — в притяженье...
Так раскрой же свиток этот во мне!»

Алина Азовская Голд

РОДНАЯ ДРУГАЯ

Я тебя посетил из полярного края.
Ты стала другая,
Ты стала влитая.
Мне тебя не понять.
Говоришь, что я в коме,
Хоть мы оба на воле.
В тебе столько боли,
Которую мне не понять.
Мне твою боль не унять

Прости, детка, что стал признавать
Все Эфемерности этих чакр.
Я так психую, что ты забиваешь насквозь
на старую ось,
на площади не своих акров.

Ты манишь.
Но где ты отныне?
Так страстно волнуешь в полёте
и пригрожаешь в пустыне,
если кому расскажу.
А ты никому не верь!
Никогда я не встречу такую,
которая
вдалеке...

Так дыши!
Если ты не мечтаешь, то меркнет Вселенная.
Как с прибоя доносятся
Волн волнения,
Так и я ощущаю
Твоё Приближение...

Ты другая.
Играешь в отраду иную.
Мне тебя не понять,
Никогда-никогда не понять...

Алина Азовская Голд

Зачем ты выбрала избираться?
Зачем назначилась королём?
Зачем ты всегда выбираешь меняться?
Нам же явен недостаток вдвоём!

Что ты сделала, чтоб заманить эту лошадь
Мчать тебя по верх ветра и горечи лжи?
Мне неприятна скорость пути.
Мне руки от неё сводит.

«В небытующем сердце она»
Ждёт, когда я открою всё ж дверцу.
Непонятно мне: так моя ли вина,
или чёртова закономерность?

«Вина всех висит на заборе...»
Даже это предел не твоих уст?
Он пьёт наше здоровье, пока мы пьём ртуть.
Каюсь, злюсь, но завожусь.
Так вина — это ж тень в бокале!
Что ж, я выстрою Курьев мост...
Дай мне выстроить Курьев мост,
Пока тебя не забрали!!!

Как дерзали когда-то твои корабли!
Что стряслось?
Молодость
не даёт нам боя,
не даёт нам времени на дожди.
Я хочу на мгновение побыть с тобою...
И без севера, что мы когда-то жгли.

Алина Азовская Голд

ДОРОГА ДОМОЙ

Я иду к тебе на огнях твоих,
Цвета чёрного мрамора, разумеется.
Я иду во тьму, ветер сразу стих,
Лишь браслет на руке виднеется.

Я ждала нашей встречи седьмую жизнь.
Огни рядом меня провожают.
Я убью за тебя, только прикажи,
И рожу для тебя отважных.

Только сам ты, конечно, захочешь — убьёшь,
А я съем всё, что не для питания.
Говорят, в эти сутки ты кровь прольёшь,
Чтоб любовь перешла к возгоранию.

Чтобы память ко мне возвращалась вновь —
Кем мы были и кто мы такие.
На меня повлияет шаманская дробь —
Окружат существа внеземные.

Вот тогда-то они смогут нам рассказать
И поведать любые тайны,
У кого отнять и кому раздать,
Совет спросим у неприкаянного.

В благодарность ему мы подарим дом.
Мы же были такими же сами.
Нанесло нашим душам это урон,
Знали, ради чего подписали.

Я не вижу, твои как проходят дни,
Но во снах часто плачу в темнице.
Создают и сжигают с перебивкой мосты.
Я — томышь в подвале, то — птица.

Я пойму момент, что ты вновь со мной.
Мне осталось чуть-чуть — и готова
Проникать без дверей в новый мир иной
От манящего твоего зова.

Алина Азовская Голд

ВСЁ ПЛАСТМАССОВОЕ

Всё пластмассовое, резиновое, ненастоящее
Сколько мне осталось храниться, чтоб делиться секретами?
Взрыв металлических предметов... Сода щадящая...
Переключаю радиоволну на ретро.

Что погубило тебя, публика самоцветов?
Ты что куёшь себе меч из дерева?
Так и будете грабить природу, не давая обетов
На скорое исцеление, прикрываясь веером

Собственных нужд...? А я пока по-соседски
Буду выкапывать Вам могильные ямы
Ведь лишь перед смертью Вы вспоминаете детство,
Где нравился запах новоиспечённый раны.

Где Вы живёте? Я вот — в старинном театре.
Игрушки всё помнят, и любят такие забавы:
Каждый здесь гений, хозяин собственных акров.
Это и твой мир, ты тоже здесь мог жить по праву.

Алина Витухновская

И САТАНА ТАМ ПРАВИТ БАЛ

Когда тотальные репрессии
Так эстетично восхитительны,
Когда прелестные Освенцимы
И сладко стильные Бастилии...

Вы, обособленные бестии,
И их любовницы бесстыдные
Своих соитий жуть чудесную
Посредством выстрелов постигнули.

Катарсис сна тоталитарного —
Площадка с кукольными танцами.
Их мозг расстреливал под трансом
Боец пространства имитаций.

Мир-карусель. Трусливо весел
Кошмарный русский карнавал.
И снег покрыл страну как плесень.
И Сатана там правит бал.

ПЕТЕЛЬКИ

Эти улицы, словно петельки,
Узелочки мертвецких лиц.
Вас притягивает эстетика
Обязательных виселиц.

Сюрреальные тени власовцев,
Соловецких ли мертвецов...
Вас затягивает сверхбезвластие
Тех неласковых Соловков.

Алина Витухновская

ГОЛОБОК

Умер голубь, надоело
Повязал петлю на ш
И повесился умело
На цветном карандаше.

Что ни праздник, то поминки —
Точно по календарю.
Это лучшая картинка,
Я тебе её дарю.

Колобком заварят тесто
И приклеят птичий пух.
Хочет голобка невеста
Съесть безжалостно и вслух.

Белым пальчиком лениво
Гладит сказочный живот,
И хвастливо похотливо
Шевелится красный рот.

Спит невеста, век проходит,
Словно загнанная л,
Принц обещанный приходит,
Молодой, красивый, смел.

Тело спящее пустует.
Кислый стыд сочтя за честь,
Принц невесту поцелует,
И она захочет есть.

Холодильник — это вечность
Мавзолейная еды,
Всех существ большая встреча
В заморильнике воды.

Кускомясья безыдейство —
Суть, перформанс палача,
Как красивое злодейство
Идеального врача.

Алина Витухновская

Торт, морковку, грех орехкий
Для невесты приготов.
Грехом щёлкнула мертвецки —
Видит, с зуба каплет кровь.

В красном платье, в туфлях красных,
Вся в горячке и в бреду
Говорит она: «Напрасно
Мне приносите еду».

Дьявол ласковый смеётся.
Глаз моргает с потолка.
Ничего не остаётся —
Только скушать голобка.

ГОЛОД-2

Кусок красивого лица
Как скука лис. Нагая зависть.
Я та, что страстью до конца,
До смерти к тельцу привязалась.

Любовь — убыточное воль.
И только злое овладенье
Имеет право делать боль
И не испытывать сомненья.

Вы, твари слабые, доколь
Вам в липкой тьме друг-к-другу жаться?
Красавец мой, тебе ль со мной
Ничтожным им уподобляться?

Кусок красивого лица
Застынет маской воска, визга.
Пусть Босха дикие тельца
За жизнь цепляются капризно.

Любовь — убыточное воль.
К чему убогие касанья?
Красавец, в первое свиданье
Пожрать лицо твоё позволь!

Алина Витухновская

ДВА ШАГА ДО БЕЗУМИЯ

Два шага до безумия,
Где когти скрипнут нежные,
Где катятся беззубые
Колёса солнц отверженных,

Где запирают в комнатах
И думают, что спрятали,
Где все черты знакомые
Скрывают маски ряженных.

Меня казнят без следствия.
И злые не спасут меня
И сохранят последние
Два шага до безумия.

Два шага до безумия,
Где призраки повешенных,
Где катятся беззубые
Колёса солнц отверженных.

А глазки Наблюдателя
Приклеены в расщелину
Стены. Молчи, пока тебя
Не сдали в обращение.

Сиди. Вонзись в сиденье.
Прорви собой бесшумное.
А от ночного бдения
Два шага до безумия.

Ночное недержание.
Отчётности. Протечности.
Мы выспимся на ржавеньком
Шкафу у бесконечности.

Мы повисим, усталые.
И ты расправишь плечики,
И улыбнёшься: «Мало ли,
Зачем нас здесь повесили...»

Алина Витухновская

* * *

А мы убийцы блюдечек
Разлитые по скатерти.
И тюрьмы наши будничны
И узнаны предатели

И сроки предусмотрены
И усики закручены
И взгляды беззаботные
И опытом научены

И пыткой по течению
Плывущим одиночеством
В единственном значении
Ничто не значить хочется.

Так детство анонимное
Бесстыдно прекращается.
И виселицы мнимые
На небо поднимаются.

И цапли поднебесные
Жрут радужные полосы.
И скальпели как песенки
Отрежут наши волосы.

ПАДЕНИЕ

И пистолетным профилем лица
Разинулся пустым провалом выстрел.
И человека мёртвая пыльца
Стекает с пальцев ловкого убийства.

Дырою рта свежающий провал,
Как роза дна, глотающая трещин
Гнильё морщин разинутых зеркал,
Вмещает мглице падающей вещи.

Алина Витухновская

ВАСИЛИСК

Кислоты сливая и визг,
Ловя ягуаров и крыс,
Лиловый идёт Василиск

Он страшной потрянул головой.
И все испугались его —
Рванули кто в чашку, кто в мис-
Куда ты идёшь, Василиск?

Сквозь адский костлявый стриптиз,
Сквозь дьявольский хитрый каприз,
Сквозь атомный Гитлер-сюрприз
Лиловый идёт Василиск.

За что эта страшная месть?
Не надо нас нюхать и есть!
Зачем мы на свет родились?
Зачем ты пришёл, Василиск?

Но он неизбежен как смысл,
Условен как игрек и икс.
Жучок в его пасти повис.
Лиловый идёт Василиск.

Притворный как волосы льва,
Условный как власть и слова,
Когда они падают вниз,
Лиловый идёт Василиск.

Алина Лаванда

ДЕВИЦА И ВОЛК

На дворе настала ночь, и ветер дул немного. Луна на небе огромная свисала, и звёзды мигали. Из терема выходила девица юная. У девы волосы светлые косой. И шагала-направлялась к лесу.

Девушка шла и шла себе по тропинкам. Уже девица ощущала запах сосен, ели и слышала совы уханье. Дева зашла в лес. Вдали от неё хороводы водили.

Подошла девица к людям и попросила их о помощи.

«Что за помощь, милая девица?» — спросили у неё.

Девушка им ответила: «Хотела бы сосвататься». И когда её черёд?

Взял народ девушку за руки, и пустились кружиться с ней, хоровод водить. И потом отпустили, и ей сказали: «Девица, так уже твой черёд настал». Ей дали в руки клубок и сказали: «Иди за ним, он тебя и приведёт».

Девица приняла дар в руки и пошла за клубком. Дева приказала ему: «Веди меня, а я пойду за тобой».

А клубок катится и катится, дева всё за ним.

Вдруг увидела волка серого с крыльями. И он, оскалившись, спросил: «Что тебе надо в тёмном лесу, милая красавица?»

Девушка ответила: «Шла за клубком. Люди вдали хоровод водили. Дали мне в руки этот дар и сказали, чтобы за ним шла к царевичу». Волк улыбнулся и сказал: «Садись, красавица, я тебя во дворец доставлю».

СТРАНСТВОВАНИЕ ДУШИ

Сижу на работе, на улице, солнце светит, «и небо безоблачное с голубыми отливами». Мне так хочется уехать на море с палаткой.

Просто вещи взять, поехать, поселиться на морском берегу и остаться жить там навсегда. Смотреть на волны и летающих чаек, глядеть на звёздное небо с лунной, собирать гальку и янтарь. Сидеть на пледе, читать книгу, пить из термоса чай.

И пускай за мной прилетит чайка огромная, заберёт с собой. Вдруг буду сидеть на песке, смотреть на море, а за мною птица прилетит, заберёт в дальние края. Буду где-нибудь гулять, слушать пение птиц и купаться в тёплых морях и океанах.

* * *

Книжка лежит на столе.

И ей больше ста лет.

И — хранит мудрость тех времён.

Книжные листы оставляют старый сырой запах с приятными воспоминаниями.

Книга лежит на столе и напоминает ещё те времена о себе, с кем живёт она.

Кто из века веков передаёт её из руки в руки.

Алина Лаванда

* * *

И вот настал дождливый вечер,
а я достаю из стола подсвечник
И восковую свечу.
Я внимательно смотрю, как горит
свеча, а восковые огарки капают
вниз, плавя свечу, а свеча всё
горит и горит, и уже десять,
пятнадцать, и двадцать минут,
и час. А она горит и горит,
и никак не потухнет.
Прошёл час, свеча потухла, оставив
за собой ароматный воск.
Так и с людьми происходит, кто-то
тухнет через три минуты, кто-то
через десять минут, а есть кто-то —
через год, а кому-то — через семьдесят лет
суждено потухнуть.
У каждого есть свой срок догорания,
как и у свечей, ничего в жизни нет
вечного, мы все когда-нибудь сгорим,
кто-то рано,
а кто-то поздно.
Но суть одна: мы все когда-нибудь сгорим.

РАЗОЖГУ КОСТЁР

Разожгу костёр и согреюсь от него.
У костра очень тепло и уютно, греет он меня. Мою душу, а затем и тело.
Сиж у огня, греюсь, пью чай и ем ягоды с куста.
Мне так уютно сидеть и греться, и не хочется вовсе уходить.
Хочется греться, греться и греться.

МАСКИ

Люди давно надели маски, и
играют роли, которые выгодны
для них.
Люди растворились в роли и
забыли, кто они.
Люди стали надевать чужие маски,
и не вспомнят, кто они.

Алина Лаванда

КОГДА СНОВА?

На стене грустит последний лист календаря. И спрашиваю у него: «А может снова осень наступить?»

Он отвечает: «Конечно, это когда деревья сбрасывают жёлтую или оранжевую листву свою». — «А когда снова осень?» Календарь отвечает с грустью: «Эх, только через год».

«Слушай, а ты можешь ещё ответить? Может снова наступить зима?» — «Да, отворят метели двери, и станет холодно, а морозы на окнах нарисуют узоры, а снег ляжет на землю белым ковром», — с радостью календарь ответил мне. Потому что ждёт тоже 31 декабря, наконец.

«Когда снова постучится в дверь зима?» — «Эх, только через год», — ответил, шелестя своим одним листком.

«Ещё хочу спросить. Может снова весна прийти?» — «Конечно, это такая пора, когда всё цветёт и пахнет вокруг, птицы прилетают с южных земель и щебечут песни свои». — «А когда снова может наступить весна?» — «Весна только через год».

«Календарь! А, календарь? Можно самый последний вопрос?» — «Задавай».

«Может снова лето прийти?» — «Лето — это лето, мгновение — только пришло — и уже ушло. Остаётся только наслаждаться — мигом». И посмотрела с грустью на последний лист календаря и вздохнула, как же всё быстро проходит. Да, жизнь — это как лето, мгновение и миг.

«Не за горами», — наступило 31 декабря, с грустью подхожу к календарю и говорю ему: «Прощай, 2018 год!» И он отвечает: «Пока». Отрываю листок декабря.

БУРЯ

Буря на море взбунтовалась и разыгралась огромными волнами. Вода в мятежи бунтует всюду и разрушает берега.

Спокойно мне шагаются по песку, и не боюсь абсолютно ничего. И не тревожит внутри ничего. Просто быстрым шагом иду по песку и с восхищением обращаю внимание на огромные волны — семиэтажный дом. Мне так хочется, чтобы внезапно поднялась именно такая волна, чтобы подхватила и унесла куда-то далеко. Где никто никогда не был. И даже меня никогда не было.

Остановилась, смотрю на огромные волны и в мыслях думаю: вдруг меня сейчас заберёт куда-то волна. Куда — даже не знаю сама я. И даже не узнают, кто меня любит и любил. И даже с теми, с кем встречала рассветы и провожала закаты.

Алина Лаванда

ПЬЮ ЧАЁК

Сажу на морском берегу, пью чаёк
И гляжу на летающих чаек.
Смотрю на них с наслаждением.
И думаю про себя: «вот умеют они жить без всяких заморочек».
И сами летят куда хотят.
Чайки могут скрыться на небе с облаками.
И раствориться с ними, и стать единым целым.
И набрать такую высоту, что долететь до солнца и луны.
Их небесное светило лучами согревает крылья,
а в сумерках, когда приходится лететь, —
«лунный свет освещает им дорогу».

ЛЕТАТЬ

Мы все рождаемся с крыльями, чтобы летать, но когда вырастем — забываем своё предназначение быть настоящей вольной птицей.

А если кто-то и полетит, то общество приземляет и говорит: «Это что ты себе позволяешь — возьми и немедленно приземлись на землю, и перестань фантазировать, на нашей планете нет мест ангелам и херувимам, ты должен быть, как все».

А мне так нравится летать, и не хочу сдаваться, а хочу летать и парить над небом. И когда смотрю на чаек, то хочу перестать быть человеком. И отправиться вместе с ними целый день смотреть, как солнце встаёт, и как оно ложится в спячку до самого утра.

АВТОМОБИЛИ

По вечерним летним дорогам спешат вдаль куда-то автомобили. Они мчатся в бесконечное пространство.

Автомобили едут в бесконечность, оставляя музыку от их колонок сквозь открытые окна.

Автомобили едут и спешат на максимальной скорости.

Едут и едут автомобили, и ничего их не останавливает. Они просто скрипят колёсами на трассе и спешат.

ПЕРЬЯ

Гуляю у залива, собираю перья птиц на память,
а может, для закладок в книжки.

Смотрю на перья, вдруг замечаю, что они такие разные:
лебединые, соколиные и орлиные.

Люблю, когда разнообразие, а не однообразие.

Вдруг остановилась и на песке пишу большим пером, а кому?

Да просто водоёму оставляю благодарность за то,
что он предоставил мне возможность

в солнечную погоду походить и пособирать перья птиц.

Алина Лаванда

МОЛИТВА МОРЮ

О море, как же по тебе скучаю.
По твоим штилям, бурям
и штормам.

Как же хочу уехать из города.
И переехать к тебе, моё дорогое
море.

Как же я люблю тебя, море,
За твои закаты и рассветы.

Иногда так хочется в один прекрасный день
бросить все свои дела, заботы.

Просто взять и перестать заглушать свои мечты.
И отправиться жить навсегда на берегу.

И утащить с собой гитару, и сидеть, и играть,
и слушать, как плещутся волны.

Как же я люблю тебя, море,
За твоё гостеприимство.

И просто приехать, сесть на берегу
и глядеть на тебя, и посвящать тебе стихи.
Сидеть рядом с тобой и греться у костра.

* * *

Ещё стояла осень с потерявшейся и опавшей листвой. А на улице уже запахло лёгким холодом и морозом. В окнах горел свет, так как уже стояла темень. Люди шли с праздничным настроением в надежде, что ещё чуть-чуть — и настанет плавно и не спеша Новый год.

В их душах играл маленький огонёк в надежде, что скоро соберутся большой семейной компанией. В их бокалах будут бурлить пузырьки шампанского, а на столе будут стоять в больших тарелках винегрет, и оливье, и сельдь под шубой.

МОСКВА

По Московским улицам хожу и ловлю сладкую эйфорию. Светят ярко фонари, и исходит запах от бензина, что оставляют машины.

Осень стоит, а так ещё тепло, и ни капли дождя. Да всё ещё приятный и уютный воздух в столице. От этого так восхитительно, что можно гулять по променаду, пить кофе в бумажном стакане и есть мороженое с ванильным или шоколадным шариком. Ходить по набережной и наблюдать, как по реке плывут катера.

Вдали виден Кремль, и он так ярко отражается в воде, и непонятно, кто кого отражает — река город или мегаполис водоём.

РЕПОРТАЖ О ПУТЕШЕСТВИИ В ПАРАЛЛЕЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Мир Заздовны движется быстрее поезда, едущего сразу в пяти направлениях, и именно поэтому в её мирах Поезд превращается в парящий над поверхностью земли, то там, то здесь, дом в форме человеческой головы. В результате того, что здание разбирается и собирается заново, не вполне запомнив точное сочетание своих компонентов, выражения лица у Избушки-на-курьих-ножках, как мы иногда называли Центр Координации Деятельности Человечества, постоянно менялось — но мы шли туда не только чтобы на него взглянуть... В нас затаилось так и не высказанное подозрение, что Центр поражён той же метафизической заразой, которая медленно, но верно поедает миры, превращая человечество в цивилизацию полных придурков, или же вообще приводя к массовому суициду населения планеты в течение пары-другой поколений. Центр существовал почти с того самого момента, когда некие безумные силы, прорвавшиеся неизвестно откуда, начали уничтожать цивилизации одну за другой, как только они достигали определённого порога своего развития, не давая им развиться до уровня сверхцивилизации. До определённого момента было не ясно, является ли это плодом действия сверхцивилизации, обогнавшей всех в развитии на несколько эонов, или же это сам демиург этой вселенной. Гностики, расколовшиеся на две ветви, сходились в том, что мир создан злым или неумелым божеством, будучи уверенными, что только обладающий силой создавать миры может их и разрушать. Однако впоследствии было решено, что вирус мог сформироваться лишь эволюционно.

Я не буду давать слишком длинный экскурс в историю Центра Координации Деятельности Человечества. Основными постулатами, не меняющимися на протяжении веков в сотнях миров, были следующие положения. Мы живём в биологической, самоосознающей и самоорганизованной вселенной. Внутри этой вселенной действуют силы, угрожающие её существованию. Мы можем их остановить.

В большинстве миров Центр выглядит как поезд, мчащийся часто там, где вообще нет рельс, иногда — как низкоорбитальный шаттл, при виде которого у людей случается потеря кратковременной памяти. И это неспроста: с самого начала существования центра он наткнулся на сопротивление коллективного разума, внутри которого он существовал — фактически, являясь мыслью, которую Бог боится подумать. В мире Заздовны всё несколько по-другому. Если глядеть на карту тела бога, то мир Заздовны — подобен ожогу на темени от слишком рано зажжённой звезды. Это некая слепая зона, место, оставшееся от большого взрыва, — место, куда творец выкидывает скомканные черновики. Большая мусорная корзина. Чёрные озёра нефтепродуктов, зелёное небо, воздух, в котором без кислородного баллона не продержишься и пяти минут, пузырящаяся глазами мутно-зелёная слизь и чавкающая биомасса под ногами, чёрные щупальца, готовые разорвать любого. Это — царство Заздовны, королевы царства мёртвых, Заздовна восседает в голографическом тронном зале дворца, расположенного на полярной шапке планеты, своды

Альмауэль

дворца из кирпичей, вырубленных прямо из затвердевшей смеси метана и пропана, сверкают, пропуская через себя лучи множества лазеров, отсветы которых и окрашивают тучи зеленоватым сиянием. Если лететь над полюсом этой планеты на спутнике, то можно увидеть, что дворец имеет форму снежинки, и у наблюдателя могла бы возникнуть мысль, что это — естественное образование, выросшее из единого кристалла, но некому это подумать, потому как тишину коридоров ледяного дворца нарушают лишь гулкие шаги Заздовны и шелест её призрачных стражей — летающих вихрей черноты, змеящихся по льду, меняя форму, с белыми злыми глазами, а души умерших, блуждающие по поверхности планеты, и монстры с щупальцами из нефтяных озёр не строят спутников — у них есть и другие заботы.

Место, куда мы с Кристофом собирались попасть, находилось близ экватора этой планеты. Избушка-на-курьих-ножках висела над разломом литосферы, и потоки бурлящей магмы надёжно защищали её от вторжений органической жизни, по крайней мере, с поверхности планеты, однако же прыгать напрямую с Земли было нельзя: помимо органики, в этом месте обитает масса психических форм жизни, которые могут проникнуть через нас в этот мир. В общем, для поддержания нейтралитета и безопасности мы приготовились к прыжку с одной пересадкой: найти альтернативную версию Земли, движущуюся к неминуемому апокалипсису, было не так уж сложно. Если туда что-нибудь и прорвётся из адов, ничего страшного, думали мы тогда. Всё равно львиная доля населения скоро там и окажется. Выбранная нами реальность гремела музыкой и пестрела неоном.

Не знаю, насколько давно тот мир отделился от основной линии времени, но, видимо, не очень-то и давно, ведь там были мы, у нас были примерно такие же тела, и язык, на котором мы говорили, тоже не сильно отличался, вот только проснулись мы уже не в том городе, где заснули. Протерев глаза, я сразу же начал замечать различия: я лежал на чём-то жёстком, — кажется, на ворсистом ковре, — во рту всё пересохло, как было бы, если бы это тело курило марихуану каждый день уже не одну неделю. Пошатываясь, я приподнялся с ковра, осматривая аляповатый интерьер слегка расфокусированным взглядом, это было довольно-таки уютно — ну, для мира,двигающегося к неминуемому концу света, — только как-то пыльно. Пыль тонким слоем покрывала абсолютно всё — кроме фикуса в горшке, который выглядел самым бодрым и жизнерадостным обитателем этой квартиры. Ковры, потёртые репродукции Тициана, сломанные часы с гирьками на стене, старые деревянные стулья, у одного из которых вечно отламывалась ножка, и весь окружающий мир с его воспоминаниями, особенностями и течениями вливаются в мою память... Загрузка завершена, я прорастаю корешками в мозг альтернативного себя, полностью подавив его исходное сознание и погрузив его в глубокий сон... Глаза открываются с трудом, зато теперь всё видится абсолютно чётким. Кристоф уже здесь, полностью скачался и сидит, выпучив глаза, — верный признак интеграции сознаний. Только вот вид его заставляет меня издать смешок. Фиолетовые шаровары из шёлка и длинная, заплетённая в тонкую косичку борода, заканчивающая-

ся двумя бусинками в виде человеческих черепов и семечком рудракши — мне захотелось пошутить про БГ, но я вспомнил, что в этом мире Борис Гребенщиков не носил смешную бородку, не стал известным музыкантом, но зато занял место министра то ли образования, то ли внутренних дел — воспоминания в моей голове путались, а шутить про дурацкую бородку и несостоявшегося певца не очень уже и хотелось, когда я вспомнил, что я тоже выгляжу иначе, чем привык выглядеть. Хотя, после такого количества альтернативных реальностей, можно было бы и привыкнуть: кем только мне ни приходилось уже бывать, вот тут, например, у меня чёрные и белые дреды из синтетического материала, белок одного глаза выкрашен в зелёный цвет, другого — в фиолетовый, отсутствуют два передних зуба, зато множество колечек, шипиков и прочего металллома, торчащего из лица, ушей и не только. Я одет в некое подобие мантии тибетского монаха, только густого фиолетового цвета. Серо-зелёный цвет лиц прекрасно сочетался с фиолетовыми тряпками, — впрочем, здесь всё прямо таки пестрело яркими, кислотными цветами: наскоро соорудив себе завтрак из каких-то блинов быстрого приготовления (которые надо было заливать кипятком, но мы съели их сухими), мы вышли на улицы, приветствующие нас неоновыми граффити и гирляндами полиэтиленовых цветов, которыми нас попыталась украсить первая же группа прохожих — очень приветливых, выглядящих как-то неестественно радостно и возбуждённо, человек пяти с огромными зрачками и такой же серо-зелёной кожей. Вообще, атмосфера вокруг царила праздничная, только вот во всём сквозила какая-то утомлённость, как будто бы люди не могут прекратить участие в весёлом карнавале, царящем вокруг, даже если бы и очень этого хотели.

— Слушай, Кристоф, мне кажется, мы попали в какой-то мир хиппи...

— Да, я считаю, что нам нужно убраться отсюда поскорее. Кстати, меня тут зовут Бенедикт — это на случай, если мы встретим здесь наших знакомых.

— Почему у тебя во всех мирах разные имена, а у меня — одинаковые? Ну или почти всегда происходят от одного корня.

— Ай, не пизди-ка — в одной из жизней ты был буддийским ламой, и тебя звали совсем иначе.

— Как?

— Ой, не помню.

Город, похожий на туман и на галлюцинации. Такой сон, из которого не можешь проснуться по-настоящему, блуждая из вагона в вагон, приближаешься к станции, на которой сон тихо замирает — и ты можешь выйти на залитую лунным светом платформу, а потом снова ничего, и все города и станции исчезают, как дым, когда ты пытаешься что-то понять, как-то приладить себя к пустому чёрному силуэту, который только что был очерчен для тебя дымом, пытаешься стрельнуть папиросу на полустанке, понять, что перед тобой светлячки и тени. И туман, который повсюду по утрам, пробирается, болотами, стелясь над плесневелыми колосьями, забирается в щели, щебечет на ушко «спи, усни» и подсыпает волшебного песочка,

чтобы, когда вы проснётесь поутру, во рту был привкус тумана, нисколечко не меняющегося во времени, солоноватый и сухой, привкус чая, солоноватые и похожи на сушёные листья персонажи то там, то тут. Лица людей закручивают хороводами опавших листьев, сквозь разноцветные вихри к самому тонкому и прозрачному скелетику листа на вершине дерева, ветер срывает и заворачивает спиральную траекторию движения в далёкую точку, где-то на горизонте, что значит, мы окончательно покинули полосу смертных частот, входим в холодные области, населённые существами, состоящими из шестерней-снежинок. Одно прикосновение к сугробу запускает сложный часовой механизм, и мы оказываемся на месте. Кажется, мой мозг немного поплавило палящее солнце этого мира, и я уже и сам не понимаю всех хитросплетений этих метафор. А потому перейду к сухому изложению фактов: вот мы, Кристоф и я, в нужном месте, в нужное время. Место — зал для йоги или спортзал, нынче заброшенный, с мандалами и солярными символами на стенах, две стены представляют собой зеркала. Зал довольно длинный, и зеркальный коридор тянется, умножая самого себя и нас в нём, достаточно далеко. Некоторые зеркала треснули, но в целом — всё вполне подходит. Я держу в руке большой треугольный осколок зеркала, перед нами стоит упаковка пропановых баллонов — всё это было необходимо для открытия шлюза, — я держу осколок аккуратно, остриём вниз, чтобы не порезаться, мы начинаем процесс подготовки, состоящий из серии вдохов и выдохов, а также нажатий на определённые точки на лице. Говорят, что миры Заздовны — миры смерти. Это и так, и не так одновременно. Однако для тех, кто привык отождествлять форму с жизнью, вход в эти миры и есть смерть. Сам этот мир обладает разжижающим, расшатывающим удерживающие форму взаимосвязи действием, от всякого вошедшего сюда остаётся лишь его чистая сущность, а процесс соскабливания с неё слоёв выглядит как предсмертные конвульсии, которые могут охватить целые миры.

Привычно отделившись от человеческой оболочки, я приветствую Время, которое указывает мне дорогу — то ли на вершину, то ли к корням. Я вхожу в особое состояние транса, мир вспучивается, как глаза стрекозы. Каждая фасетка — это трёхмерный столбец времени, поддерживающий тот или иной мир. Треугольный осколок можно уже и не держать — он сам висит в воздухе; последнее, что это физическое тело успевает различить — это собственный взгляд в зеркале и тень, быстро мелькнувшая тень от чего-то непонятного. Так не было обычно. Раньше такого не было, я позволил себе на мгновение задуматься и пропустил момент, когда я был собран уже на другой стороне. Время показался мне белобородым старцем в длинной рубахе или саване — и вот точно такой же старец шёл нам навстречу. Мы только успеваем переглянуться и подумать, что Центр Координации сильно изменился, и теперь он действительно напоминает избушку на курьих ножках. Лицо здания ухмыляется так, будто бы оно что-то от нас скрывает. Бушующая магма каким-то непонятным образом заменилась изумрудной травкой, из которой торчали большие, расписанные древними орнаментами камни, которые, несмотря на свою

Альмауэль

древность, оставляли на руках следы свежей нитрокрайки. Символы солнца, мирового древа и что-то ещё — я не успел разглядеть, потому что старец, одетый как волхв из советской кинопостановки, обратился к нам и затянул свою песню. Он пел не только гортанью, но и как будто бы многочисленными пазухами, расходящимися от его носа по всему телу и даже дальше. По крайней мере, звук его голоса доносился со всех сторон, и реальность дышала в такт выталкиваемым из него словам. Камни, казалось, тоже запели — может быть, и не казалось, потому что некоторые из них стали големами, принявшимися сооружать развёртку гиперкуба посреди поляны. Далёкие хребты гор терялись за рощицей молодых берёзок, и если бы не зеленоватое небо, с которого периодически капало что-то перламутрово-мазутное и обжигающее кожу, я смог бы поверить, будто бы нахожусь на каком-то древнем языческом капище. Я ещё не совсем понимал, к чему весь этот маскарад, а дождик уже растворил на нас почти всю одежду и начал проделывать дырки в человеческой коже, через рваные лохмотья которой проглядывалась у Кристофа чёрно-зелёная чешуя с вкраплениями металла или пластика, а я, как оказалось, состоял весь из каких-то светящихся щупалец, полупрозрачных и перекачивающих какую-то жидкость. Дождик лишал нас привычной антропоморфной формы, и пока мы слушали песню, сообщающую нам картину мира, наш облик претерпевал метаморфозы. Старик рассказывал о том, как мир развивается, качаясь, как маятник, от состояния ненависти к состоянию любви, о том, как на фазе эволюции всё живое смешивается, соединяется и обрастает новыми свойствами. На самой конечной фазе это огромная недифференцированная биомасса, состоящая из переплетения всех возможных мыслящих и не только существ. Полностью состоящая из тенденции к соединению и ассоциации. Далее шло следующее: колесо времени разворачивалось в обратную сторону, и наступает фаза инволюции, когда огромное осознающее и живое нечто начинает дробиться на отдельные части, несущие всё меньший и меньший отголосок всеобъемлющего единства, пока цикл не дойдёт до микроорганизмов, и всё это не повторится вновь — бог, растворяющийся на мельчайшие части и соединяющийся вновь, — но в конце следовала небольшая неувязочка. К тому времени, как я понял, в чём дело, Кристоф уже принял вид ксеноморфа, распятого на трёхмерной модели тессеракта, берёзки и камни, вместе с прочей мишурой, покрылись цифровым глитчем, а бородатый старец, вышедший нас встречать, стал вибрирующей сеткой, пронизывающей всё окружающее пространство. Слои формы растворялись, оставляя только идею.

Идея была проста и очень стара. Наверное, она существует с тех далёких времён, когда вообще образовались идеи. Заключалась она в необходимости перестать осознавать себя для того, чтобы дать начало новому циклу — по крайней мере, перестать осознавать как то, чем на данный момент ты для самого себя являешься. Достигнув для какой-либо из реальностей наиболее высокого уровня осознанности, следует предпринять действие, прекращающее всяческое осознание: это единственный способ прийти в итоге к чему-то совершенно новому. Чтобы появи-

лась функция, радикально новая в сравнении с тем, чем является сознание, необходимо его полностью и безоговорочно остановить. Широта открывающихся возможностей и перспектив манила и ослепляла меня, но вдруг, как гром среди ясного неба, эту конструкцию нарушило озарение: прекратив всякое осознание, сделав это полностью, если я вообще смогу его остановить, я никогда не смогу увидеть, к чему это приведёт на практике. И хотя песня сулила мне бесчисленные миры, которые тут же возникнут, перестань я существовать на каком либо из уровней, — я вдруг понял, что у меня не будет ровно никакого способа это проверить — возникнет ли что-то новое при прочих равных условиях в случае полного прекращения всякой ментальной деятельности или же в следствии её радикального преобразования.

В окружающем же меня вибрирующем мантрами пространстве не осталось больше ничего, кроме летающих всюду кусков цифрового глитча, и Кристофа, распятого на гиперкубе, полностью превратившегося в синтез биологического существа и машины — в нём было что-то от богомола, от инопланетянина из фильма «Чужой», только на голове у него рос огромный, похожий на ягоду ежевики глаз, окружённый голографическими взаимовложенными треугольниками; всё издавало насекомий писк, пространство скручивалось в тороидальном вихре, продетом через наши зрачки, и разворачивалось воронками откуда-то со стороны затылков, замыкаясь на периферии и создавая заново весь кристалл реальности. Хотя он, может быть, никуда и не пропал.

Утром мы просыпаемся в человеческих телах, и я рассказываю о том, какой мне странный приснился сон, который можно было бы истолковать как добровольное принесение себя в жертву богом, что не только оказывается популярным сюжетом в мифологиях народов мира, но и странным образом коннотировало с содержанием детских снов Кристофа, что повернуло сюжет моих мыслей в сторону поиска новых взаимосвязей, не менее интересных, чем описанный сон, и ведущих куда дальше и глубже, но пересказ сна на этом месте уже придётся закончить, а выводы и взаимосвязи сделать частью другого, возможно, более обширного текста.

Анастасия Верина

МОГИЛА СВЕТЛЯЧКОВ

*И куда бы я ни бежал,
Как тюрьма для меня сей холодный шар.
В этом зеркале мой кошмар,
И по всем остальным фронтам
Мир исправно трещит по швам.
pyrokinesis*

Глава первая. Некоторые цветы никогда не тянутся к звёздам

За окном разгорался закат: ленивые облака, что клубились непонятными кучками на холсте неба, отдавали насыщенным красным оттенком, начинающимся от бордового и заканчивающимся ярко-алым, по причине этого у меня сложилось впечатление, будто бы кто-то изящно и на потеху всем перерезал небу горло. Деревья придерживались мёртвой тишины: их движения сводились только к лёгким покачиваниям из-за редкого дуновения ветра, а люди лишь изредка мелькали разноцветными пятнами сквозь грязное стекло окна моей комнаты. Наверное, мне давно уже стоило задуматься об уборке в квартире, однако же я находил что-то невообразимо притягательное в том, чтобы жить в хаосе: всё-таки этот самый хаос идеально вторил всему тому, что происходило у меня внутри, где-то там, где люди находят сердце.

Я сидел на сильно выступающем подоконнике, как и делал это всегда: устроился, закинув согнутые в коленях ноги, рядом с собой разместил ещё горячий кофе и тонкий, с ажурной отделкой снаружи, скетчбук, а ноутбук, расположившийся на столе, воспроизводил композиции классиков, что создавало вокруг меня невероятную атмосферу отрешённости и уединения. Именно в такие моменты я любил размышлять о жизни: насколько доволен тем, что я сейчас имею; насколько я чувствую себя потерянным, насколько меня втоптали в грязь, насколько ещё меня хватит. Насколько... А, к чёрту.

Кто-то наверняка скажет мне, что я типичный представитель непонятых подростков. Возможно, они будут правы, но, честно говоря, какое мне до них дело? Мой главный грех в том, что я получаю странное наслаждение от страданий. Я люблю эту боль, что с каждым днём сжигает меня дотла, оставляя спалённый город на руинах моего сознания; я жажду её, хоть и безумно устал ощущать огромную дыру где-то глубоко внутри себя, что разделяет каждый раз мою жизнь на «до» и «после». Я знаю, что когда-нибудь это состояние сожрёт меня. Я знаю, что когда-нибудь всё разрушится, а мне достанется лишь прах прошлого. Возможно, ещё мой грех в том, что я не верю в Бога, хотя это утверждение довольно сомнительно само по себе.

Громкий звук закрывающихся дверей, которыми постоянно сильно ударяли, словно пытались пробить бетон вокруг, раздирает поток моих мыслей, — грохот настолько жуткий, что мне кажется, будто пространство вокруг меня начинает вибрировать в причудливом танце. Атмосфера личной сказки нарушается, буквально

Анастасия Верина

распадётся на глазах, когда я слышу оглушительный грубый голос: это отец, человек, которого я хочу не ненавидеть, но как-то не выходит. Забавно осознавать, что он только пришёл домой, но уже срывается в истерику на близких: на матери, на моей сестре, хотя та зачастую даёт ему отпор, даже на мне. Немного грустно, честно говоря, что люди привыкли переносить свои личные переживания и падения на близких людей, которые могли бы подарить крылья и щит в подобных ситуациях. Мой отец каждый раз превращался в личного демона, что разрушал всё, к чему прикасался, когда возвращался с работы. Но после всего этого был самым милым созданием на планете, — а я помнил, я тщательно хранил в своей памяти, словно в драгоценной шкатулке, как он собственноручно каждый раз растаптывал хрупкие чувства моей матери. Моё сердце, как и сердца всех моих близких, покрывалось шрамами, которые никогда не дадут нам смотреть на мир по-другому.

Отпечаток прошлого — отпечаток в будущем.

Наверное, стоило давно им развестись, но человеческая натура удивительна в действительности: мы будем терпеть стойко и страстно, пока нам причиняют боль, пока наше сердце забивают клинками, потому что просто привыкли, а от привычки отказаться не хватает сил. Люди десятилетиями живут в несчастливом браке, а потом учат так же жить своих детей, возвращая эту привычку в неокрепших умах. Моя мать терпела это унижение постоянно, её ничего не держит рядом с этим человеком, однако она до сих пор рядом с ним. Я не могу её винить в этом. Жалость и грусть съедают меня живём, когда я смотрю на неё, такую слабую и грустную.

Наушники прекрасно помогают немного отвлечься от криков, что в очередной раз доносятся из коридора квартиры, которая из дома превратилась в место боевых действий. В ушах гремит тяжёлый рок, а мои родители сорятся под звуки «Осеннего вальса» Шопена. Возможно, они иногда даже повторяют мелодию своими криками, — отчего-то эта мысль веселит меня. Кофе остыл, пар от него уже не так активно разносится по воздуху, сама кружка еле тёплая, а скетчбук так и лежит открытым на первой странице.

Я опять ухожу в дебри своего разума, погружаясь в выдуманный мир, в котором нет противного крика, и не замечаю, как на листе появляется аккуратное «Привет».

Глава вторая. Бойся своих демонов

Школу определённо можно назвать социальным институтом, который будет в состоянии научить человека с младшего возраста взаимодействовать с людьми, но сразу напрашивался вопрос: «Какой процент удачи в этом обучении?» Школу точно с такой же уверенностью можно назвать местом выживания, потому что дети, особенно подростки, не осознают цену своим словам и пытаются заработать себе авторитет, выполняя постыдные действия, унижая других детей, дерясь или даже просто грубя преподавателям.

Анастасия Верина

Я не был изгоем, я был скорее отрешённым наблюдателем, что каждый день видел одинаковую картину: неосознанное насилие над психикой определённых людей. На меня не обращали внимания: я всегда сидел где-то вдали от места действий, немного напоминая надзирателя, и никогда не вмешивался в конфликты, что провоцировали или пытались решить мои одноклассники.

Это было жалкое зрелище, признаюсь честно, но я был слишком труслив, чтобы попытаться исправить это: осознание того, что я могу превратиться в такого же изгоя, заставляло моё сердце заходиться в безумном танце, а после кидало в жар. Сложно было понять: это жар от страха или же от чувства вины из-за того, что я слишком жалок в этой социальной группе, что не могу изменить ничего своим авторитетом.

У нас в классе было несколько людей, что подвергались постоянным нападкам. Первым был мальчишка-пухляк, чьего имени, скорее всего, не знает никто в классе, кроме нашего руководителя и приближённых лиц. Первые года вместе с нашим классом он был душой компании, а потом его друзья, которые сейчас, естественно, таковыми не являлись, начали замечать, что он слишком отличается от них своими формами. Это был парень из того типа людей, которые всегда таскали с собой еду и многих этим раздражали, особенно когда начинали есть у всех на виду. Возможно, если бы он не имел лишнего веса, к нему бы относились более благосклонно, но судьба явно не благоволила этому парню. Вскоре появились типичные обзывательства для тех, кто выделяется крупной фигурой на фоне других: «жирный», «толстяк», «да как под тобой ещё пол не провалился» и тому подобное. У него всё ещё оставались друзья, да и дальше обидных прозвищ мои одноклассники не пошли.

Никто из этих людей даже не задумывался о том, что этот парень мог быть полным не по причине того, что он много ест и не занимается спортом, а банально из-за какой-то болезни, полученной генетически. Сразу же в голове невольно всплывал пример моей матери, которая с двенадцати лет состояла на учёте у эндокринолога, потому что имела подозрение на заболевание — его потом и подтвердили — с очень странным названием, которое я даже не силится запомнить. Возможно, из-за мамы у меня и развилось это желание понять, что стоит за комплексами людей.

К примеру, почему человек старается одеваться во всё чёрное и серое, что стоит за его полнотой, почему он не смотрит в глаза при разговоре или молчит в компании. У людей есть столько особенностей, которые остальные считают дефектами. Забавно, что они эти же дефекты сами же и создают. Меня поражает, как некоторые люди могут замечать только одну сторону цикличности, но совершенно отрицать другую, когда всё взаимосвязано.

Второй жертвой для издевательств стала обычная, даже слишком серая для слова «жертва» девчонка: она была очень высокая и худая, чем-то напоминала жердь и одновременно с этим создавала ощущение живого трупа, носила длинные

Анастасия Верина

косы, достающие до поясницы, и дурацкие очки в круглой оправе, которые, казалось, закрывали половину лица. Движения её были весьма скованные, даже неуклюжие: она часто не могла стоять ровно, либо же, наоборот, стояла отвратительно прямо, зато взгляд был цепкий и понимающий, пробирающий до самого нутра собеседника.

Её побаивались, хоть она и принадлежала к женскому полу, потому что девушка умела пользоваться своим ростом так, чтобы сразу внушить страх своему обидчику, хотя за её спиной это рождало в два раза больше обидных слов и слухов. Внешность породила слова для того, чтобы лучше назвать её уродиной, а любовь к учёбе — в очередной раз подчеркнуть, какая она заучка.

Последней жертвой тоже была девушка, только она отличалась всем от предыдущих приятелей по несчастью: рождена в неблагополучной семье, что сказывалось на её одежде, имела скорее отталкивающий внешний вид, училась средне, даже скорее ближе к отметке «плохо», и не имела сил хоть как-то отпираться от нападков сверстников. Была, наверное, единственным человеком, которого можно было назвать жертвой: жертвой семьи, которая и вовсе не виновата в своих пороках, жертвой окружающих людей, которые только видели в ней стереотип «брошенного» ребёнка, жертвой самой себя, потому что с самого детства у неё есть модель поведения, и, честно признаться, я не думаю, что она сможет избежать повторения судьбы своей матери или отца.

Когда наступает перемена, я быстро ухожу из класса, прихватив любимый телефон, потрёпанные наушники, заточенный ножом карандаш и свой скетчбук, и спускаюсь вниз, совершенно не понимая, зачем я это делаю: то ли для того, чтобы скрыться от этого несправедливого отношения к другим, то ли для того, чтобы не чувствовать себя виноватым в беспомощности. Думаю, я всегда знал, что второй вариант мне ближе, ведь в первую очередь все мы, люди, заботимся только о себе. Хранить своё сердце от трагедий других людей, пока это не коснётся тебя самого, — это так по-людски, что аж тошно.

В тот момент, когда меня толкает кто-то из младших классов, а скетчбук вылетает из моих рук, я недовольно цокаю языком и закатываю глаза. Дети — цветы жизни, возможно, только не в тот момент, когда они превращаются в бесконтрольных монстров, которые не знаю границ из-за того, что когда-то их родители решили отдать ребёнка на воспитание технологиям — ещё один порок современного общества.

Наклонившись за своим мини-альбомом, я как-то слишком резко осознал, что вокруг меня всё стало слишком тихо. Раньше можно было услышать крики, детский смех и какие-то бытовые звуки, типа шарканья обуви или же звука молнии на портфелях учащихся, но сейчас я слушал только тишину, вытанцовывающую вокруг меня причудливый танец. Отчего-то мне стало неуютно, словно я находился не в своей тарелке, хотя ещё секунду назад хотел отчитать ребёнка, что нарушил моё личное пространство, и чувствовал себя вполне комфортно.

Анастасия Верина

Подняв глаза в немом опасении, я обнаружил, что всё вокруг было как-то смазано, без чётких очертаний, словно я попал в картину Моне. Людей поблизости не было, только пустое пространство, удавливающее своим одиночеством: оно вибрировало таким образом, что складывалось ощущение схождения и расхождения.

Внезапно пространство где-то рядом со мной разрезала аккуратная трель флейты, а когда я повернулся на звук, что в такой ситуации скорее смутил меня, я увидел её.

Это была худая девушка, а если уточнить, то это была девушка, чей образ я старательно рисовал вчера в своём скетчбуке на первых страницах, так как альбом был куплен на днях. Она была очень проблемным персонажем, так как мне никак не удавалось увидеть её внешний вид в контексте своей вселенной, а это очень мешало для создания рассказа. И вот, только вчера я, наконец, смог продумать её.

Передо мной стояла девушка с почти что белоснежными волосами, которые были собраны в довольно сложную причёску и доходили длиной где-то до лопаток. У неё были аккуратные, даже миловидные черты лица, которые выражались в круглом лице, больших глазах и пухлых губах. Ярко выделялась родинка, которая расположилась на правой щеке. Глаза, приближенные к золотому оттенку, сияли загадочным сиянием. Она была одета в платье светлых тонов, доходившее до самых пят.

Девушка своим присутствием напомнила мне, что её образ был взят с цветов эдельвейсов. И сейчас она стояла прямо напротив меня, не показывая своих эмоций, словно оживший цветок.

Её рука метнулась вперёд, указывая пальцем куда-то вниз, где лежал мой скетчбук. Перемесив взгляд вниз, я с ужасом обнаружил, что альбом при падении раскрылся именно на портрете этой дамы. Я никогда не верил в совпадения, тем более в таких ситуациях, — и оживший образ моей фантазии с лихвой доказывал мне мою теорию.

Только в этот раз внизу была приписка, сделанная не моим почерком:

«Ты всегда хотел убежать, не так ли?»

Глава третья. Синяки в душе

Паника заставляла меня гореть в агонии: она словно пускала по венам свои смертоносные шипы, которые спустя некоторое время впивались в моё сердце с огромной силой, а после прокручивались вокруг своей оси, оставляя от души кровавое месиво. Я не мог найти здравого объяснения тому, что происходило со мной в последние дни: всплывающие образы, выдуманные мной когда-то давным-давно, искривлённое пространство, которое становилось всё привычнее с каждым днём, оживающие сны, восстающие прямо предо мной в самые неожиданные моменты, — всё это нельзя было назвать нормальным.

Анастасия Верина

— Сынок?

Голос матери достиг меня, словно сквозь толщу воды. Он был каким-то пустым, совершенно не имеющим значение в данной ситуации, однако я оторвал взгляд от улицы, лениво переводя его на свою мать.

Она была тощей. Её лицо было уставшим, а спина — кривой: увы, сидячая работа не щадит никого, даже самых трудолюбивых работников. Каштановые волосы были собраны в ленивую гульку, а на макушке, придерживая не отросшие пряди, расположился чёрный ободок. На плечах болталась какая-то серая кофта, потрепанная временем, но всё ещё сохранившая свою форму, приоткрывающая шрам чуть правее ключицы, чью историю я до сих пор не слышал от мамы, а вообще она носила тёмные спортивные штаны и светлую майку — такая одежда всегда преобладала в мамином гардеробе.

— Да, мам?

Я не смог разглядеть её лица, потому что оно было... замазанным, как будто расфокус на камере у неопытного фотографа. Недолго думая, я попытался списать этот эффект на недостаток зрения, усердно моргая, чтобы избавиться от дискомфорта, однако ничего не получилось — лицо матери всё с тем же успехом было замазано какой-то невиданной силой.

— У тебя всё в порядке? Я волнуюсь за тебя.

Голос прозвучал тихо, как-то надломлено. Я еле расслышал его, хотя находился примерно в паре метров от неё.

За её спиной резко стали всплывать слова:

«Лгунья»;

«Ей никогда не было дела до тебя. Что же могло измениться за пару дней?»;

«Она, наконец, нашла время на тебя — ты должен отблагодарить её»;

«Ты ей никогда не был нужен, смирись уже, наконец, с ролью “+1” в семье»;

«Ты ощущаешь эту боль именно из-за неё. Она — причина твоего одиночества»;

«Она — твоя последняя надежда в этой кромешной тьме».

— Я в порядке.

Вымученная улыбка, смешенная с головной болью, кажется, совершенно не может доказать женщине, стоящей передо мной, это утверждение. Её брови чуть приподняты и сведены друг к другу, а в глазах стоит такой океан печали, что мне становится стыдно за своё молчание.

Я всегда видел это в её глазах — горечь за то, что она не уделяла мне достаточно времени, а сейчас, когда я уже на пороге взрослой жизни, контроль и материнская ласка не так нужны. Я вырос сломленным одиночкой, а она постоянно носила за собой поломанные крылья материнства.

Анастасия Верина

Вылетая из комнаты, я стараюсь не думать о том, насколько дико выглядит это в контексте нашей «милой» беседы с матерью. Знаю, что она поймёт, но я не могу предугадать, какова будет цена за это понимание — самоуничтожение, печаль, тоска... а может, это будет осознание того, что ничего нельзя изменить, которое сможет изменить её?

Кухня греет своим жёлтым цветом, а предвкушение от будущего горячего чая уже заранее расслабляет. Эта комната всегда вызывала у меня лёгкую улыбку — как не связать приятные эмоции с едой и напитками. Наверное, это единственное светлое пятно в нашей квартире.

Дверь хлопает, оповещая о приходе отца. В квартиру входит человек — на кухне уже я вижу отвратительного монстра, истекающего чем-то чёрным, словно бы чернилами. Это существо по силуэту напоминало человека, однако оно такое мерзкое, что мне становится дурно: в горле появлялся ком, меня кидало то в жар, то в холод, а в руки упорно терроризировал тремор. Оно громко шлёпало ногами по полу, оставляя за собой чёрные разводы, которые постепенно расползаются по всему помещению. Приглушённо я слышу довольно грубое «привет, сын», а в воздухе, прямо над его головой, появляются надписи:

«Он тебя ненавидит»;

«Страх можно пощупать, малыш. Он расползается по твоим венам, словно яд, а потом, когда заветная жидкость достанет до твоего мозга...»;

«Ты...»;

«Умрёшь...»

Дикий смех становится моей колыбелью в царство тьмы. Перед темнотой я слышу крик. Свой собственный, полный отчаяния.

Глава четвёртая. Могила светлячков

Место вокруг — сплошная чернота. Открыв глаза, я не увидел ничего, кроме темноты, заполнившей пространство. Подушечками пальцев я пытаюсь уцепиться хоть за какой-то предмет, а в груди теплится немая надежда на то, что это как-то поможет мне определить своё расположение, однако мои попытки остаются тщетными. Воздух холодный, сжигающий мои лёгкие из-за контраста температур, а страх съедает всё остальное, что теплится в душе.

Я лежу на полу, холод нежно прикасается к коже, оставляя свой поцелуй, словно ласковая леди Смерть. Я буквально слышу, как звон играет похоронный марш в моей голове, а грудь разрывает пропасть пустоты, что сейчас, когда я нахожусь в этом помещении, ощущается особенно остро, отдавая покалыванием в пальцах.

— Где я?

Я шепчу без надежды быть услышанным, без надежды на ответ, однако спустя короткую секунду, что, кажется, длится целую вечность, я слышу женский голос:

Анастасия Верина

— Я зову это место Могилей Светлячков.

Свет ослепляет в следующее мгновение, глаза слезятся от резкой перемены освещения, так что я вынужденно прикрываю веки, чтобы в следующее мгновение открыть их и найти говорящую.

— Почему «Могилей Светлячков»?

Это моя фантазия, ожившая ещё в школе. Она кружится в своём белоснежном платье, а в её руках букет чёрных роз, которые, с моей точки зрения, выглядят очень красиво и пугающе: раньше я никогда не встречал эти цветы в такой цветовой окраске, однако был твёрдо уверен, что они — те самые, что я захочу видеть рядом с собой в виде любимых. Мой взгляд цепляется за её запястья, по которым стекают капли крови, собирающиеся в маленький ручей. Она смотрит на растения как-то грустно, словно на умирающее существо, а кровь, что срывалась с рук на пол, придавала картине некую красоту.

— Потому что тут похоронено всё то, о чём ты мечтал.

— Это...

— Это могила твоих желаний. Это — твоя могила.

По ощущениям, моё сердце сейчас погибало: какое-то обволакивающее чувство прошлось по всему телу, оставляя в мыслях только страх. Интересно, что бы почувствовал человек, когда переместился в будущее прямо перед своей могилой? Думаю, это могло бы быть разочарование, а может, и страх, горечь? Почему человеку вообще нужна могила? Чтобы осознать себя мёртвым?

— Когда-то ты создал светлячков, сияющих так ярко, словно они были звёздами, а теперь они умирают, теряя своё свечение. Их осталось так мало, что скоро это место попросту исчезнет.

— Я... Почему они умирают?

— Светлячки всегда умирают, когда гаснет мечта. Это происходит у всех, потому что жизнь — не сказка, в которой всё исполняется по велению волшебной палочки, но у этих же людей рождаются новые светлячки, потому что они живут, мечтают и жаждут осуществления своих желаний. У тебя горит лишь пара желаний...

Она дотягивается до одного светлячка, дотрагиваясь до тельца своим тонким пальцем. Вокруг места прикосновения вспыхивает жёлтый цвет, а потом в воздухе появляется: «Развод родителей». Следующий — «Спокойная жизнь». Следующий — «Быть любимым». Следующий — «Иметь чуть больше таланта, чтобы не казаться таким бесполезным». Последний горит очень слабо, словно бы нерешительно. Последний — «Умереть».

Глаза слезятся, потому что в последнем желании я даже сам себе не мог сознаться. Это, наверное, было то самое желание, которое дышало на кончиках пальцев, тихо путешествовало по венам, покоилось где-то в голове, но никогда не возникло на языке.

Анастасия Верина

— Это — ты. Все твои желания — это отражение тебя, но если твои желания умирают... то где ты?

— Где... я?

— Скоро и эти желания потухнут, ты же знаешь это. Родители тебя не слышат, даже когда ты говоришь с ними, тебе не нужно быть талантливым, чтобы быть бесполезным, а к смерти прыгнуть можно только одним способом — умереть.

— Я умру?

— Я не знаю.

Она мило смеётся, но её улыбка какая-то безжизненная, наполненная холодом и отчуждением. Она кружится, платье рисует линиями в процессе кручения какой-то орнамент, — это кажется мне завораживающим. Странно, что я вообще обращаю внимание на такие детали, когда вокруг меня творится хаос.

— Я могу измениться?

— А люди могут меняться? Ты привык к роли жертвы, тебя с самого детства растили так, а сейчас активно добавляют с особой «заботой» удобрение, чтобы ты никогда не смог стать другим. Жертва общества, жертва собственной фантазии, жертва своих родителей. В этом мире всё переплетено.

— Я... Я начну мечтать! Я начну жить, не суди обо мне так, словно знаешь меня!

На самом деле я не думал, что последняя её реплика настолько заденет меня. Я вообще не планировал — насколько в этой ситуации можно планировать — повышать голос. Девушка усмехается, а во мне эта усмешка будит какой-то ужас от её предстоящих слов.

— Очень скоро произойдёт тот самый перелом, который убьёт всех твоих светлячков, — и ты не сможешь это пережить. Я знаю тебя, потому что я — это тот мир, в котором ты хотел бы быть. Мой мир очень далёк от твоей реальности.

Её силуэт стал растворяться, а я стоял в оцепенении, не зная, что мне следует сделать. Кровь капала, а звуки от смерти капель эхом раздавались в моей голове.

— Встретимся у дома на болоте, умирающий мечтатель.

Открыл глаза я уже в своей комнате.

Глава пятая. Смерть светлячков

Кабинет слепит глаза ядовитой белизной. Я никогда не любил больницы, потому что мне сразу же становилось грустно за людей, которые проводят в этих стенах по времени даже больше, чем в своих домах. Эти люди различаются: у некоторых в глаза плещется надежда на светлое будущее, а у других — пониклая спина и стеклянный взгляд, в котором всегда можно найти ответ на свои вопросы. У кого-то походка упругая, немного подпрыгивающая и дышащая позитивом, у других же — тихие, осторожные шаги, словно крадущаяся кошка. Чьи-то родители плачут от

Анастасия Верина

счастья за спасённую жизнь, а кто-то — кричит от горя, кормя коридоры больницы своим отчаянием.

Женщина, мой лечащий врач, смотрит с жалостью, как будто может прочитывать то, что скрыто за моей клеткой рёбер. Её взгляд цепкий, отчего мне становится неуютно смотреть в глаза — я опускаю взгляд на свои кроссовки, пытаюсь увидеть там нечто новое. Тишина в кабинете обычно приятна для меня, однако в этот раз она оглушает, в висках бьётся в истерике пульс, а звон в ушах перекрывает все звуки, что я бы мог услышать.

— Я не знаю, почему он так часто болеет, однако если это продолжится дальше, то он попросту сгорит внутри.

Плечи мамы дёргаются, она переводит на меня свой взгляд, я почти вижу слёзы в её глазах — и меня накрывает чувство вины за то, что я знаю, что со мной происходит. Эта вина совершенно незаслуженная, но я не могу ничего поделать — пальцы трясутся, а я стараюсь скрыть это, вцепившись в край своей толстовки. Мне страшно оттого, что моя собственная мать может увидеть эту сторону меня.

Когда мы стали такими далёкими с самым родным мне человеком? Я с искренней чёткостью могу сказать, что люблю эту женщину: всеми фибрами души, каждой клеточкой своего тела, каждой осознанной мыслью, но в то же время... Кто я для неё? Всё, в чём мы пересекаемся — это наша маленькая вселенная, построенная на скандалах с отцом в главной роли, и общие драмы. Всё, что она обо мне знает, — это то, что я её ребёнок, немного творческий, всё ещё глупенький, хотя в душе я давно уже иссыхаю от такой жизни. В её глазах — я милое дитя, хотя иногда кажется, что рядом с нею именно я веду себя по-взрослому.

Она сломанная женщина, которая пыталась дать мне всё, а в итоге не дала ничего. Ни тепла, ни ласки, только подарки, только материальное откупление от моей нужды в прикосновениях.

Она устала от такой жизни — я вижу это каждый день. Работа съедает мозг, когда её слишком много, а близкие — не панацея, потому что близкими мы никогда и не были. Обняв меня, она не почувствует того успокоения, потому что её будет грызть вина за то, что не было сделано. Иногда я думаю, что совесть — та ещё сука.

Когда мы уходим из кабинета, я захожусь в страшном кашле, ловя жалостные взгляды персонала и проходящих мимо людей. Конечно, им меня жалко, потому что я ребёнок, который ещё не видел жизни. Забавно, ведь если бы я был каким-нибудь человеком, имеющим низкий социальный статус, то я почти уверен, что они смотрели бы со злорадством — презентабельный вид всегда играет свою роль.

Дома же тишина. В этой квартире всегда тишина, потому что тут нет гармонии. Отец ещё на работе, мама замыкается за своим столом, поглощённая работой, а я лежу на кровати, заткнув уши наушниками. Болезнь отнимает все силы, в такие моменты желание жить стремительно падает к нулю, а моя социальная активность прекращает проявляться в любом деле.

Анастасия Верина

Я засыпаю в беспокойном сне, не видя никаких сновидений, что в последнее время стали тревожить мой разум всё чаще.

Просыпаюсь от криков, что с поразительной скоростью приближались ко мне. Не сумев ничего понять, я чувствую, как кто-то хватает мою футболку в области груди. Открыв глаза, замечаю силуэт отца. В его глазах разгорается гнев, он что-то кричит, но я не могу разобрать, что именно. Треск натянутой ткани играет прямо на струнах души, а плач матери добавляет драматичности.

Отец явно выпил, иначе бы он меня не тронул. Не скажу, что он был пьющим, но порой алкоголь лечил его нервы, как никакой доктор, а после этого он начинал терроризировать нас, заставляя переживать ужас всем телом.

Он кричал что-то о том, будто бы я специально стараюсь находиться в больном состоянии постоянно, чтобы содрать с него больше денег на лекарства, будто бы это моя месть ему. У пьяных людей поразительна фантазия, вы так не думаете? Потом он кидает фразу, которая, словно бы нож, пронзает меня насквозь:

— Лучше бы ты не рождался.

Его голос тихий, но пропитанный праведным гневом, а в моей голове только что рухнула целая вселенная. И даже если он не вспомнит вообще об этом происшествии наутро, то я буду помнить всё отчётливо: каждое слово, интонацию и эмоцию.

Меня затягивает темнота, обнимающая так тепло и столь знакомо. Мир рухнул.

Глава шестая. Дом на болоте

Это место отличается от прошлого хотя бы тем, что это действительно дом на болоте, как и предвещала мне белоснежная девушка, а не просторное пространство. Дом отсюда, со стороны леса, выглядит таким старым, потрёпанным, словно бы он был готов развалиться в скором времени. К дверям вела протоптанная тропинка, а вокруг — куча деревьев, среди которых можно было найти даже плодоносящие яблони, груши и вишни. Чуть дальше можно было заметить пару кустов шиповника, один — крыжовника и кучу декоративных, предназначенных для того, чтобы радовать глаза проходящих. Ничто не выдавало в этом месте чего-то потустороннего, связанного со всем, что происходило со мной в ближайшее время.

Я, аккуратно ступая, двинулся напрямик к двери с твёрдым желанием зайти внутрь дома. Я не знал, что меня туда тянуло — мне просто нужно было попасть в домик, словно он был спасением от всего, что уничтожало мою душу.

— Ранение оказалось фатальным, не так ли?

Она открыла мне дверь почти сразу, как костяшки моих пальцев прошлись по деревянной материи, словно зная, что я пришёл к ней. В этот раз девушка выглядела по-другому: кончики волос были серыми, словно бы потускневшими, а глаза, горевшие раньше золотым сиянием, потеряли свой блеск и были похожи скорее на карие. Она смотрела устало, словно на последнем издыхании, однако же на её гу-

Анастасия Верина

бах играла слабая улыбка: она была наиболее приближена к счастливой из всех тех, что я видел от неё.

— Ты ведь и так всё знаешь, зачем спрашиваешь?

Её улыбка меняется на лукавую, гостеприимно приглашая меня пройти внутрь. Внутренности здания отличаются от того, что я предполагал: дом казался разваливающимся снаружи, но сейчас я видел почти что дворец, отличающийся размерами комнат и богатством интерьера: можно было заметить огромное количество ажурной мебели, внушительных украшений с добавлением дорогих металлов и множество растений в горшках. Кидая удивлённый взгляд на свою собеседницу, я замер в ожидании ответа на свой немой вопрос.

— Не стоит спрашивать меня, как это работает, потому что всё это создал ты сам. Точнее, это всё создал тот парень, что мечтал быть писателем когда-то давно.

— Точно... Когда-то давно я мечтал издать свою книгу, даже, может быть, прославиться, однако я почти сразу же откинул эту идею, когда понял, что я не смогу заработать на писательстве.

— Этот светлячок умер первым в Могиле. Знаешь, тогда даже никто не обратил на это внимание, но когда стали пропадать остальные...

Мы замолчали, и эта тишина была намного уютнее, чем та, к которой я привык. Эта тишина нежно обнимала со спины, согревая огонёк под лопатками, вместо того чтобы впиваться острыми иглами по периметру тела. Девушка грустно смотрела куда-то вдаль, лишь изредка переводя свой взгляд потухших глаз на меня.

— Почему я оказываюсь тут?

— Почему? Потому что в твоей голове слишком много реальностей. Раньше ты осознавал, какая является настоящей. Впрочем, сейчас ты тоже осознаёшь, вот только настоящая перестала тебя устраивать. Твоё сердце устало кричать, мечтатель, оно устало страдать. Это своего рода место, где ты можешь почувствовать себя в безопасности. Это — твой дом.

Улыбка появляется против воли на моих губах, потому что, наверное, впервые я чувствую себя нужным.

— Вот тут, — она дотягивается пальцем до моего виска, нежно постукивая, — живёт множество миров. Ты всегда был мечтателем, не теряя веры в то, что создавал, — и сейчас этот мир хочет отплатить тебе тем же. Мы верим в тебя, наш создатель.

— Я так и не дал тебе имя.

— Теперь ты можешь сделать это в любое время.

— Я хочу сейчас.

— И что же ты выбрал?

Она смотрит хитро исподлобья, скрывая интерес в своих глазах, которые, как мне показалось, вновь загорелись золотым огоньком озорства.

Анастасия Верина

— Мельпомена.

— Ты считаешь меня музой трагедии?

— Я считаю, что трагедия направлена на вскрытие пороков, что нас окружают, которые, в конечном итоге, ведут к фатальному исходу. Сейчас... ты разыгрываешь мою трагедию, Мельпомена.

— Тогда я хочу знать, что оставить в предсмертной записке главного героя нашей пьесы.

— Я не главный герой, я просто грустный мечтатель, что потерялся в материях своих фантазий.

Девушка протягивает мне руку, и я без всякого опасения беру её ладонь: она тёплая и мягкая, ощущающаяся очень живо, что немного удивляет меня. Мельпомена тянет меня куда-то вперёд, вглубь дома-особняка, а я, чуть пошатываясь, иду следом, стараясь сохранить равновесие. Сейчас у меня стойкое ощущение, что я направляюсь домой.

Глава седьмая. Спасибо за ничто

Я не умею писать письма, честно говоря. Хотя о чём я, вообще мало что умел в этой жизни. Единственное, в чём я был хорош, — это создание своих миров, в которых мне посчастливилось найти спасение. Не могу сказать, что был хорошим сыном, не могу винить вас в том, что так не стал им. Мы все натворили слишком много, чтобы жить спокойно дальше: я — не оправдал ваши надежды, вы — не дали мне то, что помогло бы мне жить дальше.

Я уйду, мама, папа. Уйду насовсем, не нужно искать меня: всё равно не сможете найти. Уйду туда, где могу чувствовать себя целым. Мам, не вини себя, пожалуйста, я знаю, что ты будешь упрекать себя, но не нужно. Единственное, о чём я посмею попросить тебя, — это развод с отцом. Ты красивая и ещё молодая женщина, ты можешь выбраться из этого состояния, чего я, увы, не смог сделать.

Знай, мама, что я счастлив сейчас. Наверное, впервые за последние пять лет. Напоследок хочу сказать вам: спасибо за ничто и за всё.

Твой грустный мечтатель.

Как лунное затмение, нас нет

Перед глазами, но все знают, где мы есть:

Мы заблудшие огоньки у дома на болоте.

playingtheangel x pyrokinesis

Анастасия Рей

* * *

Ненавижу утро. Каждое моё пробуждение сопровождается болью и неведением: кем я проснусь сегодня, какое лицо посмотрит на меня в зеркало. И всё-таки я просыпаюсь, привычно оглядываю комнату в надежде на то, что что-то изменится, но нет, всё та же старая кровать на пружинах, всё то же зеркало в полный рост и стул, на котором лежит моя новая одежда. Медленно сползаю с кровати на холодные доски пола и неуверенным шагом иду к зеркалу, оттуда на меня смотрит лицо молодой женщины, по-моему, её можно даже назвать красивой, если бы не глаза разного цвета. Обычно такое явление отталкивает людей, но в её случае это выглядит правильно, не хорошо и не плохо, а просто правильно, я запомню её. Время примерить туалет, на стуле аккуратной стопкой лежит простая белая блузка с бантом у горла и василькового цвета юбка, для меня это значит только одно — за окном стоит тёплая погода, быстро одеваюсь и выхожу в прихожую, да, погода однозначно приятная, меня ждёт пара аккуратных туфелек с круглым носом на плоском ходу и небольшая сумка с тетрадами. Подхватываю сумку и пулей вылетаю из пропахшего временем подъезда, моего дома нет на карте, и никогда не было, кажется, на улице конец мая: школьники в своей парадной форме спешат вылететь из душных классов во взрослую жизнь, туда им и путь.

Привычным шагом иду к ближайшей остановке, мимо проезжают автобусы и машины, но я жду не их. Прислонившись к ближайшему дереву, слышу знакомый звон — трамвай без номера, для меня до сих пор загадка, как он едет без водителя и рельс. Поднимаюсь по ступеням, запах старой резины и пыльной ткани бросается в нос, прохожу вглубь салона, и трамвай трогается с места, мы едем по городу, и прохожие не замечают нас. А вот и моя остановка, улица раскаляется от солнечных лучей, я знаю, что за углом кирпичной пятиэтажки есть учебное заведение, гордо именующее себя МОУ СОШ имени чего-то там. Почти бегом взлетаю по ступеням в прохладное фойе школы, меня облепляют дети со всех сторон, хотя мне сложно считать их детьми в полной мере: взрослые телом, но пока ещё с чистыми сердцами. Мне дарят охапки цветов: розы, лилии, ромашки, одним словом, все те цветы, что принято дарить учителям перед тем, как навсегда покинуть стены школ. И всё это не имеет для меня никакого значения, возможно, это было важно для этой милой женщины когда-то, но не сейчас и не для меня.

Последние минуты последнего урока в этом году, выпускники нервно ёрзают на стульях, я со скучающим видом рассматриваю солнечных зайчиков, а сердце молодой учительницы бьётся в ритме незатейливой мелодии жизни. Обычно я не лезу в мысли тех, с кем меня сводит случай, но её думы кажутся мне интересными для собственных наблюдений, не подумайте, я не испытываю симпатий и антипатий к людям, скорее праздный интерес старика, наблюдающего за игрой детей в мяч. Что-то я отвлекся, пожалуй, вернёмся к мыслям моей «подопечной».

Анастасия Рей

В голове у молодой женщины слишком много мыслей, которые присущи счастливым людям. Например, девушка думает о предстоящем летнем отпуске, о том, что наконец-то сможет завести кота, о том, что обязательно по пути домой заглянет в любимую кондитерскую за фруктовыми тарталетками, но даже среди них есть мысли крайне мрачные, которые оставляют после себя пятна, схожие с пятнами нефти на речной глади, взглянем-ка на них подробнее. О, а вот и первые аккорды моих мелодий, её мучает отсутствие внимания от матери, ненависть к лучшей подруге, отсутствие взаимности в личной жизни, до чего же люди банальны, полагаю, что за это можно зацепиться. Мои искания прерывает трель школьного звонка, выпускники с радостным облегчением покидают парты, и мы остаёмся одни в пустом кабинете. Учительница быстрым шагом осматривает класс на предмет остатков культуры учеников, дописывает последние строчки в журнале и с лёгким сердцем относит его в учительскую.

Наконец-то! Теперь я могу взять её мысли в свои руки и закончить дело. У вас бывает чувство, что в голове сидит кто-то другой и подсказывает в нужный момент правильные мысли? А если голос в вашей голове не принадлежит вам, то стоит задуматься, а ещё лучше как следует испугаться, ведь это могу быть я. До этого момента я не написал ни строчки о самом себе, что ж, пора исправить это досадное недоразумение. Я не помню, откуда взялся и сколько лет живу, у меня нет постоянного адреса, нет принадлежности к какому-либо из миров и нет имени, я могу лишь существовать голосом в ваших прекрасных головках. Голосом, что подталкивает человеческую судьбу к последнему акту, и нет, не угадали, я не смерть, похоже, современные люди совсем разучились читать, прискорбно. Моя милая подопечная ждёт свидания с кавалером сегодня вечером, пусть ждёт, людям свойственно надеяться на будущее. А наш путь тем временем проходит мимо кондитерской, жаль, что я не чувствую вкусов и запахов, выглядит изумительно, в лучших традициях натюрмортов. Барышня не скупится на собственные удовольствия, и в её мыслях нет ни тени сомнения насчёт столь нерациональной покупки, пресловутое людское «хочу».

Мы выходим на просторы душевной улицы, и взгляд юной барышни цепляется за проходящую мимо парочку: «Это он! С кем?! С ней!» — это мимо проплывали её возлюбленный и лучшая подруга. «Как он мог! С ней! Ненавижу! Пусть сдохнут оба! Ненавижу, ненавижу, ненавижу», — тихим голосом шепчет учительница, затем набирает знакомый номер на мобильном телефоне: «Алло, мама, я видела его с ней! Как ну и что?! И что мне теперь делать? Забыть?! Мама, неужели ты не понимаешь меня! Ты даже меня не слушаешь! Ты никогда меня не слушаешь! Ненавижу!» — и с размаху разбивает телефон об асфальт. «Не плачь, — шепчу я ей, — я знаю выход, мы знаем». Осталось совсем недолго. Она не плачет, в ней нет ни тени сомнения, нет ни капли жалости самой к себе, ведь она прекрасно знала, что этим закончится её очередной роман, впрочем, как и остальные до этого. Мы

Анастасия Рей

идём по дороге в сторону моста, она каждый день возвращается домой именно этой дорогой, ничего нового, вдалеке слышится звук поезда, люблю поезда.

Мне нужно ещё немного времени, а поезд тем временем всё ближе подкрадывается к мосту. Девушка осматривается, вокруг нет ни души и никого, кто смог бы помешать нам. Она надеется, что кто-то вспомнит о ней, позвонит, да хотя бы её неудачный любовник, но нет, телефон молчит разбитым зеркалом. В её милой головке давно были подобные мысли, но до этого момента у них не было шансов на реализацию, а тут, можно сказать, барышня сорвала своеобразный Джек-пот из собственных страхов, и чувство беспомощности и безвыходности в данном случае подходит нам как нельзя к месту. Она ещё пытается найти в своём сердце ту ниточку, что связала бы её с жизнью, но увы, её альбом из хороших воспоминаний пуст, он всегда становится пустым перед тем, как человек делает последний шаг в своей жизни. Есть такое выражение «свято место пусто не бывает», и если в душе образуется подобная пустота, то она либо заполняется счастливыми мыслями и воспоминаниями, либо начинает поглощать всё прекрасное из вашей жизни, и в конце концов мало кто находит в себе мужество признаться в этом и попросить помощи. Поезд всё ближе, кажется, что он ревет прямо у меня за спиной.

Тишина. Я открываю глаза и смотрю на выбеленный потолок. Ненавижу утро.

Андрей Зимин

* * *

Мелькает глазами античная прости
Разводы краской, что ангелы на штанах
Шалом и мерси, апельсинку в ротик
Шпанская мушка, смотри, в ноздрах!
Забияка кривляется и по телу разносится
Волнами обалденными
Говорим громко и молчим, как проституткам водится
Не гордимся ни врачом, ни правителем, ни пророками вдохновенными
Я вижу пташек в страстных тенях
Да нет, ты не запутался и не поранился!
Ложь и правда в моих глазах
Покривляемся, покривляемся, покривляемся!

КОЗОЧКА МОЛНИЯ

Я козочка Молния
Я козочка Гром
Наливайте стаканы полные
Пейте водку, пейте водку и ром
Алмазные ушки
Глаза как сапфиры
Шпанские мушки, снимайте мундиры!
Снимайте майки
и неферский шмот
Из мишек в зайки
Из кислятины в мёд!
Я танцую весной
Я танцую падлой
Пой, дорогой
Смейся, мой сладкий
Радуйся, бро
Зайчик солнечный
Я козочка Гром
Я козочка Молния
По полу цок!
Прямо в бровь
Прыг-скок
И это любовь

Андрей Зимин

СТАЛ КАЙФОМ

И он устал от законов, бычьа, спецучреждений и стерв
И вином его сердце облилось, и кайф режет нерв
И понял он, что за кайф продаются Богам
И кайфом он стал, и рухнул мир к его голым ногам.

Тут же закон ему поклонился ниц
И бычьё предлагает водку и блиц
И сплошные стены как мартини бокал
И стервы ведут из околицы в зал

Я ПОДОЙДУ В ВЕНЦЕ ИЗ РОЗ К ТЕБЕ, МОЙ ПРИНЦ

Он был один из тех
Кто опускает взор на землю
Он знал про слово *грех*
И невзаимная любовь ему трепала нервы

Он окружён печалью
И кажется задумчивым, но, плиз,
та красота, что скрыта под невидимой вуалью
выдаст свой секрет, и верхом станет низ.

Он рассмеётся. Если надо — со смеху умрёт,
И в одиночестве мой принц смеётся много.
И пара ангелов порой на плечиках уснёт
А в голове его толкуют Боги.

Я подойду в венце из роз к тебе, мой принц
И отведу рукой всё зло
Погодь. Пока я страсти радостной ввожу свой шприц
Пока покрою поцелуями лицо, покрой и ты моё.....

* * *

Но поцелую брата жаркие уста
Я голову снесу себе специально
Клянусь рукою этого поста —
я развиваюсь гомосексуально.

Ты где, красавчик, зависаешь?
Мечты мои полны соблазна
Она и он — одно и то же, знаешь?
Я душу чувствовать хочу, душа твоя прекрасна.

Андрей Зимин

ENIGMA TNG И ПИМ

В просторах терюханской мордвы, в долине с. Пица Нижегородской области, где полдень жжёт бескрайнее мордовское Солнце Норда, там, где начинается лесостепь, где-то вблизи речки Озёрка... Нет, это прекрасно..... Всё испорчено. Стоял он, Великий Иписсимум Войны — мех под названием Enigma TNG. Его дьявольская пушка была направлена прямо в лицо Человеку-Муравью. О да! Никогда ещё Гидре не удавалось прижать так близко к смерти Мстителя своё великолепное жало, сделанное из первоклассного сплава. Множество ракет сверкало, как свет Солнца в зияющую дыру туч. Тело меха напоминало лицо или вспорхнувшего орла, наверху крыльев были расположены блоки ракет, и в основании крыльев была расположена семиступенчатая пушка. Кабина управления была украшена кольцами. Enigma TNG.

Человек-муравей протянул руку к стальному животному в знаке «стоп» и сказал: «Остановись, стальное животное». Конечно же, в запасе у него было множество трюков, которые мы хорошо знаем. Но, признаться, на этот раз командующий мехом действительно чуть не переиграл его, теперь уже, кажется, навсегда.

Как меня замучили мысли о занятии любовью с тобой... Я весь в напряжении. Enigma TNG — ласковая гетера, пленительно привлекает меня своими пальцами. Пим должен отреагировать немедленно. Я мастурбирую. Ты сидишь на столе, светловолосая гетера, воркующая голубка. Твои пальцы массируют влажную пуси. Между нами мягко, страстно. У меня стоит как сталь.

Сцена противостояния Титана и Пима длилась недолго. Пим тут же вцепился в лапы стальному титану. Титан несколько растерялся, но поднял лапу и двинулся на человека-муравья. Пим возрос в глазах обывателя. Что ж, только дурак не смог бы предположить, что сделает Пим! Через какое-то мгновение между дикими зверями настала настоящая беспощадная бойня. Настал момент Армагеддона. Соперники уже не воспринимали окружающую реальность. Вот — между двумя гигантами пик их битвы — Enigma TNG готов был стрелять прямо в грудь Пима, и тому ничего не оставалось делать, как в последний раз сжать плечи титана, пытаться побороть его. Ах-ах. Выстрел не заставил себя долго ждать, Пим улетел далеко. Бедный Хэнк.

Моё воображение истекло. Настал период безмыслия. Осталось ощущение, как после взрыва. Осталась только сухая долина Пицы.

Я понимаю, что никому не интересно, чем закончилась битва для гетеры. Но я вас проинформирую — после гибели Пима собралась масса клопов с окрестных деревьев и напроць облепила меху. Титана заклонило буквально во всех частях, и клопы начали грызть капитана судна. Зрелище продолжалось несколько месяцев. Капитан железного судна скончался в заклинившем Enigma TNG. Ведь тебе оставалось немного — я возбудил тебя своим тонким телосложением. Ты сдохла в куче клопов, мой прожорливый зверь.

Андрей Зимин

ЗАЛОЖНИКИ ХАГИЕЛЯ

Розовое масло (люблю розовый лимонад), синички и воробышки, лифчики юных дев, каблуки ночных бабочек, вода с городского фонтана, виагра и дым шпанских мушек, — что только не используют некоторые люди, чтобы затащить в свой круг энергии Венеры! Косметика, парфюм, красная помада, чем ещё умеете пользоваться вы, мои беспечные голубушки? А тебе, отвязный оторва, зачем тебе розовая майка с английскими надписями, — чтобы соблазнять пташек, да? Зачем тебе берет и помада, о старушонка, зачем прикрепил катафотку к колесу, дед? Всё это он, дух Венеры Хагиель. Томит сердце и пронзает его стрелой. Любовь, разлитая вокруг меня под Project Pitchfork... Хотя сейчас я слушаю любимый тобой Ace of Base, у меня всегда твои мысли под эту музыку. Наверняка ты прилетал к Есенину, Микеланджело, Клеопатре и Кроули. Ты пасёшься возле публичных домов и секс-шопов, возле букетов роз и моей запачканной спермой рубашки. Наверное, ты скучал и радовался вместе с Джованни Боккачо, Сапфо и Эммануэль Арсан. А некоторые и вовсе соединяются с тобой настолько, что становятся Тобой в ритуале, съев в кульминации персик. Так ты и прилетел ко мне: стукнула синичка в окошко, и пригрезилось мне...

Сергей увидел обнажённую Ольгу в душевой кабинке напротив, она мыла волосы. В какой-то момент она оглянулась и увидела Сергея. Она вздрогнула, и внутри её безбашно сконфузил смех. Она тут же поспешила к входу в бассейн и стала двигать ручку — верх и вниз, — но дверь была заперта Хагиелем. Девочки, девочки, все на выход, — громко сказала она, идя к кабинкам, что были справа от Сергея. Девочки вышли из кабинок и оглянулись на Сергея. «А!» — весело сказали они, а потом побежали к двери, ведущей к раздевалке. Но и она была заперта Хагиелем — безуспешно они дёргали ручку.

Сергей немного вышел из кабинки и посмотрел в сторону раздевалки: на него шли три девушки. «Ахаха!» — засмеялась Настя и спряталась в кабинке справа от Сергея.

За прошедшее время Сергей узнал, что девчонки — из литературного кружка, как заваривать чайный гриб, как выращивать душицу на подоконнике, чуть-чуть понял, как отличить постмодерн от метамодерна и как делать лучшую смесь для блинов.

А через час по Хагивремени Настя читала ему стихи.

*О, только б огонь этих глаз целовать
Я тысячи раз не устал бы желать.
Всегда погружать мои губы в их свет —
В одном поцелуе прошло бы сто лет.
Но разве душа утомится, любя.
Всё льнул бы к тебе, целовал бы тебя,
Ничто б не могло губ от губ оторвать:*

Андрей Зимин

*Мы все б целовались опять и опять;
И пусть поцелуям не будет числа,
Как зёрнам на ниве, где жатва спела.
И мысль о разлуке не стоит труда:
Могут ли изменить? Никогда, никогда.*

Какой отличный поэт — сказал Сергей.

Мы часто читаем в литературном кружке поэтов романтизма, — сказала Настя. Она подошла ближе к Сергею.

У Серёги начал вставать. Ольга с улыбкой повернула голову влево. Настя спросила: «Ты хочешь, чтобы мы тебе почитали Пушкина?»

— У меня уже Александр Сергеевич Пушкин (Сергей имел в виду свой член) (а тем временем Хагиель, конечно же, украл у всех лифчики и трусы).

Настя сказала: «Что же нам с тобой делать, Хагиель?».

Хагиель: пауза.

— Вставить Байрона в Беллу Ахмадулину.

— Может быть, Зинаида Гиппиус? — сказала Ольга.

Хагиель: небольшая пауза.

Серёга стал называть свой член Зинаида Гиппиус.

Здесь Настя стала удовлетворять Тютчева рукой, а наш читатель сам представит, как это было, под нашептывание нам на ухо Хагием «Я памятник воздвиг себе нерукотворный» Пушкина.

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастёт народная тропа,
Вознёсся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.
Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.*

Хагиель выжидает паузу.

Да здоровствует Тютчев, Некрасов, Байрон и Толстой!

Хагиель выжидает паузу.

Да здоровствует Бунин, Байрон, Бодлер и Шекспир!

Хагиель выжидает паузу.

Да здоровствует Лермонтов, Мандельштам, Маяковский и Киплинг!

Сергей кончил. Теперь он стал Афанасий Афанасьевич Фет.

ЗИМА МЕНЯ ОБМАНУЛА

Зима меня обманула
накануне нового года.
Она вылетела, как гопник, из переулка,
выломала сосулькой железную дверь,
накрыла окна стальной решёткой,
отжала горячую воду из батареи,
сломала снежком десять рёбер,
перекрасила серые стены в жёлтый,
вынесла, объединившись с весной, всю мебель,
вежливо попросила мои ментоловые сигареты
и оставила одного в пустой комнате
с меланхоличными стенами,
кинув под ноги вместо верёвки и мыла
прочитанный мной прошлым летом сборник
стихотворений
Сергея Есенина,
купленный на набережной реки Фонтанки
в период Яша
за
почерневшие
цветы
сакуры.

Бакуменко Александра Викторовна

ЧУДЕСНЫЙ ПОСЛАННИК

Часть 1. В коморке

Это произошло совсем недавно, а такое чувство, что так давно... Мне исполнилось 16 лет, а это значит, что ума у меня не прибавилось, дома полное непонимание с родителями, отсутствие настоящих друзей, рутина в школе, музыка, чай, в общем, стандартный набор подростка. Только радости нет...

Единственная отрада была, когда я закрывалась у себя в коморке. «Коморкой» папа называл мою комнату потому, что она была меньше всех остальных комнат в нашем частном доме, и в ней чего только не было: помимо кровати, шкафа, рабочего стола и книжных полок, в комнате стояло пианино, на котором я не умела играть, а только на слух набирала мелодии, все полки были забиты статуэтками и прочими безделушками, а также на полу стояли коробки со всяким барахлом: старыми фотографиями, плакатами, глобусами, инструментами для черчения, открытками, блокнотами с моими записями и кучей другого хлама. Периодически заходя в мою комнату, мама ужасалась, а однажды даже хотела выбросить все эти коробки на свалку. Но я не позволила сделать этого, и мои протесты и истерики помогли сохранить мои сокровища. Каждый день, как в будний, после школы, так и в выходной, я проводила время в своей комнате.

Была пятница, и я, расслабившись после школы, заперлась у себя и включила музыку. Подошла к зеркалу, посмотрела на себя внимательно: русые волнистые волосы, круглое лицо, розовые щёки, серо-зелёные глаза, губки бантиком. «Не девушка, а мечта», — подумала я, смеясь про себя. Распахнула окна, благо был апрель, и смотрела, что происходит на улице.

Была жуткая жара, зелёные листья на деревьях под лучами солнца искрились, как изумрудики. Несмотря на музыку, игравшую из колонки, было слышно пение птиц. «Как бы технологии ни развивались, природа всё равно побеждает», — подумала я.

По асфальту шли прохожие в панамках и очках. Ездили на велосипедах дети разного возраста. Шла девочка с мороженым в руках, которое вот-вот растает. Будто была не весна, а лето.

Среди всех этих прохожих я заметила взгляд, направленный на меня. Обычно в таких случаях я теряюсь и отвожу глаза. Но в этот раз я смотрела в глаза, не отрываясь, как под гипнозом. В конце концов, придя в себя, я стала разглядывать человека, которому принадлежал этот взгляд. На меня смотрел парень, приблизительно моего возраста, среднего роста. Лицо у него было овальное, тёмные волосы падали на лоб. Одетый в чёрную рубашку и брюки, в руках он держал веточку орхидеи голубого цвета. Ещё мгновение постояв, он начал приближаться к моему дому... И — о, чёрт! Парень споткнулся о бордюр и упал!

Бакуменко Александра Викторовна

Часть 2. Гарри

Я сильно испугалась и закрыла лицо руками, чтобы не видеть этого зрелища. Но, взяв себя в руки, пролетев, как комета, мимо родителей, я выбежала из дома и подбежала к парню. За это время незнакомец успел встать и отряхнуть пыль с одежды. Немного помятая веточка орхидеи всё ещё лежала на земле.

— Вы не ушиблись? — спросила я, подойдя к парню

— Нет, всё нормально. Смешно получилось, правда?

— Я больше испугалась, чем развеселилась... Ваша орхидея помялась, так жалко, — сказала я, подняв цветок с земли.

— Её нужно немного напоить, чтобы она в конце не засохла, и всё будет с нею нормально, — с полной уверенностью ответил парень, — меня зовут Гарри, — представился и протянул руку.

— Алекс, — ответила я и протянула руку для рукопожатия, — пойдём ко мне в гости, поставим в воду твой цветочек.

Гарри без всякого стеснения согласился и пошёл со мной. Когда мы зашли в дом, нас встретил отец:

— Что случилось, Алекс? Почему ты выбежала на улицу? — спросил он, явно волнуясь.

— Мой новый знакомый споткнулся и немного помял свою орхидею. И мы сейчас пойдём и польём цветок, — улыбаясь, ответила я.

— Так... Про знакомого я понял... А «мы сейчас пойдём»... «Мы» — это кто? — недоумевая, спросил отец.

— Я и мой новый друг Гарри, — вполне серьёзно ответила, и, пока папа ничего не успел сказать, взяла Гарри за руку и повела к себе в комнату.

Оставив нового знакомого в своей «коморке», я пошла на кухню, чтобы набрать воду в высокий стакан. Ожидая, когда стакан наполнится, я услышала, как на кухне папа разговаривает с мамой обо мне:

— Мне кажется, что она с ума сошла... Говорит о каком-то друге, о каком-то цветке.

— Да, это, конечно, ненормально. Надо ей побольше уделять времени, общаться с нею, — ответила мама.

Не желая больше слушать это, я вернулась в свою комнату... «Они что, ревнуют меня к друзьям? Этого ещё не хватало...» — промелькнуло у меня в голове.

Гарри сидел за моим рабочим столом и разглядывал стоящую на ней статуэтку японского танцора. Я поставила стакан на стол, сама села на кровать, а Гарри опустил в стакан орхидею. Не зная, о чём можно поговорить с мальчиками, я начала с самого банального:

Бакуменко Александра Викторовна

— Расскажи о себе, откуда ты, чем ты занимаешься, увлекаешься?

— Я человек мира: живу, то там, то сям, — ответил Гарри, — а вообще, у меня очень скучная жизнь... Лучше расскажи о себе.

— Моя жизнь не интересней твоей. Прихожу в школу — просиживаю штаны, прихожу домой — бездельничаю.

— То есть, учиться ты не любишь? — поинтересовался Гарри.

— Мне нравится литература и история. А остальные предметы мне не дают-ся... — ответила я, явно желая закрыть неинтересную тему об учёбе.

— Ты знаешь, — начал рассказывать Гарри, — однажды на улице я увидел кошку. Захотел её погладить, но она убежала и не давалась мне на руки. Даже угощения не помогли с нею подружиться. Тогда я поменял тактику — начал каждый день приходить на то место, где с нею встретился. А она там была постоянно. Просто садился с ней рядом и ждал...

— Чего ждал? — спросила я.

— Когда она ко мне привыкнет. Потом снова начал приносить ей угощения. А позже она уже сама ко мне прибежала и прыгала на руки. Смекаешь, к чему я это рассказал?

— Чтобы развить нашу беседу?

— Нет. Чтобы ты поняла, что если предмет не даётся тебе, ты не должна опускать руки, а наоборот, проявить терпение, упорство, смекалку. И тогда, ты хоть чуть-чуть начнёшь вникать в науку.

— Ох... Спасибо за совет.

— И вообще, ты знаешь, раз нам обоим так скучно, то завтра мы должны обязательно развлечься.

— Я не против, — ответила я нерешительно.

Я так редко выходила за границы своей коморки, разве что в школу или по делам, и поэтому мне было немного не по себе от таких предложений...

— Ну вот и отлично! Завтра утром я к тебе приду. Если б ты только знала, какой сюрприз тебя ожидает! А сейчас мне пора.

— Я тебя провожу, — я уже собралась встать, но Гарри отказался:

— Спасибо, не стоит.

Гарри попрощался и вышел из комнаты, закрыв за собой дверь. Я всё-таки, подумав, что он может заблудиться, тоже вышла из комнаты, но Гарри уже не было. Тогда я вернулась к окну — и там он не появлялся.

«Странно», — подумала я и, обернувшись, на столе увидела голубую орхидею, которую забыл Гарри. Потёртостей и вмятин от падения как и не было, она приняла свой изначальный красивый вид, цвет её стал ещё ярче, она как будто светилась и, как мне показалось, даже сильнее запахла.

Бакуменко Александра Викторовна

Часть 3. Концерт

Настало утро субботы. Я, как валенок, валялась в постели и видела седьмой сон. Меня потревожил стук в окно. Нехотя проснувшись и встав с кровати, я посмотрела в окно и увидела стоявшего во фраке Гарри. Волосы его были красиво уложены, взгляд как у герцога, а в руках уже у него была орхидея белого цвета.

— Доброе утро, Алекс! — с улыбкой поздоровался Гарри.

— Доброе... — сонно ответила я.

— Ох, сон — дело прекрасное, но так можно и всю жизнь проспять, — сказал Гарри, — а если ты сейчас не проснёшься, то не увидишь, какой я сюрприз тебе подготовил.

— А почему ты надел фрак?

— Всему своё время, ты всё узнаешь.

— Хорошо, заходи в дом, а я пока приведу себя в порядок.

Переодевшись и расчесав волосы, я пошла на кухню. Как раз мама готовила завтрак.

— Доброе утро! — поздоровалась мама.

— Доброе утро! Не могла бы ты приготовить ещё одну порцию завтрака для моего друга, он как раз пришёл ко мне и наверняка не завтракал.

— Для друга? — с явным удивлением спросила мама. — А когда же он успел прийти? Странно, я не слышала, чтобы открывалась входная дверь...

Сделав паузу, она вполголоса спросила:

— Это тот друг, который приходил к тебе вчера?

— Да, его зовут Гарри.

— Ах, Га-а-арри... Хорошо, я приготовлю порцию и для него...

Получив две порции завтрака и поставив их на разнос, я понесла их в свою комнату. Гарри сидел на уже заправленной кровати и терпеливо ждал меня.

— Ты, наверное, не успел ничего поесть, сейчас мы с тобой позавтракаем.

— Да, я ничего не ел. Но и сейчас не хочу. Ты завтракай, а я пока подберу тебе платье.

— Платье?! — вскрикнула я. — Зачем платье?

— Было бы нелепо, если бы ты надела спортивный костюм, имея кавалера, одетого во фрак, — ответил Гарри и открыл шкаф с моими вещами.

Я ела молча, анализируя происходящее. Поев, я получила от Гарри своё лёгкое бежевое платье с чёрным пояском и чёрные туфли.

— Надевай! — приказал он и вышел из комнаты.

Как только я переоделась, Гарри вошёл обратно, посмотрел на меня, улыбнулся и, не дав сказать мне ни слова, показал на пианино:

— Ты умеешь играть на нём?

— Нет, не умею, — ответила я, — но могу на слух пальцем мелодии подбирать.

Бакуменко Александра Викторовна

— Мне кажется, ты просто скромничаешь и стесняешься показать свой талант!

Рассмеявшись, я села за пианино:

— Какую мелодию тебе «сыграть»? — с наигранным пафосом спросила я.

— Мне бы хотелось что-нибудь игривое, живое, — с таким же наигранным пафосом ответил Гарри.

Единственное, что я помнила подходящее по описанию, — это была «Весна» Вивальди. Начиная бить по клавишам мелодию одним пальцем, незаметно для себя я стала играть всеми пальцами руки, а через минуту подключила и вторую руку. Примитивный набор нот превратился в профессиональное, грациозное исполнение музыкального произведения! Осознав это, я обернулась, чтобы посмотреть на Гарри, но вместо него и своей коморки я обнаружила, что нахожусь на сцене концертного зала, и на меня смотрит более пяти тысяч зрителей!

Закончив играть «Весну», я замерла в оцепенении, а зрители, все как один, встали и зааплодировали мне!

— Только для вас и только сегодня выступает всемирно известная пианистка Александра! — восторженно звучал знакомый голос.

Я обернулась, чтобы посмотреть, кто это, и увидела, что это был Гарри! Он был моим конферансье!

Взяв себя в руки, я поняла, что теперь мне никуда не деться, и продолжила своё выступление. Из-под моих рук зазвучали шедевры таких композиторов как Моцарт, Бетховен, Штраус, Бах, Россини. И между каждым номером выходил Гарри и объявлял название произведения.

Так прошёл весь концерт. Овации не утихали минут двадцать! Это был успех! Мне дарили цветы, брали автографы, фотографировались. Корреспонденты задавали вопросы... А Гарри стоял в стороне и только молча улыбался... Еле вырвавшись из толпы поклонников, я подошла к Гарри.

— Что это было? — хочу, наконец, узнать я.

— Это то, что должно быть, Алекс. Но раз ты такая счастливая, то видно, что ты мечтала об этом давно.

Я действительно была очень счастлива, и, не в силах сдержать эмоции, закрыв глаза, я обняла Гарри... Как только я открыла их, я увидела, что мы опять находимся в моей коморке. За окном уже темнело.

— Всё так быстро закончилось... Жаль, — немного расстроилась я.

— Лови момент! — ответил Гарри. — На сегодня всё. На этом я покидаю Вас, — мой конферансье поцеловал мне руку и удалился из комнаты.

Даже не пытаясь провести Гарри, я переоделась, зашла на кухню. Родители сидели за столом, пили чай.

— Как можно целый день провести в своей комнате, не выходя из неё? — с возмущением спросила мама.

— Что творится в твоей голове? — подхватил «эстафету» папа.

Бакуменко Александра Викторовна

— В моей голове сейчас каша. А в жизни творятся крутые перемены, — мечтательно ответила я.

Сделав себе чай, я зашла в плохо освещённую комнату. И только на углу рабочего стола что-то светилось. Подойдя ближе, я увидела светящуюся белую орхидею, которую утром держал в руках Гарри.

— Спасибо... — прошептала я.

Часть 4. Карнавал

Воскресенье начиналось с недоброго утра. Едва я открыла глаза, в мою голову пришли мысли о выполнении домашнего задания, уборке в комнате и о том, что это последний день выходных. Настроения не было. И лишь воспоминания о вчерашнем дне вызывали у меня улыбку.

На столе так и стояла орхидея, а также тарелки: одна пустая, а вторая — с так и не тронутой едой. Взяв тарелки, я понесла их на кухню. Мама сидела за столом и пила кофе.

— Доброе утро, соня! Не устала ещё до обеда спать?

— Мам, сейчас только пол-одиннадцатого. Это ещё не обед, — ответила я, закатив глаза.

— Ты поняла, о чём я. Ты не соблюдаешь режим дня, и это плохо, — сказала мама и, посмотрев на тарелки, спросила:

— А что ж твой друг ничего не ел?

— Он не был голоден, — ответила я, пожав плечами.

— Хм... А, может быть, познакомишь нас со своим другом? Ты так редко приводишь друзей к себе в гости... А с появлением этого...

— Гарри, — напомнила я.

— Да, Гарри... С появлением Гарри ты стала другая. Как-то загадочно разговариваешь, глаза блестят, — заметила мама.

— Хорошо. Как только Гарри придёт, я обязательно вас познакомлю, — ответила я и ушла в ванную.

Включив воду в умывальнике, я всё равно услышала, что отец зашёл на кухню, сел рядом с мамой, и мама начала разговаривать с ним обо мне:

— Ты знаешь, мне кажется, этот Гарри как-то влияет на Алекс, но как, ещё не могу понять... — рассуждала мама.

— И ты туда же? Ты хоть раз видела его? Ты заметила, как она странно себя ведёт? — возмутился отец.

— Она ведёт себя так же, как и я, когда познакомилась с тобой, — улыбаясь, ответила мама.

Папа больше ничего не ответил...

Приведя себя в порядок, я завтракала с папой на кухне, замечая его назойливый взгляд за мной. Меня это смущало, но ни я, ни отец не сказали друг другу ни слова.

Бакуменко Александра Викторовна

Вернувшись в свою комнату, я уже собралась выполнять домашнее задание, но мне помешал стук в дверь. Я открыла дверь, и передо мной стоял Гарри. Он был одет в белую рубашку и чёрные брюки. И на этот раз он пришёл без орхидеи. Его лицо было бледным, в глазах была грусть.

— Привет, Гарри. А как ты зашёл? Тебе открыли мои родители? — спросила я.

— Дверь была открыта... я зашёл... но никого не встретил, — запинаясь, ответил Гарри.

— Что-то случилось?

— Да... Я давно хотел рассказать... Точнее, ты должна сама была почувствовать, понять, что сегодня последний день...

— Выходных! — не дала договорить я. — Да, я знаю! Так не хочу в школу!

— Выходных?! — не понимая, спросил Гарри. — То есть, ну, да... Выходных... — неуверенно ответил он.

— А мне ещё уроки делать, — начала я жаловаться.

— Знаешь что, Алекс, в этот последний день выходных я тебе хочу устроить небольшой праздник.

— Я уже заинтригована, — радостно ответила я.

— Готова? Тогда пойдём со мной.

Гарри взял меня за руку. Покинув дом, мы вышли на главную улицу, свернули в узкий переулок, в котором я никогда не была, и пришли к огромным чёрным воротам.

— Я побаиваюсь туда заходить, — дрожащим голосом сказала я.

— Никогда и ничего не суди по внешнему виду, — ответил Гарри и постучал в ворота. Через мгновение ворота открылись, и нас встретил мужчина низкого роста, с разрисованным лицом, как у клоуна, и в пёстром красно-жёлтом костюме. На голове у него был колпак с колокольчиками. Он мило улыбался, глядя на Гарри, а когда увидел меня, радостно запрыгал и захлопал в ладоши:

— Ура!!! У нас новая гостя!!! Добро пожаловать на наш карнавал! — произнёс этот мужчина и впустил нас.

— Карнавал?!?! Как же это здорово! Я всегда хотела побывать на карнавале!!! — обрадовалась я. Гарри молчал и только улыбался, но глаза были грустными.

Мы шли по тёмному коридору с красным освещением, издали доносилась весёлая музыка, которая со временем ставала всё громче и громче. Гарри завёл меня в какую-то комнату. Как оказалось, это был гардероб.

— Выбирай любой костюм! Переодевайся, и выходи.

Костюмов было не то что много, их было очень-преочень много! Глаза разбегались, глядя на это изобилие! Были костюмы принцесс, животных типа зайчиков, котят, тигрят, лягушат. Я успела разглядеть костюмы ведьмы, жар-птицы. Мне очень понравился костюм лебедя. Но что же выбрать?! В углу гардеробной комна-

Бакуменко Александра Викторовна

ты за шторкой что-то излучало свет. Я бы и не обратила внимания, если бы свет не увеличивался. Пойдя ближе и отодвинув шторку, я увидела прекрасный костюм.

Это был костюм инопланетянки. Невозможно сказать, какого он был цвета, но голубой и белый цвет, которые преобладали в костюме, переливались друг с другом. Как же это завораживало! К костюму прилагался голубой парик с прямыми волосами и белые туфли на громадной платформе.

— Здорово! — единственное, что смогла произнести я, и начала переодеваться.

Выйдя в коридор в своём новом облики, я увидела, что Гарри меня уже ждал. Он был одет в фиолетовый костюм рейнджера, а в руках держал шлем.

— Мы с тобой точно как с другой планеты, — засмеялась я.

Пройдя дальше по тёмному коридору и слыша уже совсем громкую музыку, мы упёрлись в дверь.

— Добро пожаловать в твой мир чудес, Алекс! — сказал Гарри и открыл дверь.

Сильный поток света ударил мне в глаза, и я закрыла их рукой. Немного подготовившись, я открыла глаза и увидела чудо!

Божественно голубое небо, которое разрезала радуга! А под небом необычайно яркий, разноцветный, кричащий, поющий, танцующий карнавал!

Люди, переодетые... Хотя нет, они на самом деле были клоунами, шутами, принцами и принцессами, зверушками, морячками, волшебниками, магами, всякими страшилками, вроде графа Дракулы и ведьмочек, был даже человек в костюме японского танцора, как будто моя статуэтка ожила. Все они танцевали под праздничную музыку и иногда в один голос выкрикивали:

— Славься, мир чудес!

Мы с Гарри не отставали за остальными и танцевали, пели, кричали от счастья!

«Почему? Зачем? Ведь не было никакого повода, праздника... Почему все так счастливы? Всё-таки для счастья не должно быть причин...» — подумала я.

С неба на танцующий народ падали разноцветные ленточки, шарики! Было так волшебно!

Музыка начала утихать, и послышалось, что кто-то бьёт по микрофону, и чей-то знакомый до боли молодой женский голос начинает что-то говорить. Не знаю, как всем, а лично мне этот голос слышался в голове, как будто, я слышу свои мысли.

— Раз-два, раз-два-три... Здравствуйте! Здравствуйте, гости нашего карнавала! — приветствовал нас голос. — Было нелегко собрать вас всех здесь: у кого-то работа, у кого-то учёба. Мы стали очень занятыми и совсем забыли об отдыхе, о покое... О своих мечтах... Я очень рада, что, помимо наших завсегдатаев, наш карнавал посещают и новые гости. А всё благодаря кому? А я вам отвечу. Всё благодаря моим помощникам! Именно они протягивают руку помощи тем, кому нужно

Бакуменко Александра Викторовна

разобраться в себе, расслабиться. Именно они приводят вас сюда! Так случилось и в этот день: мой чудесный помощник Гарри привёл гостью! Это гостья сегодня — гвоздь нашей программы. Ради неё мы и устроили это парад-карнавал!

Все сразу обернулись на нас с Гарри и начали аплодировать. Я, не совсем понимая, в чём дело, но вспомнив свой вчерашний концерт, решила особо не возни-кать и воспринимать всё как должное, а после всего уже задавать Гарри вопросы.

Карнавал продолжался до самого вечера. За это время мы успели посмотреть весёлые номера с фокусами от клоунов, узнать, что нас ждёт в будущем, от магов, поесть мороженого с принцессами и даже поболтать с графом Дракулой. К вечеру, когда совсем стемнело, нас всех пригласили на специально подготовленную поляну. Мгновение — и в тёмно-синем небе начали появляться первые искорки фейерверка, которые постепенно вырастали в большие шары и с характерным для них хлопком расширялись и таяли в воздухе. Загораживающее зрелище длилось минут десять, и когда всё закончилось, гости стали расходиться.

— Гарри, мне же завтра в школу! Уроки! А что я родителям скажу?! — спохватилась я.

Гарри крепко обнял меня, я закрыла глаза, пытаюсь придумать, что же мне делать. И как только я открыла глаза, я увидела, что мы в моей комнате. Всё случилось точно так же, как и в день концерта.

— Что происходит, Гарри?! Где мы были? Кто ты?! Зачем ты всё это делаешь?! — пыталась выяснить я.

Лицо Гарри изменилось до неузнаваемости. Оно было бледное, почти прозрачное, только глаза видны. Плечи опустились, он совсем сгорбился. Ему было тяжело выдать из себя даже слово:

— Как тяжело, как больно... — начал говорить Гарри. — Я, в принципе, никто. Меня нет. Я плод твоего воображения. Ты меня сама придумала. Я — лишь маленькая частичка того, что творится в твоей голове. Концерт, на котором ты выступала, — его тоже не было на самом деле. Это всего лишь твоя мечта. Я лишь напомнил тебе о ней, я привёл тебя в твою мечту. Карнавал — это не просто праздник для тебя. Это мир, в котором ты хотела жить ещё в детстве, но со временем, из-за школы и других дел и забот, ты забыла о нём. Неужели ты не помнишь, как ещё совсем маленькой была в своём мире чудес? Неужели ты не узнала голос, нежный, молодой голос, который нас приветствовал? Это твой голос, Алекс. Это ты нас приветствовала! Это ты нас придумала, создала! Это не я — твой гид по твоим мечтам, а ты сама!

Я смотрела на него, открыв рот, и не знала, что сказать.

— Прощай, Алекс! Не забывай о своём мире чудес! Заглядывай иногда! И помни: для прекрасного будущего нужно строить прочное, достойное настоящее!

Договаривая свои последние слова, он начал рассеиваться в воздухе... Я ничего не могла понять. Темнело в глазах... Начала болеть голова... Я чувствовала, что падаю...

Бакуменко Александра Викторовна

Часть 5. Прочное настоящее

Очнулась я в своей постели. Меня разбудил будильник. Я встала с кровати, подошла к столу... Домашнее задание сделано... Что?! Когда же я успела? Мой реальный и воображаемый мир настолько перемешались, что я не могла ничего сообщить. Боясь выходить из своей комнаты, зная, что меня ждёт разговор с родителями, я тихо начала собираться в школу...

Первый день в школе для меня был тяжёлым. После того, что со мной произошло, мне было тяжело прийти в себя.

Второй день прошёл лучше. Я начала общаться со своими одноклассниками, стала внимательной на уроках.

Неделя пролетела быстро. За это время я успела записаться на курсы предметов, которые не понимаю, и договориться о встрече с парой ребят. Так и началось моё стремление учиться и заводить общение с другими.

Решив наладить контакт с родителями, я начала подробно рассказывать им о своих делах, делиться своими мыслями, мечтами. Стала больше проводить с ними времени. Мама с папой были в восторге от моих перемен! Как хорошо, что они не задавали вопросов о моём... Друге... Мне было бы тяжело им отвечать...

Всё-таки поставив для себя цель, я записалась на уроки сольфеджио. Также со своими новыми друзьями решила каждый месяц устраивать карнавал с переодеваниями. Так проходили недели, месяца...

Моя жизнь круто изменилась благодаря... Кому? Получается, благодаря мне... Как много осталось вопросов... Почему этот воображаемый друг появился так резко? Почему так же быстро исчез? Почему я нафантазировала себе это именно так? Но так как на эти вопросы даже я не в силах ответить, я больше к ним не возвращалась.

Единственное, что действительно тронуло меня, — это веточки орхидеи... Мне очень понравился этот цветок, и я решила их разводить.

На выходных я решила сходить в ближайший магазин комнатных растений, чтобы купить один такой цветок.

Зайдя в магазин, я увидела довольно много разных цветов в горшках, они были везде: на полу, на полках, они висели под потолком. И помимо орхидей здесь были фикусы, zamiокулькасы, розы, кактусы, пальмы, фиалки, в общем, было такое ощущение, будто я попала в джунгли... И в этих зелёных зарослях я увидела что-то чёрное. Имея плохое зрение, я подошла ближе и увидела продавца с тёмными волосами, одетого в чёрную рубашку и брюки. Он стоял ко мне спиной и брызгал чем-то на орхидеи, которые стояли на полках.

— Простите, пожалуйста, — попыталась позвать я продавца.

Продавец обернулся и посмотрел на меня своими серыми глазами... От изумления я открыла рот:

— Боже мой! Гарри...

Валерия Зарубина

ВОСКРЕШЕНИЕ ДОЧЕРЕЙ

Мертвенным светом сияют глазницы
Давно отбелённых уже черепов,
Джулия, Ханна, вам час возродиться,
Выйти из смерти тяжёлых оков.

Детские кости годами очищены,
В жизни сплетаются вновь хоровод,
Тропы проторены, силой очерчены,
Выйдете снова из скорби ворот.

Джулия, Ханна, любимые доченьки,
Жертв для вас вихрь полночный принёс,
В склепе нашлись молодые подруженьки,
Полные страхов, мечтаний и грёз.

Что ж, прожить долго не довелось,
Души подарят они вам свои,
Запястье уж сетью незримой сплелось,
Лишь у одной есть силы к борьбе.

Рвётся и бьётся, как птица в силке,
А Джулия тянет, к себе прижимая,
Дочка, зачем ты сорвала с руки
Браслет у неё, ты его так желала?

Ведь скоро по праву б носила его.
Сейчас же держал в очарованном сне
Он жертву твою,
Не покорную тьме.

Она встрепенулась, сильный толчок,
Джулия с Ханной столкнулись небрежно
И повалились костями у ног,
Вновь мы устроим обряд наш мятежный.

Что неестественно, станет таким,
Что против природы, с нею сольётся,
Цели достигнем против всех сил,
Пусть хоть Земле от того расколется.

Сколько же прыти в девчонке молодой,
Она и подругу свою уже тащит,
О, медальон, Саймон, твой медальон!
Силою злоба во крови вскипает.

Валерия Зарубина

Чёрные молнии, пламени жар
И серебристая Вспышка в середине,
Энергий сильнейший раздался удар,
Косточки все заломило во теле.

Пару часов приходили в себя,
Благо, что Саймон опять с медальоном,
Чтобы поклясться потом навсегда
Честью, и тьмою, и тайною кровью.

Совами ночи, ласками мрака,
Хоть и в могиле, подружек найдём,
Искрами пламени, тенями зрака,
Джулия, Ханна, мы жизнь вам вернём.

ТЁМНОЕ МОРЕ

Рокочет сумрачно тёмное море,
И стаи мёртвых, летящих птиц,
Незримы скалы, завидна доля,
Так поборись же за свой венец.

Дыханье вод вековечной гнилью,
Чайку поймай и прижми к груди,
Почувствуй верно посмертья силу
И трепет крыльев её возьми.

Чёрная кровь омывает серой,
Не ужасайся, её беря,
Птица хохочет, кричит гиеной,
Держи, до хруста в руках зажав.

Отбрось её, умываясь кровью,
Плетя заклятья из страшных снов,
Раскрыв могилы чужою болью,
И цепью крови своей оков.

И выйдут предки: их кости, тени —
Дай им коснуться себя рукой,
Разве не этого ты хотела,
Не обретёшь уж вовек покой.

Ты не умрёшь, от луны родившись,
Живя, меняя в веках тела,
В подземном море преобразившись,
Через крови память себя найдя.

Валерия Зарубина

ПЛЯСКА С ДУХАМИ

В луче пылинки кружатся тихо,
Ладони я протяну к окну,
Медвяный сок, проливаясь лихом,
Затронет сердце слезой моё.
Дрожу от страсти, дрожу от неги
В касаньях рук, что всегда легки,
Мурлычу, щуря довольно веки,
Мы в целом доме сейчас одни.
А за спиной моей чёрный вихрь,
Страданья жертв, всех сама убила,
Их лица крутит холодный ветер,
И умножается духов сила.
С детства наставники и друзья,
Сколько я с ними прошла по жизни,
И почему б не сказать мне «да»
На тихую просьбу о новой жертве.
Сердце колотится, в теле пожар,
Урчу, предвкушая крови усладу,
И, за окошко бросая взгляд,
Вижу я тень меж деревьев сада.
Зря ты, служанка, в день праздника здесь —
Из дома скользну я, подобно гадюке,
Из шёлка шнурком несложно душишь,
Ну что ж, добивайте, милые духи.
Сердце колотится бедненькой быстро,
Но никуда уж не убежать,
— Девушка, страшно тебе? Очень сильно.
Можешь тогда, не стесняясь, кричать.
Тени бессмертные не испугаешь,
Но позабавишь, порадуешь всласть,
Ну а когда ты бороться устанешь,
Будет им час всей тобой пировать.
Плачь, когда мёртвые мысли пронзают,
Зри, когда духи откроют свой вид,
С жизнью прощайся, душу уж манят,
В столб мой войти неприкаянных лиц.
Вскоре всё стихло, я у себя,
В спальне любимой сижу за романом,
И ввек ничего не узнает семья,
Вновь духи за плечи меня обнимают.

Валерия Зарубина

ГАМАЛИЭЛЬ

Кеннету Гранту посвящается

Бьёшься, к Богу просишься, крича,
Мир упал в объятия черноты,
Стала кровь важнее, чем душа,
Распускаются греховные цветы.

К счастью и блаженству захотела,
К ангелам господним под крыло,
Но блудодеяньем дышит тело,
И пронзают суть твою клифот.

Забурлит кровавое безумье,
Открывая очи мертвеца,
Соки, что сливаются в утробе,
Пусть отмоют грязь тебе с лица.

Кожу сотворив, как белый мрамор,
Очи, словно чёрный адамант,
Пей из чаши, не стесняясь правил,
Ведь её подносит наша мать.

Детям ночи, тёмным по рождению,
Догмы и запреты ни к чему,
Кровь стекает силы проявленьем.
— Выпей же со мной, — тебя прошу.

Принимай нектар теней и зла,
Не смущайся ласк моих запретных,
Пусть при смерти света естества
Ты найдёшь в ночи свой путь заветный.

Груди нашей матери целуй,
Грейся у открытого огня,
Сердцем дух её в себе открой
И познай, где благо для тебя.

Стань во храме страсти дикой жрицей,
Тело в дар, а души забирай,
В мире чуждом детушкам родиться,
Ты их молоком своим питай.

Пред людьми явишься королевой,
А пред Лилит дочерью родной,
Так наполнись ситра ахра силой,
Чтоб не знать тебе судьбы иной.

Валерия Зарубина

ЗВЕРЬ И БЛУДНИЦА

Её багряницей плечи обтянуты,
Вся она сильная, вся она гордая,
Её жемчугами руки украшены,
Грация мягкая, сила огромная.

Всё всколыхается и заворочится,
Очи огнём из ада горят,
Многое видится, многое чудится,
Многое знает, что не говорят

Ни люди, ни звери, ни кто-то видимый,
Ей тени незримые что-то шепнут,
Когда, из-за страха никем не обидима,
Походкой царицы к собору идёт.

Все растерялись и убоялись,
Духов узрев за спиной хоровод,
И поклонились ей, и поклялись,
Увидев, венец кто с престола даёт.

Весь золотой, с дубовыми листьями,
С камнем, как око бывшим на вид,
Сияньем своим он многие бедствия
Зревшим его принести уж грозит.

Его не мужчина давал ей с признанием
Их полноправных на царствие прав,
Но и не женщина с злобным сверканием
От знания, что власть отнимают, в глазах.

Его ей давал, пришед из пророчества
Зверь, в Богослова бывший труде,
Тот, чьего царствия многим захочется,
Тот, кто пребудет царём на земле.

Она подходила, с улыбкой брала,
На голову горду себе возлагала,
В ответ тёмну косу свою расплела
И ленту ему вокруг запястья обвила.

Валерия Зарубина

Шепнёт: «Се мой алый тебе оберег,
Пусть он оградит от бед и несчастий,
А коли убьют, пусть он отомстит,
А ты вновь воскреснешь, живой и прекрасный».

Встал он с ней рядом, и свечи горят,
Вдруг задымили и разом угасли,
Зверь и блудница в храме стоят,
Царь и царица везде полновластны.

Радуйтесь, люди, ликуйте и вы,
Пламя пусть будет и в ваших сердцах,
Мир упадёт в бездну крови и тьмы
И возродится в наших руках.

ДЫМ ЗАБЫТЬ-РЕКИ

В зыбком дыме Забыть-реки,
Словно души, шуршат камыши,
И затоны её глубоки
С испареньем серебристым беды.

Поднимается хмарь от воды,
Заплетаются путники в сеть,
Не ступай, не иди до судьбы,
Ведь судьба здесь тебе умереть.

Ходит дева, роняя слёзы
В безграничную ширь бытия,
Расплетаются шёлковы косы,
И сверкают в руках лезвия.

Льётся кровь в вековечную стужу,
И душа улетает за грань,
И тебе здесь никто уж не нужен,
Только шёпот её: «Засыпай».

Засыпай, забывай всё, что было,
Растворяйся в журчании вод,
Будь напоен безмерностью мира,
А Морёна в срок к жизни вернёт».

Валерия Летова

* * *

Мы безвольные твари с искалеченными душами.

Плывущие по течению мерзкой жизни. А нужно ли?

Мы бежим от самих себя, от чувств, причиняющих лишь только страдания.

Любила ли я? Возможно... Или всё это лишь жалкие плоды моего подсознания?

Страждущего... Как сонные капли стекают с окна, запотевшего от перегара и выхлопных газов в старом автобусе,

Моя жизнь стекает ко дну в непонятых фразах моей никогда не законченной и не начатой повести...

Рассыпья осколками битой посуды или разбитых сердец измученных

По холодному кафелю на утренней кухне, не выпив чаю... Или кофе

Забейся или забей на всех, кто говорил что-то против. Я не такая, мы все не такие, всем просто пофиг.

Закуривая третью сигарету под транками, помни о том, что все мы здесь одинаковы.

Все сдохнут — исправить всё это нет никакой возможности, да и нужно ли, если жизнь состоит лишь из сплошных нерешимых сложностей...

Измени себе или себя — не страшно, избежь, убей, солги — решай сам, что важно.

Всё серое стадо, повесив безликие головы на унылые плечи, плетётся в незримом пути под названием «Вечность»...

Владимир Комаров

КТО ПОЙДЁТ?

Кто пойдёт со мной воевать?
запчасти теряя, лицо
попасть в беспробудный сон
унылое письмецо
снесённое богом яйцо
переваривая читать
давить на пути черепах
да ведь на пути черепа
чернила и ключ в тени
чертоги иной войны
идти на совместный зов
иной бы сказал — не готов
для обуви для богов
возможно, кожей не твёрд
станом возможно не гибк
ресницами не стрелок
мешок маловат обид
чтоб небо приступом брать
завоевать благодать
я набираю рать
кто со мной пойдёт воевать?

ANIMA MUNDI

За Ней — возможно многоточье
Идей, находок и ответов
Распределение ролей
Во многозначном цирке этом
В круговращении сердец
Лжей, откровений, обещаний
Мы погружаем наш свинец
В возможность золотых сияний

сюр

К Рене Магритту приближаясь
Забыл забавный экивок
А сковородка называлась
Вок

Владимир Комаров

ВЕНЫ МЕДУЗЫ

Очнувшись, встать с колен,
Высасывать кровь из вен
Драться подушками
Забрасывать мягкими игрушками
Уничтожать погремушками
Читая Фрейда
Надеясь на спасение
В эпоху дырявых корыт
Разбит
Умывальник
Начальник
Плохой плоскости
Косности
Разоткровенности
Венозной
Сплочённой малярией
Узнаваемой поверхностью
Закутанной правдой
Запущенными кораблями
Динамичной возможностью
Предлагающей обещания
Нулевую гарантию
Гранитной надёжностью
Постепенной поэтапностью
Сделать так
Нужно
Стрёмно
Пугает циферблат
Стрелки спешат
Туда, где
Кровообращение улицы
Целуются курицы
Обмениваясь всплеском крыльев
Павлиньим криком
Смерть на месте
Оправление на разделку
Упорядочивание страданий
Все мы философы все маркизы
Божественные
Использованные изорванные

Владимир Комаров

Искалеченные опредмеченные (о!)
Потребности наши в Чаше
Грааля Трансмутации и Бабалон
Белый слон
Небосклон
Откуда ждать заказы / засады?
Убийственно сияние сочетаний созвездий
Внутренний враг не дремлет
Не жди пощады!
Отзовись
Сними кожу корку скорлупу
Решись
Возродись проявись приключись
Устань и встань
Упади и приди
Останови метро
Свет в конце туннеля
Серебро / свинец жизни
Оторванный лепесток
Перекрытый доступ воздуха
Фотография бережно хранимая
Репетиция конца
Творение бытия
На острие ножниц
Схема избавления
От памяти
Случайных встреч
Закономерных мероприятий
Сочетания несбыточного
Тварного божественного
От противного
Возвышающего
Колесницами давящего
Исполняющего долг
Обязательства мучительны
Налагающие узы
Обжигающие медузы
Мелководно плавающие
Уколы фиксирующие
Дна жаждущие
Пожалуйста!

Владимир Комаров

ВОЗГЛАС

Мой отдых весенний чаще
Придите в мой сон звучащий
Услышьте мой фон гудящий
Заметьте тон уносящий
Обнимите торс молчащий
Почуйте удар звенящий
Войдите в костёр горящий
Орать в унисон галдящий
Избавиться от... но как же
Мой возглас в вечерней чаще

ГЛАЗА

Кажется...
Кому то свяжется
Варежка
Наверное
А кому-то —
Глаза
Два вываренных яйца
Динамитной выпученностью
Беззрачковой вечностью
Оформленную беззвёздностью
Два выверенных слова
Удары междометиями
Танец всего на свете
Обозначающий безобразия
Хаотическая упорядоченность
Не смотри
Не торопись
Не ограничивай
Не взрывайся
Иди по следу
Последним
Гусеницей
Паутинкой
Будь готов
К трансформации

Владимир Комаров

АКРОСТИХ, КАСТАНЕДЕ ПОСВЯЩЁННЫЙ

Прикосновение к бабочке

Измышления одуванчика

Колебания очевидного

Неизбежная романтика

Исполнение обязанностей

Исключение возможностей

Проявление случайностей

Уравнение неизвестностей

Кочегаристость корявости

Некромантия советскости

Искромётность обездушенности

Высокомерие потливости

Солнцезащитный слой упругости

Огнедышащей упоротости

Невозможности завершения

МАЙЯ МЯКИЛА — ТЕБЕ!

сложно сказать,

связать,

нанизать

исключать

обеспечивать

связанность

ситуаций

в эпоху времён

слон приготовился

ужасное событие

рукоприкладно-пещущее

оценивая

с точек зрения

порносайты рекламируют монокли

себе, пожалуй, возьму вибратор простаты

подумаю

подождать с выбором

записаться в добровольцы

изойти неизвестно чем

и спрашивать остальных —

а дальше?

Владимир Комаров

ПОЛУОБОРОТ РОБОТА

На венечной борозде
Нету места
На беспечнейшей езде —
Не до кресту
Параллельную к тебе
Кто-то занял
Обозначенных атак
Чья-то знамень
Как бубенчики трещат
Наши кости
Это тут вам не детсад,
Не до злости
Ни морковки, ни укропа
Ни жизни
Разродимся что ль потом
В атавизме?
Никаких потом морковок не будет
Что важнее — как придут, так осудят
Или рассудят или
Обозначат или кинут налево
В затверделое место сердца
В замшелую возможность решать
В безрезультативность попыток
Полуоборот робота
Принципиальной безысходности
Изначальной обездвижимости
Или нет?
Попытка номер 20121

Джезебел Морган

* * *

приходил отец, угрожал кнутом
и сверкал болотным огнём в глазах:
«брось ты эту блажь, возвращайся в дом,
мы пока готовы принять назад».

приходила мать, под окном скреблась
и тоскливо выла голодным псом:
мой сынок, проснись, сбрось чужую власть
и забудь девчонку, как летний сон».

приходили братья в бессветный час,
но сияло их серебро кольчуг:
«скоро Дикий Гон, ты вожак и часть,
этот долг сильней твоего “хочу”».

я бы мог прогнать их, забыть слова,
только ветра зов с каждым днём сильней,
и трещит личина по тонким швам,
и всё ближе рой колдовских огней.

у любимой слёзы на вкус горчат,
и дрожит её голосок чуть-чуть:
«для тебя горит на окне свеча»
...только в час Охоты, в пучине чар
как найти мне сил не забыть свечу?

* * *

Это октябрь. Время горчащих вин,
Время сказаний об одиноких фэйри.
Время, когда не верится в эпик вин,
Но забываешь вчистую об эпик фэйле.

Время, когда не верить в легенды — грех,
Ну а во что же верить, на самом деле?
Время, когда желанней сгореть в костре,
Чем оставаться в чёрством неловком теле.

Время, когда надеешься — заберут
Дикой Охотой, а не промчатся мимо,
Ведь просыпаться осенью поутру
И ощущать себя, как оживший труп,
Невыносимо.

Джезебел Морган

* * *

о чём ты кричишь ночами,
рождённая на причале?
где те, кто тебя венчали
короною камышовой?
где те, кто с тобой кружились,
пока не ослабнут жилы,
плясали и ворожили
в Бельтайн у костра большого?
исчезли они средь танца,
оставив тебя скитаться
в тумане на побережье,
в венке из сухих акаций,
сбивая о камни ноги,
беспомощной, одинокой.
но жалит и жжёт надежда
крапивою и осокой.
дитя, их не жди напрасно,
ты словно свеча угасла
и стала неинтересна.
венец из рябины красной
другая в Самайн наденет
и до своего паденья
внимать будет тем же песням,
что слух тебе услаждали
из сумрачных сновидений.
тебе же — покой забвенья.
тебя же предупреждали.

Джезебел Морган

* * *

Смотри же, как темна вода залива,
Смотри же, как черны и скользки камни.
В Самайн холодный, бесконечный ливень
С тебя личину смоем по кускам и

Оставит плоть бесстыдно-обнажённой
И вывернет наружу суть и мякоть.
Самайн идёт.
Смотри же отрешённо
На эту осень. И не вздумай плакать.

Как холодны, как бесприютны скалы,
Ты гол и беззащитен рядом с ними.
Холодный ветер, словно острый скальпель,
За слоём слой с тебя всю кожу снимет

И бросит распростёртым средь мелиссы.
И боль такая, хоть кричи по-совьи.
Ты вспорот и Самайном переписан,
Его чернила из твоей же крови:

Найдёшь ли силы снова встать — нормальным?
Останешься лежать в траве под ивой?
Рождённый заново в холодный час Самайна,
Смотри же, как черна вода залива.

Джезебел Морган

* * *

Тускнеет небо, сухие листья под окна ветер принёс комком, как будто ворох ненужных писем от тех, с кем вряд ли я был знаком. Иду по улицам мимо зданий, мой саундтрек — это рёв машин. Я вижу признаки увяданья: они гнездятся внутри души, как будто горькое, злое семя, чей плод — банальность и суета, и люди строят пустые семьи, не понимая, что здесь не так. Зима, последняя из возможных, прохладно дышит в затылок мне, и обжигает морозом кожу от пепла серый колючий снег. Здесь воздух жжёт мне глаза и горло, железа столько же, что дышать почти что подвиг. Голодный город спокойно, хищно ждёт новый шаг.

Моя родня из холмов и песен давно покинула этот мир — он стал им скучен, неинтересен, мол, здесь банальность и тлен, и плесень... На деле, жутко им жить с людьми, где их не любят, где в них не верят, где скепсис их колдовства сильнее. Народ ушёл и захлопнул двери.

Они уйти предложили мне. Мол, брат по духу и брат по крови, забудь и жизнь, и друзей, семью, отбрось банальность, стань с нами вровень, ты с нами вечно пребудешь юн, ты с нами будешь кружиться в танцах, из лунной чаши пить звёздный свет, по всем мирам, словно дух, скитаться, искать забвения в колдовстве. Твой брат-подменшиш из смертной плоти — тебя заменит среди людей — в тоскливом холоде подворотен, где ночь длиннее, чем чёрный день. Он не из нас, он чужой по сути, так пусть вернётся в свой скучный быт — нам дела нет до его судьбы, он будет нами легко забыт, а образ станет далёк и смутен.

Но я не слушал их злые речи: зачем мне песни и колдовство, зачем в унынии тратить вечность вдали от мира, прокляв его?! Пусть «мой» народ проливает слёзы и копит жгучий, холодный яд, а у меня есть **моя** семья.

Я возвращаюсь сегодня поздно, в карманах — пара зелёных яблок для гордой, смертной моей сестры. За сон спокойный братишки я бы к Самайну все потушил костры. Пусть будет сон их глубок и сладок, и чары им не разрушат жизнь — я зажигаю у окон ладан, я прогоняю прочь миражи. Но это глупо и бесполезно — я сам притягиваю беду: дымится рядом со мной железо и вьётся чей-то недобрый дух, и холод, холод со мною рядом и чьи-то странные голоса. Когда жизнь станет подобна аду — я буду в этом виновен сам.

Я знаю — должен уйти скорее и за собою стереть пути.

Но кто сестрёнку тогда согреет

И брата кто тогда защитит?

Джезебел Морган

* * *

Есть правила для живых, чтоб не накликать беду: не рвать цветы сон-травы, не спиливать старый дуб, не звать чужаков во сне, скрывать свои имена. Но правило есть верней: о мёртвых не вспоминать.

*

Алира — огонь в ночи — сестру мою нарекли. И солнечные лучи, касаясь костей земли, сияли бледней в сто крат, чем пламя в её глазах. Была такова сестра — что мне про неё сказать? Как мне оправдать её, хотя бы перед собой? То жгучая, словно йод, то горькая, словно боль, то светлая, как печаль, бродила она в холмах, на хрупких её плечах клубочком свернулась тьма. Сестра моя — волчий сон — могла не бояться тьмы и в чаще глухих лесов, и в долгую ночь зимы: за нею вслед шёл огонь, укрыв её, как крылом, и каждый, кто нищ и гол, мог греться её теплом.

Да только кому нужны подобные чудеса? Ей прочили роль жены, свой домик и тихий сад и парочку дочерей, красой, непременно, в мать.

Вот только судьбы черней не сыщешь; не жизнь — тюрьма. Сестра моя — лунный свет — пыталась себя смирить, но те, кто с огнём в родстве, мятежно, как он, горит и ради своей любви не могут себя сломать — исчезнут, как ни зови, забудут отца и мать, уйдут в тишину, в холмы на той стороне реки, где камень росой омыт, их примут — любых, таких, какие по сути есть, их встретят — вином, венцом, и больше ни страх, ни лесь им не омрачит лицо.

Сестра моя — жар огня — покинула нас в Самайн и скрылась в густых тенях. Мы знали: ушла сама, не слушая песен Ши, не видя чужих огней. «Мертва» — честный люд решил и не вспоминал о ней: раз вспомнил — беду навлёт, забудь же о ней скорей!

Но солнечный свет поблёт и больше огонь не грел.

*

Есть правила для живых, но разве они верны? Я слышу звон тетивы, я вижу дурные сны в холодный и волчий час, когда торжествует тьма, из-за моего плеча тень смотрит, сводя с ума. Спасения не найти ни в песнях, ни в колдовстве, и не к кому мне идти, когда потухает свет, и когти, острее льда, касаются позвонков.

«Алира», — шепчу, тогда становится мне легко, как будто сестра моя — спасительный мой огонь, в безжалостных снах маяк, — протягивает ладонь, уводит меня из тьмы, хранит ото всех мой сон — от острых когтей зимы, от чудища из лесов.

Пусть все мне твердят «Забудь, мертва она, хладный труп!»

Я помню мою сестру, и ночью мне светел путь.

Джезебел Морган

* * *

у детей Самайна глаза чисты,
как холодная гладь озёр,
ты же знаешь сам: так чисты глаза
у безумцев и мудрецов.
под забралом век — ледяная стынъ
у меня и моих сестёр,
и одни осенние небеса
могут нам заглянуть в лицо.

у детей Самайна язык — что мёд
или приторно сладкий яд.
говори со мной и услышишь ты
только то, что захочешь сам.
сладок голос наш лишь тому, кто мёртв,
кто осенней тоской объят,
и в словах моих не найдут беды
лишь осенние небеса.

у детей Самайна тоска в костях,
в подреберье густой туман.
не ищи мой след, не ходи за мной
к небесам глаза не вздымай.
поднимает осень ноябрь-стяг,
поднимается вслед зима.
мне не стать любовницей ли, женой
в этот тёмный час мне блуждать одной —
расцветает в груди Самайн.

ДЖОН

NIGREDO¹

Шоколад пьянит как виски,
Кофе вместо поцелуя,
Вместе с ветреною мыслью
Рыбу в голове рисую.

Вместе с звёздами на небе
Люди делят обделённых.
Рыба в черепае, как в склепе,
В кандалах цепей нейронных.

Чешуя блестит богато,
Не видать пятна-изъяна.
Рыба — хищник смысловатый,
Всех поела тараканов.

Где-то на югах сиеста,
Ртуть кипит на солнцепёке.
Очень-очень мало места
Рыбе в черепной коробке.

Солнце растворя в Nigredo,
Пробуждаю feelings-мана.
Рыба прячется от света
Под зрачками злого взгляда.

И, себя не истязая,
Я мечтаю о просторе.
На ладонь напоминанье —
Рыбе нужно плавать в море.

---

¹ *Nigredo* (лат. буквально «чернота») — алхимический термин, обозначающий полное разложение либо первый этап Великого делания (создания философского камня): образование из компонентов однородной чёрной массы. Считалось, что как тьма содержит в себе возможность света, так и в этой массе кроется возможность получения эликсира. Аллегорией нигредо в алхимической символике обычно являлся ворон, иногда *sol niger* (чёрное солнце).

В психологии данный термин был введён Карлом Густавом Юнгом, возможное состояние человека на начальном этапе психоаналитической работы, по аналогии с алхимическим нигредо. Юнг связывает его со встречей с архетипом Тени. Психологическое состояние человека на этом этапе характеризуется утратой внутренних ориентиров и негативным видением себя и окружающего мира. В сновидениях и фантазиях присутствуют образы смерти, разрушения, упадка, тьмы, всего подземного и отвратительного.

УЖЕ НЕ МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Уже-Не-Маленький-Принц
Курит крепкие сигареты,
Кофе пьёт и слушает ветры,
Обратив лицо на восток.
Изменились приоритеты,
Бутон розы в петлице жилета,
На груди змея солнцем пригрета —
В жилы яд поступает в срок.
Память, словно подсохший гербарий,
Лепестки на ладони оставит.
Это город или виварий?
Вивисектор за Лисом идёт.
Доктор, смилуйтесь! Вот вам денарий.
Мы же с лисом — в ближайший розарий,
Взяв вина и цветов, погуляем,
Встретим где-то у моря восход.
Змея принца кусает в запястье.
Принц смеётся, принц снова счастлив!
Бутон розы под ветром распался,
Шёлком с кожи вниз, голь обнажив.
Спину шрамами принцу украсит,
Разбросав лепестки по матрасу,
В этой боли она соучастна,
Как депрессии рецидив.
Принц смеётся. Принц курит. Принц плачет.
За спиною упрямо судачат:
«Прогулял ты своё, неудачник,
Поздно камни уже собирать!
И итог твоих дней однозначен,
Как ремарковский пьяница мрачен,
Ты как Дориан Грей стал порочен,
Тебе вены лишь полосовать!»
Принц и Лис допивают бутылку.
В этом мире и грустно, и дико.
Как же быть, если чуешь затылком
Каждый взгляд, бьющий в капсулю бойком?
Выстрел в спину — привычное дело.
Потому верю Лису всецело,
Что не станет стрелять неумело,
Ни сейчас. Никогда. Ни потом.

«ВСЕ ТВОИ ЛЮБОВНИКИ»

Все твои любовники мертвы.
Досадно.
Внезапный судьбы поворот.
Растерзанные в лоскуты
(Дрессировщик, которого терзали львы,
Выглядит ненамного приглядней).

И в растрескавшемся от сухости остатке
Тебе достаются сердца,
Как щит, прибитый к воротам
Взятого штурмом города.
Выставленные напоказ,
Без прикрас,
С артериями потемневшими, посеревшими, вспоротыми,

Погребённые под обломками ваших мостов.
Их отмолят нищие на паперти.
Тянущие руки к тебе из сладких снов,
Не отпущенные в нирвану твоей памятью.

Упиваешься своей болью.
Ты и правда любила их, принцесса,
Снами, вином пропахшая,
Страшнее, чем в сказке, по-настоящему.
Возвращая доигрывать глупую пьесу,
Как будто не насытившись скорбью.
Раз за разом тушила мосты,
Возвращая за руку по шатким сгоревшим опорам.
Вытри слёзы, никто их не видит, а ты
Лишь смываешь с их идола вместе с золотой позолоту.
Напейся, как ты умеешь, расплачься о тяжкой судьбе,
Но я не поверю, что кто-то из них
Тебе правда когда-то был дорог.
Все твои любовники мертвы,
И уже никогда ни один не вернётся в твой город.

Я ОСТАВЛЯЮ ЧИСТЫЙ ЛИСТ...

Я оставляю чистый лист,
Он не запятнан рефлексией,
Как псих после лоботомии,
Что безопасен для «своих».
Чужим, охочим моих драм
Теперь обсасывать объедки.
Кто скажет — «образ слишком едкий», —
Тот не сжигал живьём свой храм.

Я оставляю свод долгов,
Молитв, угроз и обещаний,
Решений, прерванных мечтаний,
Себе простить их не готов.
Я гимнов не пою войне,
Не верю грёзам о вчерашнем.
Для грёз — я слишком настоящий,
Для мира — росчерк на стене.

Я оставляю ворох слов,
Черновиков и сочинений,
Моих сомнений и решений,
И мыслей, спущенных, как псов,
Живьём загрызших мои сны,
Ломившихся в открыты двери,
Но я им всё же не поверил:
Трубили мир, я ждал войны.

Я оставляю меч и нож,
Я ухожу один на битву.
Приставив себе к горлу бритву,
Сниму с чела покров святош.
Я наг как зверь, как зверь я чист,
Не жду регтаймов, клятвы, веры,
Я ухожу, закройте двери.
Я оставляю чистый лист.

ГРОЗЫ НЕ БУДЕТ

Грозы не будет, можно вздохнуть спокойно.
Можно выйти гулять без зонта и плаща под мышкой,
Не бояться, что в мокрой майке выглядишь непристойно,
И сидеть допоздна в летнем парке, уткнувшись в книжку.

Грозы не будет, можно не прятаться дома.
Не бежать впопыхах запирать отварившихся окон.
Можно сесть и курить, свесив ноги в окне проёма,
Убирая в пучок непослушный, упрямый локон.

Грозы не будет. Воздух удушливо-спёртый
Электричеством пронизан. Вдох — как два пальца в розетку.
Кто бы пошёл, да поджёт этот шнур бикфордов,
Или бы просто мне дал аспирина таблетку.

Грозы не будет, дождь не прольётся на землю.
Сорок дней засухи — как бы замена потопу.
Как по статистике, так всё не плохо, приемлемо.
Только с собой золотой — для оплаты Харону.

Дмитрий Гальцин

* * *

Гавэйн ехал лесом,
Гавэйн со звездой на щите.
В него било летом —
Хвалою нашей звезде.
В него било зеленью,
Чарами Броселианд.
Ему ж было велено:
Трезвись, кругом Велиар.
Дубрава сплетает
Дыханье с дыханьем в крест,
И сокол взлетает.
А он продолжает квест.
Ему было велено:
Вперёд, мимо тех дерев,
Где скованный Мерлин
На брачном навек одре.
Ему было сказано,
А он доверяет словам,
Он едет за сказку —
Он едет, наверно, к вам,
Во мраке сидящим,
Хихикающим на кресте,
Таком настоящем,
Гавэйн со звездой на щите.

АННА ХАТЧИНСОН

Ньютаун, юрисдикция компании Массачусетской бухты, 2 ноября 1637 г.

Извиваясь в мешке молча в голос сосуд и стена
крюк на балке белёная притолока соскобли
если можешь гарь копоть на копоть дырявого дна
простыня как равнина в снегу не дойти до двери
Волчий череп и скальп козодоя дикарь и печать
это месяц девятый и суд назовите одно
из моих заблуждений меня научил различать
глас возлюбленного и врага он со мной всё равно
Свет глотает меня как дикарь из двустворчатой плоть
на последнем берегу вот он скачет вдали по холмам
по горшкам по стропилам по крынкам дитя и господь
ненаказанной же не оставлю тебя но воздам

ДМИТРИЙ ГАЛЬЦИН

В.

Как прошёл твой февраль быстротечный,
Как мигнул твой окурок в домах,
Где читает червивый отечник
Над своей упырицей ведьмак,

Как твой взор поражал новостройки,
Возвращаясь с добычей назад
К вестеросской корчме автомойки
Снова буквы в бумагу вонзать,

Как ты жил без меня, Перекатный —
Ржавый меч на дырявой тесьме —
Сколько стоил твой замок закатный
Воздыханий о дальней весне?

Я пришла. Отзовись — я узнаю.
До меня дотянись — я близка...

Но тяжка рукавица стальная,
А бродячая песня — резка.

* * *

Утвердившись, и став, как ветла,
Ты останешься той, что была.
Ты увидишь деревья в пыли
И вернёшься в состав земли.

Возвращенье твоё и моё
Возвещает золотое копьё,
Вечно поднятое в зенит, —
Не напрасно сердце теснит,

Не напрасно он бел и злат,
Чёрной яблони вешний плат,
И воды голубого рта
Бездна небом по край сыта.

Так победа моей весны,
Боль от выблеванной блесны
Будет вечно петь и расти
Из твоей и моей кости.

ДМИТРИЙ ГАЛЬЦИН

МОРСКОЕ УБЕЖИЩЕ

Афродите Пафосской

В лицо себя узнав,
Себя пожрёт удав,
И пустота вздохнёт
В покое.
Я снова стану цел,
Я брошу свой прицел,
Когда произойдёт
Такое.

Сады зашелестят,
Они меня простят,
И мир сойдёт на нет,
Нестрашный.
Шиповник опадёт,
И враг не нападёт,
Нельзя напасть на свет
Вчерашний.

На камне в бурунах
Почию, как монах,
Спесивей, чем эмир
Со свитой,
Славнейший херувим,
Навек неуязвим,
Прекрасен, как кумир
Разбитый.

* * *

Айтварасу

Я не думал, что так бывает —
Что сминается мир, просев,
И касание раскрывает
На тебя материнский зев.

Всё на свете — обман и трата
Драгоценнейшего за чертой.
Принимай жениха и брата,
Изобильная пустотой.

Дмитрий Гальцин

* * *

Высота, непобедимо-холодная,
Изрезана балтийскими мечами,
Полощется бельё кровель
Руками стального грохота.
Человек превращается в челюсть
У борта, за которым бушует
Каменное и воздушное месиво,
Торжествующий Арктос.

Пространство изгоняет воду.
Безупречно-сухая линза
Покоится на ропщущей хляби,
Над которой брезгливо крыльями
Дух поводит и улетает
В родные дебри ущелий с окнами.
Он ими занят больше.

Целлофановый пакет, липа,
Оборванный провод, плохо
Натянутый провод, бумажный
Пакет, опавшие листья, голубь,
Облако, ангел, флюгер
Получают гражданство ветра.

Убей нас, пляшущий ветер,
Ветер над пирамидами!
Сотри навек наше время,
Сделай нас живыми камнями,
Умеющими летать и смеяться,
Но не ёжиться, не кутаться в ветошь!
Разбей голову змею, сосущему море!

Полные силой и воздухом,
Недосягаемые в своей победе,
Камни слушают наши жалобы,
Камни слушают наши жалобы.

ДМИТРИЙ ГАЛЬЦИН

THE HEADLESS HORSE

Безглавый конь не остановит бег,
Безглазый конь.
(Он жил на пачке папирос «Казбек»)
Его огонь

Сжигал поэтов, убивал впотьмах
Любовников и шлюх.
Он жив в червём изъеденных томах.
И взор, и слух

Он обращает в чёрную труху,
Скелет костра.
И судит нас, меж чёрных звёзд, вверху
Его сестра.

Неправедная жизнь подземной тли —
Предчувствую его.
Они вели, они меня вели
Из мрака моего —

Конюшие вселенского всегда,
Небесные чины, —
Туда, где дым, и терпкая вода,
И сны о нём, и сны

Совокупленья, ласк и волшебства.
Я не уйду.
В аду природы, свет лоя едва,
В своём саду

Промежностью врасту в его седло,
Острее всех мечей.
Я верю — здесь светло мне и тепло,
Лишь тут я — свой ничей.

Зови меня, полынная звезда
Над скачкой без конца. —
Слезу, сорвавшуюся навсегда
С ресниц Отца.

Дмитрий Гальцин

МРАВОЛЕВ

Муравьиный лев умирает, потому что не может найти себе пищу.
Книга Иова в переводе 70 толковников

Мраволев.
Муравей-лев.
Мирмекилеон.

Плоть не ест
(изблюдёт, съев),
а травы не желает
он.

Львиный рот.
Муравьиный круп.
Средь чудовищ пустынь
изгой,

Он абсурд.
Он без мига труп.
Пораженье —
воздух
его.

Но придя
к своему концу,
на закате
смертного
дня,

Эта
тварь
говорит
Творцу:

«Трижды свят создавший меня!»

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВ

* * *

Что б тебя вштырило
что бы дало тебе жить
что бы дало тебе
дырку на неба на куполе
словом своим заткнуть
что бы дало тебе время
своё проглотить
что бы дало тебе тело
своё переплыть
что бы дало тебе рубль
а, может быть, даже два
переплавить в стихи и слова.

Что б тебя вставило
что бы тебе дало
тепло
вместо палева
топливо
вместо бухла
что бы тебя за собой унесло
чтобы ты понял: пора.

Что б тебя вштырило
что бы толкнуло
в спину с ноги
чтобы ты не сбивался с дороги
спокойно идти
что бы тебя очнуло
от этой зимы
что бы тебя не задохнуло
в летнем дыму
что б тебя бросило
небо чуток прополоть
сделать оттуда глоток
и вернуться домой.

Будто тебя и не было.

Что бы взяло и сделало
так, чтоб ты снова был.

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВ

* * *

Возьми только то молоко
что осталось после котят
и туда залей его глубоко
где наши руки лежат
где наши глаза молчат

И земля, которую ты порой
называешь небом
воздухом
домом
пенной морской
приоткрывает недра
чтоб пригубить нас вместе с тобой.

Заглубить в этот так называемый
внутренний свет
что лежит между радугой
и волной
что летит между мной и тобой
и землёй
прямиком в молодое и чистое «вспять»
где только колоколам звучать.

Мне не стоило их замечать.

Но они всё звучат и бьют
и друг друга найдут
и потом уже никогда не уйдут.
И не слышно того, что мы скажем
ни слова, ни плача, ни кашля.

Но как бы нам ни было страшно
внутренний свет — от него не сбежишь
колокола в крови очень сложно не замечать
просто быть в нём и быть
просто слушать их и молчать
пока он не перегорит
а они не отзвучат.

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВ

* * *

I.

Когда ты сказала
как слышишь ветра плакать
и ещё ты сказала
что ощущаешь моря умирать
и показала
как видишь чаек летать
а потом тихонечко так прошептала:
мол, свет окончен, пора уже ехать
и уезжать.
Тогда-то я и узнал, что время
и что оно должно означать.

Впрочем, кое-чего
и раньше мне доводилось знать
но вот так чтоб вот так вот время всосать —
это нет.

Чтобы так вот признать
что ничто не имеет умеренных точек конца
это нет, нет
нет
нет.

Что даже свет
проходит насквозь
а не до конца.

Слово не обладает телом
и потому
не лучше ничуть
чем ещё раз
встать и вдохнуть
чем ещё раз смело
и только в путь.

Так как время не обмануть.
Так как время не обогнуть.
Так как времени не подмахнуть.
Так как время не кормит
и не даёт уснуть
и само не может уснуть.

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВ

II.

И мы осмотрелись
по граду и миру.
И звёзды мерцали
над куполом
и под куполом.
И ты сказала: «Приплыли.
И стали туманом.
Из пыли приплыли в пыль».

И мне показалось
что если бы время.

Но всё ничего.
И звёзды мерцать
и бумаги гореть
и слова не молчать
и ветра реветь
и простить, и прощать

и время мерцать
и тихонько шептать:
«Только в путь
и пора уезжать
пора уезжать
пора уезжать
пора уезжать»

III.

Остаётся один только страх:
вернуться, куда уже, вроде бы, не обещал
хотя никто не тянул за язык обещать.

И ещё:
возвращаться, где, как казалось, нечего возвращать
возвращаться туда, где только и можно
безмолвствовать и молчать.

И ещё:
страх вернуться туда, откуда уже не захочешь сбежать.

Дмитрий Тимофеев

* * *

I.

Запах дождя
и сумерки льнут
по губам
а также рабочим колёсам гидротурбин
что ворочают время, пока леса
погружены в свои мысли
а мы стоим
и пустым
сумеркам тихо молчим.

В этот миг
колокола
издают музыкальный звук
а крупный рогатый скот
издаёт
нечленораздельный звук.
Колокола
на месте стоят
а крупный рогатый скот
мечтает и видит сны.

Я посмотрел на тебя
и там, где стояли мы, я увидел время.
Потом вдруг сказал тебе: «Время
только оно
и мы».

ДМИТРИЙ ТИМОФЕЕВ

II.

Бесконечный дождь
сквозь этот воздух
где призраков — пруд пруди
а надежды нет ни одной

только время от времени мы.

И тяжёлый закат
на далёкой горе
и нелёгкий восход
на земле.

А колокол издаёт
музыкальный звук
и ревёт
крупный рогатый скот.

И ты говоришь:
«Посмотри,
как они все произносят нам время
слушай внимательно,
как оно нам звучит,
пока мы тут с тобой стоим.
Как оно нам зазвучит,
если мы, наконец, замолчим».

Донор

ЧЕТЫРЕ МЕТРА

кружит голову воскресенье. каждый раз, как в последний путь. я на острове невезений, но когда-нибудь да проснусь. если выживу, то оставляю пачек пять никаких стихов. с незаточенной дикой саблей выживается нелегко.

если к старости не повешусь и не сгину в глухих тенях, я вам всё расскажу про нежность, лишь бы выслушал кто меня. лишь бы мой не отнялся голос, а надежда — не гиблый сюр.

я отхаркиваю влюблённость. и отхаркивать буду всю.

не поймите меня превратно, поколение скорых клятв. я из пепла рождаюсь в марте — без весны мне никак нельзя.

пару лёгких, как два Грааля, я наполню совсем другим. тем, что вышло за грань реалий и навряд ли вернётся к ним. тем, что выжжено, словно поле, и обронено, будто миг.

кто выпускает любовь в ладони, непременно сжимает их.

рефлекторно. железной хваткой до последнего давит пульс, превращая в ничто заплатки. за укусом — ещё укус. и с надменной своей высоты рассмеётся тоскливо так.

но кто зеленью чистой соткан, не танцует из уст в уста, а вальсирует в рамках пары, не забыв ни одной из нот. лишь надежда совсем пропала — мир подавится новизной.

я хочу, чтоб лоза сквозь ниши прорастала в глубины стен. только вряд ли меня услышат с ветром делящие постель.

сутки выются по шее лентой, отдавая приказ простой — закопать на четыре метра всё, что я называл весной.

МНЕ ПРИСНИЛАСЬ ЗИМА

Мне приснилась зима.

И она набирает силу.

Ожидая в высокой башне, потирает морозный трон.

В окружении грозных стражей, где давно заведён будильник,

Нервно стуча зажигалкой,

Думает о своём.

Мне приснилась зима,

Впопыхах собиравшая вещи,

Чья чувствительность вновь застряла между осенью и весной.

Начиная свой путь сначала, я по-прежнему ей отмечен.

Я бросаюсь от нашей встречи,

А она, как всегда, — за мной.

Мне приснилась зима.

Я отчётливо помню саван,

Ослепительно белой смертью простиравшийся вдоль холмов.

Осторожно попавшись в сети,

Я полюблю тебя заново,

Бесповоротно веруя

В чистое волшебство.

ЭСКИЗАМИ

Если общаться письмами,

Значит, общаться искренне,

Значит, разлив по буковке,

Пить неземную суть.

Значит, дарить эмоцию

Всю. Бесконечно острую.

Словно в крошечном сумраке

Живо зажечь свечу.

Я опишу эскизами

То, что во мне записано.

То, что не знает выхода

И бесконечно ждёт.

И как всегда попробую

Выйти из зяблой проруби.

Станут метели тихими.

Громким же станет

Всё.

Донор

ВЫЖИТЬ ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

Ветер надрывно считает кости,
Чует мандраж
И берёт на зуб.
Солнце за жидкой стеной из сосен
Скрылось, но светит:
«Спасу, спасу!».

Тянутся нити, и вьются волны,
Чутким лассо пробивают брешь.
Так разгорается звёздным соло
Вектор озябших вконец надежд.
Нити подвешены вдоль дороги,
Реют над домом,
Горят в окне.
Даже прохожий — и тот в восторге —
Вдруг забывает порядок дней.

Вспыхнувший вечер искрится.
Тает
Снег под ногами
И снег внутри.
Десять мифических Солнц Китая —
Битые фонари.

Реки весны соберутся в стаю,
Вырвав из ветра колючих лап.
Я за мгновение перелистаю
Майские дни твоего тепла.
Не надышаться в который раз мне
Книгой из милых двухсот страниц.
Мысли о прошлом — всегда заразны,
Мысли о будущем — вечный риск.

Только по-прежнему скачет лучик,
Щёлкая строчек моих курсив.
В небе бесцельно танцуют тучи,
Чёрные гривы ко мне спустив.
По освещённым тобой дорогам
Я покидаю объятья тьмы.
Нам остаётся совсем немного.
Выжить во время зимы.

Донор

ВОРОН

я отброшен на шаг обратно, выбирая вперёд идти. мне — зародышу аргонавта — посылается шторм, но штиль избегает меня так ловко, что не верю глазам своим. он поглядывает с издёвкой, я подглядывал бы за ним, но назначено не руно мне и не царствие чёрт-те где — лишь баркасом разбиться в море на Харибдовой стороне. разматает меня подобно светлым жизням, пропавшим там, где не встретит любой бездомный в небо поднятого перста.

надо мной не стервятник кружит, не орёл, и не смерти лик — сыпят вороны крупной стружкой мне в ладони и грай, и крик. умываюсь. смеётся птица и мазутным своим крылом — по глазам мне, как будто кистью — и опять всё черным-черно.

ни за что не очистить глаз мне. ни за что не найти пути, где заклёванный /пусть и насмерть/ упаду, но начну ползти. я пытался смотреть иначе, не пуская весь мир в утиль, но как жизни своей палач, я не рублю её на пунктир. не рублю чёрно-белых полос из жирнеющей мрачной мглы. я бы выслушал внутренний голос, только все голоса немые.

мне уставшую печень ворон разорвёт как победный стяг.
так всё было.
и будет снова.
даже тысячу лет спустя.

Дубровский Александр

РЫБА — ДАО

Человек слабей, чем рыба,
Потому что рыба — глыба;
Есть у рыбы плавники,
Ловят рыбу рыбаки.
Вау! Вау!
Рыба — это Дао!
Ибо! Ибо!
Дао — это рыба!

Ливень, вникнув вглубь плащей,
Уплощает суть в лещей;
Вязнут в лужах сапоги,
И расходятся круги;
Эта линия трамвая
Нынче стала боковая —
Сообщает тихо нам
То, что каждый знает сам:
«Вау. Вау.
Рыба — это Дао.
Ибо. Ибо.
Дао — это рыба».

Над густым районом спальным
Стадион навис, как лайнер.
Призрак Гофмана поник.
На обочине пикник.
В тусклом свете рыбьих глаз
Предстаёт песчаный плац.
Камень скраден. Пень сухой.
Путь-дорога под водой.
Формируемый протест,
Словно с эстакады съезд:
Можно выдать за подъём,
Только сверху спущен он;
Щук бояться — не нырять,
Ведь бежит и речка вспять.
Но спокойней между строк
Записать (и — «под замок»):

Дубровский Александр

«Вау! Вау!
Рыба — это Дао!
Ибо! Ибо!
Дао — это рыба!».

Рыба ходит косяками
Там, где трудно одному,
Золотыми карасями
Нечистот пронзая тьму;

Выйдешь ночью с удочкой
На сазана с карпом —
Так, запутан будучи,
Вспомни эту мантру:

«Вау! Вау!
Рыба — это Дао.
Ибо. Ибо.
Дао — это рыба!».

«Я постигаю глубину (?) —
На самом деле, я тону!».
Это мысль Ницше —
Оппонента Канта.
Кратко, но излишне.
Просто повторяйте,
Повторяйте мантру.
Повторяйте мантру:
«Ваааааааааааааааааааааааааааа...!»

Вау! Вау!
Рыба — это Дао.
Ибо! Ибо!
Дао — это рыба!

Вау! Вау!
Рыба — это Дао!
Ибо! Ибо!
Дао — это рыба!»...

Дубровский Александр

РЕЦЕПТ

Толщиною в палец
Нашинкуй и в чан —
Боль твоя разварится
С горем пополам.
Овощи потушатся
В собственном соку,
Прошлое разрушится.
На твоём веку
Прошлое опошлено
Знанием причин.
Думай о хорошем —
Это для мужчин.
Ты хороший повар,
Разберёшься сам,
Пусть никто не добр
Нынче к поварам.
Тигры рвут газеты
В мелкие куски.
Заточи в котлету
Жизни волоски,
Корень сельдерея
Прорасти сквозь мрак,
С гордостью краснея,
Вскипяти бурак,
Разогрей на масле
До хрустящих слёз
День, в котором счастлив,
День, когда ты рос,
День, с которым дружен,
День родных затей,
Где газеты служат
Смехом для детей.
Там с мостка не надо
Прыгать в пьяный пруд —
Люди будут рядом,
Люди не столкнут.
Снова станешь тигром —
Это для мужчин.
Поиграешь в игры —
В игры без личин.

Дубровский Александр

Посоли по вкусу,
Поперчи на глаз,
Спрятанные чувства
Выставь напоказ,
Приукрась крапивой
Вечно молодой.
Попадавай счастливым,
Попадавай и пой.

БЕЗ ЛЮБВИ

Без любви, без любви, без любви
Жизнь пуста, как заброшенный дом,
Без любви нет весны,
Нет зимы,
Нет войны...
Без любви, без любви,
Без любви всё идёт кувырком...
Но я знаю страну, где три тысячи лет
Люди счастливы, словно во сне —
Там бывал мой сосед,
Он открыл мне секрет:
Нет любви, нет любви,
Нет любви в той чудесной стране...

Без любви, без любви
Люди ставят свои города,
Без любви, без любви
Закljučают союз навсегда,
Без любви, без любви
Люди дарят друг другу цветы,
Без любви люди спят,
Без любви говорят,
Без любви, без любви,
Без любви исполняют мечты...

Я той ночью не спал,
Всё компьютер включал,
Заходил без конца в Интернет —
Выбиваясь из сил,
Я запросы вводил:
«Без любви страны где её нет»...
И под утро напал
На какой-то канал —

Дубровский Александр

Там ведущий представил сюжет
О далёкой стране,
Где живут как во сне
И не знают ни горя, ни бед,
И, не зная любви,
Много лет — день за днём —
Процветают народ и страна.
Опыт этой страны
Убеждает нас в том,
Что для счастья любовь не нужна.

Без любви, без любви
Колосится пшеница в полях,
Без любви, без любви
Охраняет границу солдат,
Без любви, без любви,
Улыбаются люди друзьям,
Без любви люди спят,
Без любви говорят,
Без любви, без любви,
Без любви выполняют свой план...

Я собрал чемодан
И билет заказал,
Чтобы вылететь срочно туда,
Где живут без любви,
Где поют без любви,
Без любви, без любви, — навсегда.
Но ступил за порог —
В голове вдруг щелчок,
И сказал я себе: «Погоди.
А зачем мне бежать?
И чего мне искать?
Ведь и здесь,
Мне и здесь,
Нам и здесь хорошо без любви»...

Без любви, без любви
Воздвигаем свои города,
Без любви, без любви
Закключаем союз навсегда,

Дубровский Александр

Без любви, без любви
Улыбаемся нашим родным,
Без любви люди спят,
Без любви говорят,
Без любви, без любви,
Без любви достигают вершин.

Без любви, без любви
Люди ставят свои города,
Без любви, без любви
Закljučают союз навсегда,
Без любви, без любви
Люди дарят друг другу цветы,
Без любви люди спят,
Без любви говорят,
Без любви исполняют мечты.

ПАРКОВКА

Я не знаю, где тут паркуются, —
во-первых, я не водитель,
во-вторых, безразличен к жизни двора:
пересекая его, я смотрю вперёд или в землю,
стараясь не видеть соседей, не особо желая здороваться.
Здесь я живу много лет, — я знаю этот турник, эту слякоть
вместо дороги, иногда подбираю бутылки, чтобы выбросить
их по пути в мусорный бак.
Воображаю другой двор, другого себя:
другой я выхожу ранним утром во двор, спускаясь с веранды,
наслаждаясь видом насыщенной зелени ровных газонов;
я открыт, я общителен. «Здравствуйте, Виктор,
как Ваша книга?», «Алевтина, Ваша клумба... — такой эталон
среди клумб», «Спасибо, Андрей, за
шлифовальные диски, — я вечером Вам занесу».
Я сам понимаю, и ты, наверное, скажешь, что это
шаблонно, безжизненно, но
я всё же хочу утащить из возможного мира
улыбку, — лучезарную, белую, — так характерную
для другого меня.
Эту улыбку я собираюсь подарить тебе,
отвечая на вопрос о парковке,
что — я уверен — ты можешь сделать это вот здесь.

Екатерина Мантурова

ДУША

Ты вросся в сердечный мускул,
Как в яблочный бок парша,
Как раковинка моллюска,
Покрыта тобой душа.

Окутал рыбацкой сеткой
Крест-накрест и поперёк.
Срываюсь, как с сигаретки
Краснеющий огонёк.

Роняю себя, как бусы,
Как пуговицы на пол,
Чтоб ты, словно город пруссов,
Однажды меня нашёл,

И стиснул ещё сильнее,
И взял, наконец, в кольцо,
Пока не окостенеет
Навеки моё лицо,

Пока я не стану камнем,
И, замерши, не дыша,
В тебя, будто в бездну, канет
Измученная душа.

* * *

И млеет под солнцем бродяга-март,
И звуки отчётливее, и звон
Стоит в голове. И колодой карт
Летят мои мысли вон.

И кошки мурлыкают невпопад,
И первый подснежник невинно свеж,
И город устраивает парад
Как есть, без своих одежд.

И голые ветки торчат вокруг,
Вороны устраивают им бой...
А ты не смотри на своих подруг,
Меня заberi с собой.

Рванём по Шпандину. Залива синь
Коснётся ладоней, коснётся стоп.
И наши моторы сожгут бензин
Нон-стоп.

Екатерина Мантурова

* * *

Когда в последний раз пройдёт по кругу
С кленовой пятернёй на лбу трамвай,
И в бузине засевшие пьянчуги
Промямлят еле-слышно «Наливай»,

Когда повсюду высыплет лиловым,
Зелёным, синим светом фонарей,
Я призову божественное слово
Из тишины каштановых аллей.

Оно вспорхнёт, как голубь в подворотне,
Прошелестит рекламной шелухой
И станет на бумаге беззаботной
Словесной стихотворной чепухой.

И первая сентябрьская прохлада,
И отголоски джаза из кафе,
И здания немецкого громада,
И человек, идущий подшофе, —

Всё попадёт в словесный мой гербарий,
Растянется шеренгами столбцов, —
Лимон луны на мокром тротуаре
Среди осколков звёздных леденцов,

Опущенные веки хачапурных,
Потухший прищур хищных фар авто,
И на деревьях охристый, пурпурный,
Бордовый, апельсиновый драп пальто...

Екатерина Мантурова

ЁЛОЧКА

Надену шарф и выйду за порог,
В январское открытое пространство.
И новый день освободит курок
С завидным хладнокровным постоянством.

Он выстрелит, не думая, в упор.
И я, уже мертва, войду в маршрутку
И не замечу скрежета рессор,
Вврачиваемого в пустоту желудка.

Ни запаха просаленных волос,
Ни перебранки пьяницы с водилой,
Что ёлочка под зеркалом всерьёз
Напоминает маятник кадила...

Похожа на бездушный метроном,
Который остановится неожиданно
И серая реальность за окном
Вползёт по эту сторону экрана.

О, если б мне не надо каждый раз
Завязывать на шее шарф-удавку
И, получив очередную пулю в глаз,
С такими же, как я, толкаться в давке

И ждать, когда замрёт наверняка,
Под зеркалом вонючая висюлька
И чья-то очень сильная рука
Раскрошит моё тело, как сосульку.

Но начат день. Маршрут неотвратим.
И я с него ни разу не сходила.
Везёт меня водитель Никодим,
Качается картонное кадило...

Зайцев Никита Николаевич

ПИСЬМО. К ЮБИЛЕЮ А. С. ПУШКИНА

«Предвижу всё...» пустынный взгляд,
дробящий вскользь предел стены,
как мысль презреньем уязвят
слова и помыслы... черны?
Пожалуй, только от чернил!

В толпе глухих, незрячих,
бездумно-вольных я бродил,
когда был искрой озадачен.

Безумный разум ей не верил,
считал тот «розовый пустяк» —
обременитель вольным перьям,
не стоящий затрат... дурак
цветок невинности спалил
с циничной миной на лице.
На дно отныне тянет ил
в обилье едких мух цеце.

Спасение в твоей улыбке,
рождающей в туманный день
рассветные лучи и зыбкий,
почти незримый, словно тень
в подлунный хронос, поцелуй.

Спасение в одной руке
скользящей вдоль щеки... гарцуй
отчаянье, в твоей реке
настало время мне топиться,
лишённым нежных благ земных,
там будет время мне темницей.

«Всё решено...» последний штрих
остался на холсте, судьбой
окрашен в тусклые тона.
Картина серости полна,
но я навеки буду Твой!

Зайцев Никита Николаевич

ДРАКОН

Рождённый при взрыве погасшей звезды,
последней энергией мёртвого тела,
скользящий вдоль мрака пленяющих дыр,
зовущих к себе так, что сердце робело,
узревший в далёких пучинах вселенной
те тайны, что жаждет учёный украсть,
я рос, проклиная тот космос безмерный,
где падал и падал в надежде упасть.

Спустя миллионы (по меркам людским),
уставшее в длительном, нудном пути,
ударилось тело о третью, засим
волна разошлась по планете, уйти
никто, к сожалению, не смог — всё мертво.
Так радость мою приземленья сюда
лишь труп динозавра (урод-существо)
делил, догнивая. Менялась среда.

Бродил, пожираемый голодом, я,
пока не нашёл на планете существ,
что предки коров, и собак, и курья,
чем жажду свою утолил, что съест,
давясь, так давно голодающий зверь.
И, силы набрав в величавые крылья,
взлетел, разрывая потоки аер —
всё падало ниц предо мной от бессилья.

Боялся меня прародитель людей,
охотился даже — отважных сжигал.
Он в страхе бежал, забывая детей,
когда я с пугающим воем летал,
но помнится племя одно — Атлантида!
Умны не по возрасту Терры, скупы
в полученных знаньях. Отправил к Аиду!
За наглость! Пытались поймать! Вот ослы!

Я видел рождение древнего Рима,
буддизма зачаток и саван Сократа,
нагорные звуки Исусова гимна,
последние дни под вулкана раскаты,

Зайцев Никита Николаевич

падение Ромула, Западной крах,
орудие в камне, что вынул король,
на земли славян как позвали варяг,
царей, что умножила жизнь лишь на ноль.

Я был для вас демоном, богом и знаком
скорейшей кончины, разрухи кровавой.
Я был для вас вестником только лишь мрака,
но люд убивал в наказанье, вдобавок,
те сами меня вынуждали их сжечь,
ведь силами общими брали, но нет,
слабы, не смогли так коснуться и плеч,
пока та звезда, чьё наличие — бред.

И, встретив меня над Нихон, унесла
вглубь бездны, под толщу воды океана,
вглубь разума, в царство Морфея и сна.
В падение звёзд Нагасаки был втянут.
Очнувшись, взлетел. В голове лишь одно —
та мысль поглощает мой мозг, я постиг,
зачем был рождён, для чего занесло
на третью, кто я, и что значит мой лик.

Я в женских рыданиях по пеплу мужей!
Я в столах разодранных в клочья врагов!
Я страх, что пугает рассудок людей!
Я мудрость! Я сила! Посланник богов!
Вселенной отлита с рожденья броня,
что крепче земли, а здесь в пасти сгореть,
а в крыльях потоки ветров. Я судья.
Я вынес вердикт. Я Дракон, и я Смерть.

Зарина Бикмуллина

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

— Следующий.

Тео глубоко выдохнул и осторожно потянул вниз тяжёлую ручку двери.

— Можно?

Профессор Каррел кивнул, заполняя какой-то бланк. Остальные члены комиссии — их имён Тео не помнил — пребывали в прострации: женщина в малиновом пиджаке со скучающим видом чистила ногти карандашом; старичок явно марматического вида дремал, молодой мужчина чертил на листке бумаги абстрактные круги.

Тео, стараясь не уронить коробку с бесценным грузом, вошёл в аудиторию. Женщина с неохотой отложила карандаш. Многозначительно задержала взгляд жёлто-медовых глаз с тёмным ободком вокруг радужки на студенте. Наконец Тео догадался, что оставил открытой дверь, и, оскальзываясь на истёршемся паркете, кинулся её закрывать, при этом злобредная коробка выскальзывала, когда он пытался удержать её одной рукой.

Профессор Каррел поднял на него глаза.

— Представьтесь, пожалуйста.

«Доклад забыл на подоконнике», — пронеслось в голове у Тео.

— T'heoRaiepp, — собственный голос показался ему чужим.

Профессор с серьёзным видом записал имя, но в глазах у него плясали искорки.

— Итак, молодой человек, что же вы нам представите?

Тео облизал пересохшие губы.

— Свою дипломную работу, наверное, — предположил он.

Члены комиссии заулыбались.

— У вас пятнадцать минут, — сухо сообщила женщина в малиновом пиджаке, явно не настроенная на любезности со студентами.

Тео поставил коробку на середину стола и осторожно вынул содержимое.

— Позвольте представить вам... Земля.

В воздухе парила маленькая нежно-голубая планета. Вглядевшись, можно было увидеть белые полупрозрачные потоки ветров в атмосфере и жёлто-зелёные пятна континентов.

Председатель едва заметно вздрогнул. Члены комиссии недоумённо переглянулись.

— Тео, вы наш лучший студент. Два года назад вашей курсовой была отличная планета — как там она называется? Сэ... су...

— Сатурн, — подсказал он.

— Вот-вот, Сатурн. Идеальная, лаконичная, с прекрасным поясом астероидов, а это что? Вы на первом курсе делали Меркурий — и то это было более достойно. И мы ожидали от вас нечто большее, чем просто маленький камень с атмосферой...

Зарина Бикмуллина

— Поверьте, это действительно нечто большее. Такой планеты не было ещё никогда.

Каррел вскинул бровь.

— Смелое заявление. И чем же она уникальна?

— Жизнь, — улыбнулся Тео.

Даже если бы он на глазах у комиссии превратился в ондатру, такого эффекта ему бы достичь не удалось. Женщина в малиновом пиджаке выронила карандаш. Маразматический старичок приоткрыл левый глаз и изумлённо уставился на студента.

Профессор аж привстал со стула.

— То есть, вы считаете правомёрным... — медленно проговаривая каждое слово, начал он, — создавать планеты, населённые живыми существами?? Вы же знаете, что это строго запрещено правилами!

— В этом и уникальность моей работы, — пожал плечами Тео.

Побагровев и тяжело дыша, председатель комиссии процедил:

— Продолжайте.

— Планета Земля, масса — $5,9726 \cdot 10^{24}$ кг, диаметр — 12 742 км... Профессор, вам это точно будет интересно?

— А у вас есть другие варианты? — ядовито поинтересовалась женщина.

Молодой мужчина тоже решил выразить своё веское мнение.

— Форма, я так понимаю, идеальный шар — как и принято?

Тео потупился.

— Эээ... во время эксперимента с полями произошёл небольшой сбой. Поэтому Земля немного сплющена у полюсов.

Комиссия была в ярости.

— Мало того, что вы нарушаете все правила, так ещё и канонам не следуете?? Идите и почитайте требования к работам — что там сказано? Правильно, пункт третий, форма — исключительно идеальный шар, и никаких компромиссов! — брызгал слюной старичок.

Тео покраснел.

— Это... это нисколько не влияет на результат! — робко запротестовал он. — Моя цель — не сделать идеальную планету, а создать принципиально ново...

— В любом случае, ваша оценка будет снижена, — перебила его женщина — малиновый пиджак.

Студент поник и принялся доставать из рюкзака толстые шуршащие папки.

— Что это? — сдвинул брови профессор.

— Это документы. Проекты, схемы, чертежи. Например, вот... — он протянул папку чёрного цвета. — Комбинации генов. Несколько миллиардов вариаций.

Каррел взял папку в руки и стал внимательно изучать.

— Царства организмов — растения, животные, грибы и так далее. Строение, клеточная организация — всё расписано, — продолжил ободрённый студент.

Зарина Бикмуллина

— Это всё вы сами разработали? Путём экспериментов? — поинтересовалась женщина.

Тео кивнул.

— Неплохая у вас фантазия. И трудоспособности можно позавидовать.

На столе появилась ещё одна папка.

— Это — языки. Более десяти тысяч вариаций. Я немного поэкспериментировал с системами письменности и диакритиками, одних ударений придумал четыре вида.

— Языки? Вы хотите сказать, что ваши... ээ... творения разговаривают? — изумился молодой член комиссии.

— Не все, конечно, но разговаривают, — не без гордости подтвердил Тео.

— И они разумны? — глухо поинтересовался профессор.

— Конечно. Я назвал их «люди».

— И чем вы, интересно, руководствовались, давая им разум?

— Я ставил целью создать открытую систему, которая, к тому же, способна к саморазвитию. Они начинают созидать. Творить, сочинять стихи и музыку. Мне было интересно, чего они смогут достичь.

— Вы дали им разум. Создали языки. Дали возможность творить. Может быть, нам и на покой теперь можно — все наши обязанности будут выполнять на вашей Зельме? — голос Каррела дрожал от ярости.

— Не надо преувеличивать, — Тео старался говорить спокойно. — Они создают прекрасные произведения искусства, не более того... Просто посмотрите!

Члены комиссии вооружились лупами и впились взглядами в «объект исследования».

...скульптура была ещё не закончена, но уже сейчас в ней угадывались изящные черты лица, непринуждённое движение руки — нет, скорее, даже едва заметное напряжение мышц, предшествующее жесту — и полупрозрачные складки мягкой ткани, ниспадающей на плечи. Мрамор казался прозрачным — словно вуаль сделана из обычной ткани, а не из камня. Мастер спал на столе, положив голову на руки; на полу, свернувшись калачиком, спал мальчишка-подмастерье.

— Изумительно, — прошептала женщина — малиновый пиджак.

— Это... невозможно... — пробормотал молодой эксперт.

На лице Тео появилась торжествующая улыбка.

— Вот видите!

Профессор Каррел покачал головой.

— Вы ещё и создали их по нашему образу и подобию? Зачем?

— Я... Просто хотел показать, как они близки к нам.

— Лучше признайтесь, что фантазия всё-таки закончилась, — ехидно заметила женщина.

— Возможно, — спокойно признал Тео. — Кстати, это ещё не всё! Посмотрите!

Зарина Бикмуллина

Через лупу можно было увидеть крошечную фигурку студентки, представляющей свой проект, и хмурые лица комиссии. Из рук студентки выпали листы доклада и разлетелись по аудитории, и она суетливо подбирала их, роняла, поправляла сползающие очки, снова поднимала бумаги, неловко улыбаясь и делая вид, что всё так и должно быть.

Повисла пауза.

— Какие космические законы действуют на вашу планету? — продолжил допрос Каррел.

— Профессор, я знал, что это ваш любимый вопрос, — не без удовольствия сообщил студент. — И подготовился.

Пухлая папка легла на стол комиссии. Профессор пробежался глазами по списку.

— Хм, на планете существует время? Зачем? Это не является обязательным параметром.

— Чтобы у людей была возможность развиваться. Они со временем умнеют, изобретают что-то новое, кстати, — на стол легла ещё одна папка.

— Что это?

— Список запланированных изобретений и открытий. Слева — открытие, справа — имя человека, который его совершит, и дата.

— Вы всё предусмотрели.

— Стараюсь.

— Что ж, вы отлично подготовились. Но всё же у вас есть ошибка в расчётах. Грубейшая.

— Какая? — заволновался Тео.

Профессор медленно подошёл к планете, как ни в чём не бывало вращающейся вокруг своей оси, и замер, внимательно глядя на неё. Маленькая голубая планета невинно парила в воздухе, оживлённо обсуждая что-то на сотнях языков, смеясь, рыдая и шепча о чём-то мелком и приземлённом.

— Видите ли, Тео, — сказал он уже громче. Члены комиссии старательно изображали солидарность. — Не только вы пробовали создать жизнепригодные планеты и заселить их живыми существами. Не только вы хотели дать обитателям своих миров разум, возможность творить, развиваться и самим решать свою судьбу. Пробовали и до вас. Но это тщетно — они всегда умудряются выбирать неправильный путь. Поэтому ваш... творческий поиск, так сказать, бессмыслен. Понимаете? Они не могут пользоваться тем, что вы им дали.

Тео недоумённо моргнул.

— Профессор, я не до конца...

— В таком случае, посмотрите вот сюда, — перебил председатель, указав карандашом на крупный континент. Из зелёного он постепенно становился жёлтым. — Они рубят лес, Тео.

— Зачем? — изумился студент.

Зарина Бикмуллина

— Спросите их самих. Может, чтобы сделать кресло-качалку. Или детскую погремушку.

— Но... по плану, этого делать нельзя! — возмутился парень.

Профессор искренне рассмеялся.

— Неужели вы думали, что, давая людям разум, вы обеспечите чёткое и строгое следование плану? Вы меня забавляете, молодой человек! Они всегда будут стремиться делать то, что им хочется, и то, что принесёт им больше денег, выгоды или удовольствия. Вы для этого создавали эту планету? Для того, чтобы все ваши труды были разрушены? Только что они писали стихи и создавали изумительные скульптуры, а сейчас...

Профессор протянул студенту лупу.

— Посмотрите.

Сквозь лупу было видно, как летят над мирными городами самолёты с символикой, похожей на крест, на хвосте. И как разрываются бомбы.

Тео побледнел.

— Что это?

— Человеческий разум во всей своей красе. Вряд ли вы рассчитывали на это, да?

— Это единственное, чего я не учёл, — опустил голову Тео. — Я же сделал всё, чтобы они изобретали новые технологии и писали картины! А они вместо этого грызутся по любому поводу — из-за территории, из-за веры, из-за ресурсов... — он остановился, беспомощно хватая ртом воздух.

— Не всякий может пользоваться разумом правильно, — мягко пояснил профессор. — Я просто указал вам на ошибку.

— Дайте мне шанс! Я научу их, я всё им объясню!

— Вы оптимист, Тео. Жизнь любит оптимистов — они в гробу улыбаются.

Каррел снова смерил взглядом планету.

— Вы знаете, почему запрещено создавать населённые проекты?

Студент покачал головой.

— Потому что все они развиваются по одному и тому же сценарию. Всё в них одинаково. Начинается с прекрасного, чистого, невинного... а заканчивается абсолютным разрушением.

Голубая планета висела в воздухе, споря о том, какие туфли сегодня надеть и что приготовить на ужин.

Неожиданно что-то изменилось. Что-то пошло не так. Внешне планета выглядела точно так же, но край какого-то крупного материка начал обугливаться, как головёшка. Каррел знал, чем всё закончится.

Профессор схватил шарик и со всей силы швырнул его в стену. Земля с жалобным звоном разлетелась на мелкие кусочки.

Повисла мёртвая тишина.

Зарина Бикмуллина

И лишь спустя несколько секунд, осознав, что произошло, Тео закричал, напроочь позабыв о субординации.

— Как вы посмели? Я в неё всю душу вложил!!! Она же... такая маленькая... Такая слабая, — голос студента сорвался и стал тихим и неразборчивым.

— Они бы всё равно сами уничтожили её, — тяжело дыша, ответил Каррел. — Они уже начали её уничтожать.

Тео молча покачал головой.

— Я пойду покурю... — пробормотал молодой член комиссии. У всех тут же нашлись срочные дела — малиновому пиджаку позвонила сестра, и она вылетела за дверь, чтобы ответить; старичок вспомнил, что забыл принять таблетки от амнезии...

Студент всё так же молча собирал в ладонь осколки своего творения.

— Тео?

Тот начал тихонько напевать какую-то песенку, баюкая кусочки планеты в ладонях.

— Тео!

— Тшшш... Тшшш, маленькая, всё хорошо... — убаюкивал Тео.

Каррел тяжело вздохнул.

— Ты просто не видел. Твоя планета умерла ещё до того, как я её уничтожил. Она начала умирать уже тогда, когда они стали путать интеллект с разумом и вообразили себя хозяевами мира. И поверь, видеть, как она умирает сама, заживо сгорая в пламени войн и пожаров, как она задыхается, лишившись зелёных лёгких, и как отчаянно молит о помощи на всех своих языках, намного больнее. Я-то знаю.

Тео вздрогнул и поднял на него глаза.

— Откуда?

— Неважно. Просто не вини себя и приступай к новому проекту.

— Странно, да? — глупо улыбаясь, сказал студент. — Я создавал её с жидким ядром, а она похожа на стекло. Такая же хрупкая, и руки режет, — он помолчал. — Наверное, опять ошибка в расчётах.

Тео сжал кулак, не обращая внимания на острые осколки Земли, режущие кожу, и вышел из аудитории.

— Приходите через год, Тео.

Дверь закрылась бесшумно.

* * *

Профессор выдвинул ящик стола и достал из чёрного футляра маленький обугленный шар, в котором ещё угадывались черты планеты — некогда, вероятно, прекрасной. Шар не был идеально ровным — были и горы, и равнины, и впадины. Кое-где, если приглядеться, можно было увидеть остатки строений — тоже, вероятно, когда-то красивых.

Бесконечно мёртвая планета тоскливо смотрела на своего создателя.

— Это всё равно бесполезно, Тео, — вздохнул он.

Иван Карасёв

УСПЕШНАЯ ОПЕРАЦИЯ

*Он грудь мою рассёк мечом
И сердце трепетное вынул.*
«Пророк», А. Пушкин)

Человек возвращался в город. На развилке дорог ему встретился нищий старик, который под мышкой нёс шаманский бубен. Человек собирал старые вещи, поэтому был рад такой встрече.

— Продай бубен, старик.

— Не надо денег, — ответил тот, — бери так.

Заполучив бубен даром, человек долго рассматривал его и ощупывал. Бубен был круглой формы и белого цвета. На деревянный ободок была натянута оленья шкура. На лицевой стороне посередине был выведен ромб, из которого в четыре стороны отходили лучи. На каждый луч были нанесены фигуры: медведи, люди, птицы, олени. Фигуры заполняли также всё поле бубна. По окружности были нарисованы, как будто детской рукой, жилища разной формы. На обратной стороне бубна — множество параллельных железных прутков, к которым были подвешены металлические фигурки и колокольчики.

Придя домой, он положил бубен в угол и вскоре забыл про него.

Однажды вечером человек услышал, что комнату наполняет странное гудение, перемежающееся звоном колокольчиков. Человек спрашивал у жены и своих детей, но никто, кроме него, не слышал этого шума. На следующий вечер история с шумом повторилась, только в этот раз человек почувствовал сильное притяжение, исходившее из того угла комнаты, где лежал шаманский бубен.

— Вот оно в чём дело, — вырвалось у него.

Как только он приблизился к бубну, гудение переросло в ритмичные удары, похожие на сердцебиение, а из-под натянутой кожи послышалось шуршание, будто внутри бубна копошились сонмы насекомых.

Человек (назовём его Че) долго не решался взять в руки шаманский бубен, но всё-таки пересилил себя, и руки сами стали выбивать некий ритм. Из бубна потянуло холодом. Порывом ветра распахнуло окно, и какая-то сила придавила Че к полу. Некий голос стал вещать:

— Приложи ухо к бубну, и ты услышишь, как шумит ветер и мычит луна, как шипят капли дождя, разбиваясь о поверхность твоей ладони. Бубен — это окно в мир пустоты. Это гнездо, в которое слетаются духи. Полный ими бубен бывает очень тяжёл. Бубен — это тяга и кормушка для духов, питающихся песнями шамана...

Затем бубен стал рассказывать о себе в песне, как он был создан. Вначале он был оленем, с которого сняли шкуру. Его кровью окропили Могучую листовницу и отщепили от неё кусок древесины. Древесина пошла на обод для бубна. На ободе оставили шесть рогообразных отростков. Это шесть сосцов, из которых струится солнечное молоко, питающее духов и самого шамана во время камлания. Лучшие

Иван Карасёв

художники дважды разрисовывали бубен, и дважды духи отвергали их работу, и лишь на третий раз согласились здесь поселиться...

Че открыл глаза. На лбу у него была мокрая тряпица, в глаза бил солнечный свет. Жена понимающе смотрела на него своими большими карими глазами.

— Что за представление ты устроил вчера среди ночи? Соседи были в ужасе. Ты знаешь? Я уже было подумала, что ты опять перебрал, — она потрогала его лицо. — Вроде бы жар спал. Врач будет в два часа...

Она ещё что-то говорила: про погоду, про политику, про успеваемость детей в школе, но Че её уже не слышал. Глаза его закрывались, и он снова наблюдал закат двух солнц и восход щербатой луны.

Он чуть не захлебнулся в водах бескрайнего океана. Чудовищная рыба поглотила его и вынесла на каменистый берег. Осмотревшись, Че понял, что это был остров, посреди которого плескалось озеро. На озере покачивался ещё один остров. Он казался бы совершенно пустынным, если бы не огромное дерево и не груды человеческих костей, устилающих его подножие. Чей-то голос сказал Че:

— Раз в году в ветвях этого дерева гнездится трёхногий ворон с жёлтыми глазами и железными когтями.

Че обернулся, чтобы увидеть, кто с ним говорит, и заметил мышшь, выползающую из его правого уха. В этот же миг он очутился на дереве, висящим, как созревший плод. Все ветви дерева были увешаны такими плодами. Они колыхались при малейшем дуновении ветра, сталкивались друг с другом и стонали.

Внезапно появился трёхлапый ворон. Он рассёк клювом грудь Че и, взяв за ноги, выпотрошил из кожи все его кости...

Че пришёл в себя и ощутил нестерпимую боль во всём теле. В углу комнаты он заметил свою жену. Её глаза были полны слёз. Она разговаривала с врачом, который всё время пожимал плечами. Из их разговора Че стало понятно, что он тяжело болен. Женщина говорила врачу, что вчера ночью она сняла Че с дерева, в ветвях которого тот сидел совершенно голый напротив зоомагазина.

— Ночи сейчас холодные, — сказал врач, — переохлаждение может сказаться на его общем состоянии. Да, и самое главное: вы нашли его одежду?

— Нет. На его теле стали проступать странные татуировки.

— Это могут быть пигментные пятна, — возразил врач.

Че снова услышал удары бубна, и его стало корчить в судорогах. Мысли его вновь потекли по неведомым тропам сна.

Вот он снова на берегу Мирового океана. Вдали Че увидел огромную белую гору, но когда приблизился к ней, понял, что это женщина в рыбьей чешуе, наполовину погружённая в воду. Она казалась мёртвой, и её неподвижные глаза напоминали плохо вымытые окна. Че заглянул в них и увидел, что внутри полно духов, которые пляшут и пьют чай из самовара. Внезапно женщина зевнула и втянула в себя растерявшегося Че. Внутри было темно и тихо, но стоило Че обернуться, как про-

Иван Карасёв

странство тускло осветилось. На пригорке сидела мышь и играла на варгане¹, издающем мрачный жужжащий звук. За ней показались три отверстия в земле, из которых валил едкий дым.

— В эти норы ты должен заглянуть, — не переставая играть, сказала мышь, — но помни, что тамошние обитатели постоянно поедают друг друга.

Че зашёл в первую нору. Там его жестоко запеленали и, положив в железную колыбель, принялись раскачивать. Сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее, пока от усилия не порвались верёвки.

Во второй норе Че встретил трёх женщин, покрытых оленьей шерстью. На головах у них ветвились железные рога, на которых гнездились птицы. Одна женщина подошла к Че и сразу же отрезала ему голову. Из раны хлынула кровь. В её потоках можно было различить мелких рыбёшек чёрного цвета. Кровь почти было затопила нору, как появился человек, похожий на медведя. Он сказал:

— Он мой! Дайте его мне, я хочу его обнять!

И он так сжал Че в своих объятиях, что затрещали кости. Затем человек-медведь взял иглу величиной с палку и стал протыкать свою жертву насквозь, пересчитывая все суставы и части тела.

— В тебе нет ничего лишнего, — сказал он, — ты должен умереть.

— А волосы? Ты пересчитал волосы? — спросила мышь, появившись из темноты.

— Э, вот это да! — удивился человеко-медведь. — У тебя одна лишняя ресница.

С этими словами он принялся ловить удочкой голову Че в кровавом озере. Выловив голову, он вложил её в руки Че и проводил его до последней норы.

Посреди третьей норы на железных цепях был подвешен огромный котёл, в котором варилась и булькала чёрная смола. За котлом прятался маленький нагой человек с длинными щипцами и дырявым молотом. Он взял у Че отрезанную голову и посадил её на высокий шест. Свысока голова наблюдала за тем, как было рассечено её чело и вынута оттуда сердце. Как из сердца был извлечён язык в виде змеи. Все внутренности были брошены в котёл и затем съедены. В печальной трапезе принимала участие и сама отрезанная голова, хотя внутренне этому противилась. Вместо съеденных частей тела кузнецом были выкованы другие, железные.

— Однако я совсем забыл про глаза, — пропищал кузнец, обращая свой взор к отрезанной голове. Голова же делала вид, что не понимает, о чём речь, поскольку ей было и так нестерпимо больно. — Успокойся! Тебе нужны другие глаза, чтобы по-настоящему видеть, другие уши, чтобы внимать духам.

Кузнец попытался дотянуться до головы, но шест, на котором та покоилась, за это время вырос. Тогда кузнец принялся грызть шест острыми зубами, однако, откуда ни возьмись, в нору залетела стайка воробьёв. Воробьи подхватили голову и понесли её над тёмными лесами и глубокими озёрами, заснеженными горами и зло-

¹ Варган — музыкальный инструмент народов Севера.

Иван Карасёв

вонными болотами. Всё это голова прекрасно видела. Она видела, как пустился в погоню кузнец, как он стал кидать в них сначала щипцы, затем камень и молот, но только молот достиг цели. Он ударил голову в темя, и та упала. Кузнец поднял голову с земли: на его ладони лежал голый череп, лишённый признаков жизни.

— Только ты и я, — сказал кузнец, — теперь знаем, что такое жизнь и что такое смерть.

Кузнец отнёс череп в свою нору, приложил его к туловищу, нарастил плоть и собрал все кости заново. Прodelал железным пальцем два уха и одно на затылке.

— Возвращайся назад, но помни, что сердце пока останется у меня как залог твоего возвращения.

Так говорил кузнец. Потом он дунул в лицо, и Че пришёл в себя...

Напротив него сидела жена в белом халате. Сам он лежал на больничной койке, а вокруг суетились какие-то люди, тоже одетые в белое. Они перебирали и подготавливали какие-то ножи, ножницы, иглы и зажимы. На газе кипятились какие-то кастрюли.

— Тебе предстоит операция, — строго сказала жена и потом добавила: — Ты только не переживай. Я уже обо всём договорилась и всё для себя решила. Теперь ты должен решить...

Внезапно Че почувствовал приток сил. Он резко поднялся с кровати и одним прыжком оказался у двери. Он бежал по тёмным коридорам больницы и слышал, как где-то позади гроыхает больничная каталка. Так он нёсся, сломя голову, пока не столкнулся с врачом в белой маске и белых перчатках. Врач скинул белый халат, под которым скрывался пернатый наряд шамана, увешанный железными побрякушками. Врач разжал челюсти Че и вложил в его рот нечто горькое и липкое, похожее на сгусток желчи. После этого Че вновь стал слышать биение своего сердца. Шаман же сказал:

— Твоя прошлая жизнь протекла в обмане: дети, жена, соседи и сослуживцы по работе — не более чем духи, мучавшие тебя. Жизнь твоя — не более чем испытание духами. Те же существа, которые кажутся тебе духами, — на самом деле твоя настоящая семья.

Голос шамана смолк и Че открыл глаза. Возле него по-прежнему сидела его жена. Она еле сдерживала свою радость.

— Дорогой, — начала она, широко улыбаясь, — операция прошла успешно...

Пелена постепенно спадала с глаз Че, и он увидел, как тело жены покрывается оленьей шерстью, а из головы прорастают оленьи рожки.

ЧЕЛОВЕК, РИСУЮЩИЙ ЗВЕРЕЙ

Человек сидел в позе йога. Станный головной убор напоминал огромные рога, а трёхликая маска говорила о его прозорливости и непричастности ко времени. Слоны, тигр, буйвол, носорог и два оленя окружали рогатого человека, чьё открытое пытливым взглядам тело будто застыло в тысячелетней аскезе. Из одежды — только ожерелье и браслеты...

Вилор Петрович Ведунов захлопнул журнал с изображением рогатого бога и продолжил свою лекцию. Он, словно карельский колдун Вяйнямёйнен или джинн лампы, тряс седовласой брадищей, нависая над внимательными слушателями:

«Заратустра — скиталец и один из первых кругосветных путешественников глубокой древности. Он прошёл огромные расстояния — от островов Новой Земли через наивысшую точку Урала, гору Народна, обиталища грозных гиперборейских богов, к современным степям Казахстана и далее — к Индийскому океану. Впервые в мировых религиях он борется со злом не посредством колдовства, а своей верой, этикой и чистотой нравов»...

Публика, надо сказать, собралась, как на подбор. Некая бабуся в кедах и с ярко на помаженными губами, одноногий калека в тельняшке, балерина в облегающем трико, юноша в очках, заляпанных козюлями... Заседало научное шекспировское общество «Калибан», которое проходило под патронажем Международного леворадикального шаманского движения. Была у них и своя концертная программа, с которой колесили от города к деревне, и подпольная типография «Красный плуг». Там формально издавались произведения Шекспира, переведённые на мёртвые языки народов Гипербореи. Что на самом деле шло с чёрного входа, никто точно не знал, но все были довольны. Руководил типографией художник и фокусник по совместительству Василий Макарыч Шивушкин.

«...Рука его, шершавая, будто первобытные жернова. Туземцы в местах, где проповедовал Заратустра, пуще всего страшились рукопожатий. Ибо полагали они, что душа человека во время приветствий обитает на кончиках пальцев, но забрать её может только очень опытный маг... Такой, как наш Василий Макарыч»... — Ведунов на минуту умолк, чтобы немного отдышаться и показать собравшимся русско-лаосский словарь.

А вот, кстати, и сам Василий Макарыч. Маленький, коренастый, с пороссячьими глазками на синеватой коже; точно маска лицо. А рука... действительно точильный камень. Он со всеми поздоровался, и у горбатенького композитора пропал бумажник, у циркового кривляки — раритетная перьевая ручка, а генерал-поэтесса Ольга Зайцеловолка и вовсе схватилась за сердце. Слава богу, вовремя. Лишь тоненькая струйка крови слегка испачкала белоснежную блузку.

Иван Карасёв

Фокусник бесшумно удалился. А чего приходил, шут его знает.

«Василий Макарыч невероятно несчастный человек, — вещал Ведунов, разевая рот, будто рыба, которой не хватает кислорода. — Он художник, но может рисовать только животных. Человечья натура ему недоступна. Буквально вчера он пошёл на гигантский риск, открыв новую выставку своих картин».

После слов Ведунова карлики и великаны, полицейские, дворники и дамы с котами на поводке в паническом любопытстве кинулись к раскрытым дверям, где в окружении своих картин стоял фокусник Шивушкин. Стоял и полировал ладонью медную табакерку.

Увидев людские изображения, зрители остолбенели, будто злонамеренный Персей показал им усечённую голову Медузы. На картинах были распоясанные люди, но их лица напоминали трупы забитых животных... Василий Макарыч понял, что всё пропало, и обречённо побрёл к лестнице, оставляя за собой странные следы. А в гардеробе ему выдали не менее диковинный головной убор.

Ильяс Мукашов

НА КОРЕ ВСЕМИРНОГО ДУБА

Заветных исполненный знаков
На коре всемирного дуба
Нектар естества по-над маком
Мотылёк у звёздного сруба

Ковшом зачерпнув из созвездий
Торжество подлунного лада
В реке Запределья, в ночь Бездны
Глаз прикрыв у полночного чада

Искрится в дольменах пыль камня
Круговорот млечного света
Буди средь кострища молчаньем
В тишине и покое победном

И в солнце, и в тени созревая...
Бурлящим таинством в сердце сгорая...
И солнце, и луну затмевая...
Исполни пруть пробуждённого мая!..

Ирина Хенарос

ПЕСНЬ ЛИЛИТ

Я хочу стать морем,
Морем из пепла,
Не иллюзий я доля,
Я вулкан, я Гекла.

Я заброшенный город,
Песком небытья заметённый,
Нескончаемый голод,
Что испытывает Нерождённый.

Самаэля я плен,
Тлен Баала-Зебуба,
Первый вдох перемен,
Крик шамана йоруба.

Я призыв в несомненье,
За предел, за завесу в иное.
Я растоптанное вожденье
Кандалами ветхого Ноя.

Я Иисуса терновый венец,
Жизни предвечной окалина,
Не за мной ты идёшь, за собой
И своими путями Каина...

Знай, когда-то я стану морем,
Морем из пепла,
Я не соль, не вода, не вера.
Бытия преходящего пекло...
Я восход Люцифера!

Карабутова Мария Геннадьевна

ВЕЧЕР

Небо завёрнуто синей вуалью.
Вечер целует прохладой ладони.
Двигается тень над земной магистралью:
Шар ускользает. Неясное гонит
Мчатся за ней и уехать куда-то
Дальше черты проходимой, возможной.
Вычеркнув числа, претензии к датам,
Стать невесомой, почувствовать кожей
Силу внутри и отсутствие граней
Между землёю на сумрачной глади,
Между собою сегодняшней, ранней.
Детство коснётся и робко погладит
Волосы. Скажет: «Пошли, обратимо
Всё колдовство, чем с тобою мы стали.
Долго бродили, скитались по мнимой.
Хватит, откроются новые дали».
Но недвижимо стоишь, наблюдая
Многоэтажки, весь город на склоне.
Мир, развлекаясь, на блюде из мая
Краски мешает на сером балконе.
Чёрные всплески легли на полотна:
Люди назвали творение «ночью».
Ночь дотянулась до пола, и в окна
Скоро заглянет, и вечер закончит.
«Завтра» придёт с неизменного края.
Всё волшебство упакуется в ящик.
Вечер волшебный, продлись, я желаю
Дольше сегодня побыть настоящей.

* * *

Если окажешься в яростном шторме,
Пусть что-то напомнит, расскажет о «где-то».
Рядом всегда, но невидим, бесформен
Реальности отзвук, наполненной светом.
Стали известными древние тайны.
Слова превращаются в нити жемчужин.
Здесь наши встречи бесследны, случайны,
Но там ты безвременно, искренне нужен.

Карабутова Мария Геннадьевна

В этом похожем, другом всё же, месте
Иные условия, время, детали.
Где-то на свете мы близко и вместе,
Но это по кругу сто раз забывали.
Сколько иллюзий рассыпано в небе?
По миру блуждаем в пути бесконечном.
Память возьми об отрезке, где не был,
Но мы проходили до самой конечной.
Вспомнятся солнечных дней переливы.
Расскажешь — отвечу, не веря в них, смехом.
Снова пройдем к уже виденным ивам,
И время другое откликнется эхом.

ЭХО ПРОШЛОГО

Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. [Еккл. 1:4].

Камень источенный, стёртый гранит:
Города вечно-забытого, спящего
Город гудящий под гранями плит
Прячет обломки немые, молчащие.
Ластик невидимый стёр имена.
Где направление странного вектора?
Нас не прочтут по слогам в письменах,
Скроют следы времена-архитекторы.
Шаг — под ногами моими моря
Мёртвые скрыты асфальтом графитовым.
Слышишь, гармония мраморная:
Голос столетий за шумом резиновым?
Лица иные ведут диалог
В этом же месте с другой декорацией.
Дом без людей стал угрюм, одинок,
Прежде искрящийся песнями, танцами.
Знают проспекты улыбки, черты,
Все поцелуи проснувшейся нежности,
Смерти ладони насколько черны,
Сколько хранится на свете нелепостей.
Сфинксы злорадны, отдали ветрам
Тайны беречь неизменно и преданно.
Ветер не скажет — прижмётся к плечам,
Вот и стоишь, поражённый неведомым.

Карабутова Мария Геннадьевна

КОГДА ПРИХОДЯТ ВОСПОМИНАНИЯ

Фрагменты забыли: их суть — превращение в давность.
Боятся стареть и потухнуть, оставив зачёркнутый блик.
Бегут и кричат не бросать, принимая как данность,
И я уступаю, вернув очертания тем, кто безлик.

Пройду по дорогам, встречая забытые лица:
Вчерашние образы явит сегодня о прошлом альбом.
С одними захочется выбросить всё, заблудиться,
Другие распорют по швам, заведя диалог о больном.

Запомнила больше имён уходящую поступь,
Какой рисовали — без сходства по стилю и краске чернил.
Исчезли из жизни со встречей спокойно и просто,
Но были, кто память со мной, не стыдясь, расколол, исчернил.

Повтор невозможен, но всем отыскала «спасибо»:
Кто рядом, кто стёрт, кто оставил наполненный горечью ком.
Осмыслив, приняв, поняла, как спасали ушибы,
Но их не лечили бы люди, смотря на других не мельком.

Катерина Шевелькова

ОТПЕЧАТКИ ЛАП В ПРОСТРАНСТВЕ-ВРЕМЕНИ

Из шумного мира я унесён
Ночной дремотой, чуткой, некрепкой,
В этот охотничий древний сон —
Дар моего легконогого предка.

Ветра пустыни не воют — поют,
Мерный гул песков разметают в клочья.
И раскинула руки над дюнами Нут,
Распласталась томной и тёмной ночью.

В пути; вдвоём сквозь тростник бредём.
Мне старика даже жаль отчасти,
Но время пришло: в мой сакральный дом
Вернуться пора — в город-храм Бубасти.

Здесь я аватар двух богинь, фетиш,
Плоть для в камне выточенного тела.
Ласка пусть не хуже изловит мышь,
Но стать ласка ласковой не сумела.

И я буду смотреть сны сквозь призмы веков,
Где всё ярче блики в глазах потомков.
Возвращаясь домой, не втянув коготков,
Из-под каменных плит, костяных обломков.

Память скрыта полосками мягкого льна,
Исчезает, бледнея, старик безбровый...
...А луна — всё та же сырная голова
Из молока Небесной Коровы.

Лап-Данилевская [V.H.]

-1-

Когда я впервые собиралась на Преображенскую площадь, даже подумать не могла, насколько там всё-таки красиво. От Комсомольской и до Преображенской площади глубоко под землёй тянулась вторая линия подземных путей. Впервые за всё время за окнами была не всепоглощающая пустота, а бело-зелёные, мерцающие ярким светом огни. Массивные опоры серели на фоне испещрённых проводами, словно матрицы-схемы, чёрных стен, подсвеченных слабым светом фонарей проходящего поезда.

Я, невольно залюбовавшись этим зрелищем, вдруг подумала: ведь эти огни он видит почти каждый день, и, наверняка, это всё ему триста раз уже успело наскучить. Если поделюсь с ним, он даже не оценит, как не смог когда-то проникнуться чистотой первого в моей жизни московского снега. Но для меня увиденное оказалось чем-то волшебным. Живой сказкой. Это было чем-то выходящим за рамки привычной реальности. Чем-то особенным, поведавшим о том, что он видит, когда каждую ночь возвращается домой. Сеть этих туннелей настолько зачаровала меня, что, когда поезд тронулся, покинув Сокольники, я закрыла глаза, с трепетом пытаюсь запечатлеть в памяти каждую увиденную мною деталь. А когда под негромкие удивлённые возгласы открыла их, слепящий свет хмельного солнца, падающего за Второе московское кольцо, залил весь вагон: мы проезжали открытый участок, пролегающий среди белоснежных зданий Преображенского района. Они все пронеслись перед глазами за несколько секунд и, словно белый туман, растаяли, растворились в лучах уходящего солнца. А затем свет померк, и нас накрыла чернота нового туннеля.

Когда, спустя какое-то время, стеклянные двери метро выпустили меня из подземного перехода, Преображенская площадь заискрилась передо мной во всей своей красе. Она утопала в крови морозного февральского заката, а я потихоньку проникалась любовью к только что открытому мною прекрасному месту вечно красной Москвы.

-2-

Может, потому, что снова идёт снег, а может, потому, что лавина неразобранных заметок на телефоне и исписанных стихами тетрадных листов всё растёт, голова раскалывается. Невыносимо. И надо бы попросить у подруги «нимесил», да только эта тупая пульсирующая боль в висках не отступит до самого вечера. Хоть с его помощью, хоть без.

Когда уже наступит весна? Та самая, которая и посреди зимы, и осенью, и даже в самый разгар лета остаётся чистойшей весной?

Кто-то сказал: «Весна начнётся тогда, когда ты сама этого захочешь». Но одного моего желания мало. И даже белые найки, пылящиеся в коробке на самой нижней полке так, чтобы в любой момент на подхвате, не спасают ситуацию. Потому что моя весна если и придёт, то уже наверняка обледенелая. Потому что уже

Лап-Данилевская [V.H.]

ничто не будет, как раньше. Потому что снег в середине марта — для Москвы вполне обычное явление. Потому что невыносимо смотреть на то, как ты растворяешься в толпе за надвигающейся на город стеной снега. И как же паршиво знать: что бы я ни делала, этого всегда оказывается недостаточно. Знать, и при этом всё равно всё помнить.

Когда уже там весна?

-3-

Есть моменты, о которых не напишешь. Знаю. Ты будешь долго водить пером по бумаге, пахнущей почти так же режуще-остро, как свежескошенная трава. И ни одна буква не коснётся твоего листа. Ты будешь проживать их снова и снова. Не важно, на замедленной ли или ускоренной киноплёнке. Они будут только твоими. Не поделиться. Не закричать о них на весь мир, потому что они просят пронзительной тишины. Они не требуют того, чтобы быть рассказанными.

Есть такие моменты, которые хочется оставить только себе. Спрятать их от посторонних завистливых глаз. И поэтому они забываются, чтобы в нужный момент ты не нашёл для них слов.

Есть такие моменты, которые необходимо уметь оставлять себе. Хотя бы для того, чтобы они хоть изредка, но повторялись. Для тебя.

-4-

На общажной кухне пахнет панкейками с корицей, и когда я переступаю её порог, начинает казаться, что вчерашнего дня вроде бы и не было вовсе. Сегодня уже тепло. Солнечный свет заливает комнату, подтверждая это.

Но я всё равно забираюсь под одеяло по возвращении в свою комнату. До конца сессии остаётся каких-то несчастных семь дней и гала-концерт, а мне начинает казаться, что семестр только начался. Хотя бы потому, что и мы, и преподаватели, и, конечно же, наш вечно чем-то недовольный деканат умудрились скинуть всю учебную нагрузку на последние несколько дней.

И теперь, когда утром солнечные лучи разбиваются об окна чертановских многоэтажек, я сама не замечаю, как ночь плавно в это самое утро и перетекает.

А потом иду на кухню, чтобы приготовить те самые блинчики, пахнущие корицей. Да так, чтоб пряный запах разносился по всему коридору. Ну и заваривать себе чай с тремя ложками сахара и лимоном, как минимум. Потому что иногда этого достаточно, чтобы просто почувствовать себя живой.

А ещё потому, что сидеть на подоконнике, сжимая чашку в руках и искоса поглядывая на плиту, иногда необходимо вдвойне, потому что то зыбкое чувство надежды на лучшее, поднимающееся с самого дна души, иногда почти всё, что у нас есть.

Лап-Данилевская [V.H.]

-5-

«Пиши! — говорит мне мама. — И, возможно, однажды у тебя получится написать что-то стоящее».

Ручка скрипит, соприкасаясь с бумагой, расчерчивая на ней иссиня-чёрные кровоподтёки. Слова ложатся на лист как-то криво, оставляя в памяти грязные разводы, чёрные точки на радужках глаз и следы подводки на тыльной стороне ладони.

«Пиши! Потому что и сама прекрасно знаешь, что мысль, однажды ворвавшаяся в голову, будет гореть внутри, выжигая всё дотла, пока не перегорят все остальные».

Пиши. И в холодные, по-зимнему тёмные пасмурные летние вечера. И в переливающиеся тёплым дождём дни, когда не сидится ни на уроках, ни дома. И после изматывающих до предела тренировок, после которых остаётся пьянящее чувство лёгкой эйфории. И через пять лет, когда наступит экватор университетской жизни, и поток мысли немного изменит своё русло, потому что ты станешь старше. Взрослее. Возможно, будешь сбивать локти и коленки, как в детстве, а может, сисяки и ссадины, невидимые постороннему глазу, проявятся на твоей душе от бесконечных потерь.

Пиши. Когда будешь счастлива, и когда абсолютно не.

Пиши, даже не “почему”, а “вопреки”. И когда-нибудь обязательно напишешь именно то, что всегда хотела сказать».

«Пиши! — говорит мне мама. — И, возможно, однажды он захочет прочитать то, что написано в твоих глазах».

«Пиши!»

Я, сцепив зубы, снова берусь за перо.

Лариса Ольшаникова

ЛИРИЧЕСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Полусвет, полумрак, полугишь,
В звёздном блике летучая мышь,
Полуявь, полубред, полусон,
А в лазурных глазах — только он.

Полудень, полугод, полувек,
Во Вселенной один человек,
Полумесяцем ярким луна,
А душа незнакомцем полна.

Полутень, полубог, полулик,
Из мистических сказов возник,
Полуплач, полусмех, полувздых,
Чувств запутанных переполох.

Полушаг, полубег, полузвук,
В красках радуг серебряный луг,
Полуутро и полурассвет,
Ты реальный? А может быть, нет?

Полубликами полугроза,
На ресницах водою слеза,
Полумиг, полукрик, полустон,
Вдалеке очертания — он!

Полусказка и полурассказ,
Тайной древней окутала нас,
Полукнига иль полужурнал,
Улетает в небесный портал.

Полупризрак и полупортрет,
На замедленной плёнке сюжет —
В свете вечных движений планет
Растворяется твой силуэт...

Лариса Ольшаникова

НОЧНОЕ ФЭНТЕЗИ

Ночь нарисовала в бездне неба
Девушку, принцессу-красоту,
Словно в синем море чудо-лебедь,
Нежность расплескалась за версту.

А венчальный тот наряд воздушный
Был пошит из белых облаков,
И кудрявый локон непослушный,
Прикрывал ей очи завитком.

А в веночке — звёзды золотые,
Вкупе с васильками и луной,
Стразы-капли, блёстки небольшие
Искорками по фате волной.

А глаза — топазы с поволокой —
Зазывали в омут голубой,
Вроде, близкий, но такой далёкий,
Губы рдели алою зарёй.

И с каких планет явилась дева,
Чьих она посланница миров?
Сказочно-реального напева,
Что таит в себе её любовь?

Где жених загадочной невесты?
И, в одеждах праздничных одна,
С суженым своим она не вместе,
Грустным ожиданием полна.

Лемерт

* * *

Ты послушай меня, маленький. Воеет глухо
сизый ветер, старый клён за окном замер.
Встретил как-то в тундре я горного духа,
тень нездешнюю с огненными глазами.
Я сидел и жёг костёр. За моей спиной
он ходил, приминая высохший белый ягель.
И стояло вокруг молчание неземное,
и тогда я сказал: а хочешь брусники, приятель?

Кем я был — бродягой, искателем, голодранцем.
Не носил часов и двигался автостопом.
Я ходил по России со старым походным ранцем,
открывал потайные невиданные тропы.
Я ходил по тундре, где загоралась брусника
в серебристом мху, где пели на грани слуха
под землёй ручьи, и тогда под горой темноликой
разведя костёр, я встретил горного духа.

Может быть, и ел он путников одиноких,
но он взял брусники горсть у меня с ладони.
Мы пошли с ним вместе, не заблудились в топях,
выбрались к дороге, в заброшенном доме
ночевали вместе, вместе на юго-запад
мчались мы на попутках и электричках.
И я нёс за плечами неуловимый запах
предосенней тундры, костра от спички.

И пришёл я к дому и женщине. Тише, тише.
Наступает ночь, засыпай, засыпай, хороший.
Под кроватью глаза мигают, и кто-то дышит —
ты найдёшь наутро горстку сладкой морошки.

Лемерт

* * *

Я пел о цветущем вереске и о том,
как в воде отражаются звёзды, как окоём
зари становится алым и золотым,
и ночь сиреневая расходится по-над ним.
И слушал меня мой пёс, что бродил со мной,
и слушали волны, и подпевал козодой,
и так текло нехитро житьё-бытьё.
Пока я не встретил её.

Она стояла над шумной белой водой —
по пояс в тумане и запахах сентября.
Она сказала мне: «Уходи, не стой —
ты знаешь, кто я и что захочу себе я».
Она говорила мне, что у Ланнон Ши
ни сердца нет, ни человеческой души.
Она сказала: «Я дам тебе песни — но
ты знаешь сам, что я захочу взамен».
И я протянул к ней руки. Так суждено.
И был сентябрь безумен и благословен.

У Ланнон Ши человеческой нет души,
но сердце есть, и в сердце горит огонь.
И я пою о ней, покуда я жив,
и я подползаю к ней целовать ладонь.
И в этом её безумном вечном огне
сгораю я, как листва в осенних кострах.
Но я пою — и как же замолкнуть мне?
Но я пою — и не ведаю, что есть страх.

Пусть длится недолго этому сентябрю —
пою, не смотрю, как слетается вороньё.
И скоро день догорит, и я догорю.
Закончу песню, усну подле ног её.
Возьми, возьми меня, я сгорю дотла.
Возьми из меня всё то, что захочешь взять.
Лежу под небесами цвета стекла,
и она, склонившись, за руку берёт, как мать.

Лемерт

* * *

И летели горькие листья по чёрным дорогам,
уходили на запад дети богини Дану,
мир пах тыквенным пирогом и последним стогом,
и звучал возвращающимися домой стадами.

Уходили дети богини Дану, взявшись за руки,
по колючей стерне, и небо над ними дрожало,
во дворах звучали весёлые перестуки
топоров, коловших дрова для печного жара.

Уходили так и не повзрослевшие дети,
уходили искать свой дом, последний и первый,
где их мать собирает яблоки на рассвете,
где искрятся чёрные камни морской пеной.

И тянуло первыми зимними холодами,
и лежали острые камни по горным отрогам,
уходили на запад дети богини Дану,
и летели горькие листья по чёрным дорогам.

* * *

Королева Самайна приходит в ночи, говорит: «отдай»,
из осенней листвы одежда её, и корона её изо льда,
за плечами её воет ветер, кричит сова,
и сама она полная есть луна и пожухлая есть трава.

Королева Самайна приходит к окну, протягивает ладонь,
приготовь ей жертву заранее, обдуманно приготовь,
от чего отказаться, и выбери, и положи в огонь
свою жертву, свой дар, свою гордость ли, смех, любовь,

а иначе она пройдёт через стену, войдёт в твой дом,
и возьмёт сама, что выберет. И не плачь об этом потом.
Королева Самайна придёт к тебе, чтобы взять своё.
Синева у неё в глазах, и труба за спиной поёт.

Лемерт

ДИКАЯ ОХОТА

королева моя, я ушёл за тобой не глядя,
под луною качался розовый вереск, плакал,
истекая росой, серебряный холм, по глади
бесконечных озёр струились лунные пряди,
я ушёл за тобою, и это была моя плата.

королева моя, ты пахла луной и мёдом,
ты в объятьях моих была змеёю и птицей,
проплывали тучи на небе седобородом,
королева моя, ты была огнём и полётом,
за которыми можно вечно во тьме стремиться.

королева моя, когда ты меня разлюбила,
сквозь седые холмы я нашёл дорогу обратно,
и бродила над озером призрачная кобыла,
и я шёл на восток по траве опавшей и стылой,
но, вернувшись домой, я не встретил ни мать, ни брата.
потому что сотни лет утекли без возврата.

потому что мой дом стал прахом, посёлок — лесом,
потому что время моё укрылось под слоем пыли,
я остался один в темноте чужой и белесой,
вспоминая, как мы с тобой друг друга любили.

и тогда я пошёл назад. холмы и болота
всё пытались меня закружить,
но, моя королева!
я ведь шёл к тебе, ты была огнём и полётом,
ты была моим сердцем, и серебром, и мёдом,
и далёким и странным, едва различимым напевом.

и я шёл вперёд, и ветки меня не хлестали,
и отшатывалась от меня, испугавшись, рябина.
я пришёл к тебе, и нож из холодной стали
я вложил в твоё сердце, что больше меня не любило.

и я взял корону твою, и стал настоящим
королём темноты, и твои леса и болота
мне достались, но сердце покоя моё не обрящет,
ибо вечно я слышу твой смех, в темноте звучащий,
и я вечно гонюсь за тобой по безлунной чаше,
и со мною по небу Дикая скачет Охота.

Лемерт

* * *

— Вики, здесь ветер с севера, Вики, красна рябина, Вики, большое дерево тянет ладони длинно. Тут есть живая краска, серая с ярко-красным. Выбирайся из вязкой тьмы в этот раз к нам.

Вики, я жгу костёр, Вики, идёт Самайн, Вики, с каких это пор ты не приходишь к нам?

Вики, иди сюда. Вспомни меня, Вики. Тонкая корка льда. Холод — но мы привыкли. Яркий мазок рябины, тонкий жёлтый листок. Вечер глубоким синим красит юг и восток. Вики, в этот ноябрь, в этот холодный дождь ты далеко, но я зову тебя. Ты придёшь?

Из темноты земли, из ледяного нутра она выбирается, и — сморщенна и старая. Череп — её лицо, кости — пальцы её, чудом только кольцо не падает на гнильё. По городам и садам, между роцц и полей, она, страшна и седа, идёт. Никого смелей нет на её пути — все уходят домой, все-то бегут уйти, не видеться с ней одной.

— Вики, костёр готов, и отступает тьма. Ты любила котов и старенькие дома. Умела — прикус губы и хохот нездешний влёт. Ты умела любить. Смерть отойдёт, отойдёт.

Сёла и города спешат отступить от неё. В глазах её пустота. Плоть её проклята. Но, — старая, несыта — всё же она поёт. Слепо бредёт на голос и на тепло костра — через поля голые и через хутора.

— Вики, иди сюда. Я разливаю грог. Слышишь, режут стада — будет хорошим год. Кто бы ни врал в лицо, но на руке моей всё же твоё кольцо. Вики, ты есть. Мы есть.

Плоть у неё с лица отваливается, как глина. Шаря глазами слепца, она идёт под рябиной, мимо ревущих стад, мимо больших деревьев, мимо летит листопад, мгновенно побагрянев. Молча она идёт, чуя тепло и звук.

— Вики, ты здесь? Я вот! Вики, сверни на юг!

Пять шагов до костра — плоть прирастает к пальцам. Если ты умер вчера, то не время бояться. Четыре шага — она видит ещё с трудом. Осень вокруг сильна, листьев холодный ком гонит к её ногам. Три шага ей до костра.

— Вики, я всё отдам, чтоб ты пришла. Пора!

Делает шаг вперёд. Прекрасней её нет. Вновь молода, и вот за нею струится свет. Слева журчат ручьи, тень на провалах щёк.

И обнимает. И

крепче.

Ещё.

Ещё.

Лемерт

* * *

А она была лучше всех на свете — златокудра, улыбчива, весела, и её любили коты и дети, даже злые тётки — такой была. Вспоминаю — где-то под сердцем тошно, так тягуче позванивает струна...

Не её вина заключалась в том, что не любила меня она.

Было тихо в лесу, шершаво и сухо, лунный свет на листья лёг, серебра. Я пришёл к кошмарной седой старухе в ночь на первое ноября. Я сказал: бери что тебе угодно, я хочу, чтоб стала она моей. Остро пахли листья. Во тьме холодной всё мелькали блики теней. Засмеялась старуха, захотелось согреться, за окном закаркало вороньё. И сказала ведьма: «Отдай мне сердце. Дай мне сердце — и ты получишь её».

Я её любил, как её любил я, не сказать, не спеть и не позабыть. Если б мне тогда предложили крылья, я б от них отказался, чтоб с нею быть. Выходили из ада черти на выгул, в доме серой пах застоялый дым.

Я открыл свои рёбра и сердце вынул, и стекала кровь по рукам моим.

И алела нагретая жаровня, и забулькало сердце в котле сильней. Обещала ведьма, что станет ровно через год возлюбленная моей.

Вот и снова конец октября. Осколок

света лунного — дальше тьма.

Поднимаются птицы в деревьях голых.

Наступает чёрный Самайн.

Наступает время, когда из тени поднимаются духи и мертвецы, наступает время страшных свершений, закрываются двери, горят рубцы. Я иду к тебе, я иду, родная, я сейчас иду за тем, что моё, мне уже никогда не увидеть рая, но ведь есть Самайн — и кричит вороньё, возвещая скорую нашу свадьбу, возвещая радость — и я иду, и дойти, дотянуться бы и обнять бы, ну а всё остальное — гори в аду. Никакая дверь не станет преградой. Я люблю тебя. Догорает свеча.

Я иду, родная моя. Ты рада?

Не беги. Не успеешь. Встречай.

Встречай.

Лиловика

ЛУЖА

Найди эту тёмную, липкую лужу.
Смотри в эту тёмную, липкую лужу.
Садись в эту тёмную, липкую лужу
И слушай течение, свернувшись клубком.
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Тебе в ней не станет ни лучше, ни хуже,
Пока не затянет на дно глубоко.

Когда затвердеет тягучая гуща,
Когда затвердеет тягучая гуща,
Когда затвердеет тягучая гуща,
Став клейким, трясущимся, плотным желе,
Ты будешь соринкой, нелепо гребущей,
Пускающей волны по хляби гниющей,
Всё ниже ко дну безнадёжно идущей,
И память сотрётся о твёрдой земле.

Сбегая по склонам болотистых лестниц,
Во мраке летя голоском бестелесным,
Напой эту странную детскую песню
И чашей пустой черноту зачерпни.
Изведай отраву из вкусов чудесных,
Укутавшись в едкий туман легковесный
И, чтоб этот сон стал ещё интересней,
В дурманном делирии крепко усни.

На ощупь бреди через сумрак ресничный,
Шагами нетвёрдыми куклы тряпичной,
Пока будет горечью таять токсичной
Во рту твоём горький до слёз леденец.
Запрячь его за щеку в фазе статичной,
Мечтая, что вкус он утратит привычный,
И страх, истощив свой резерв безграничный,
Блужданиям этим положит конец.

Из нитей паучьих сплетая узоры,
Слезам по каплям наполнив озёра,
Руками дрожащими очень нескоро
Ты сможешь связать свой спасительный трос.

Лиловика

Сквозь петли тоннелей и плен коридоров,
Сквозь зыбкую топь и звериные норы,
В отчаянном поиске точки опоры
Заметь неприступный скалистый утёс.

Хватаясь израненной тонкой рукою
За каменных выступов тело крутое
Взберись по ступеням, стремясь за зарёю,
И память вернётся о твёрдой земле.
Но время придёт, и течение живое
В подземную реку вонзится стрелою
И медленно тёмною струйкой густою
Прольётся из трещин на чёрном стекле.

МУЗЫКА СФЕР

В золотом покое плывёт луна,
Поднимая звёздную пыль со дна,
Голубую Землю запеленав
В одеяло молочных снов.

Молчаливый вечер, цветущ и юн,
На небесной лире ведёт игру,
И дрожит сияние лунных струн,
Освещая ночной покров.

Я не знаю песни, не знаю слов,
Но читаю в звёздах далёкий зов —
Ледяной галактики перезвон,
Непохожий на гул земной.

Заглушает ветер печальных флейт
Унисонный голос семи планет,
Каждый звук, идя за другим вослед,
Крутит мира веретено.

Небеса меняют своё лицо,
Я смотрю на солнце слепым птенцом.
Отцветают звёзды, кружась пылью,
Исчезая в рожденье дня.

Откровенье, вымысел или бред —
Но я помню голос семи планет
И осколков звёзд серебристый свет,
Что мерцает на дне меня.

Лиловика

DARK WOOD

Лес для заблудших раскроет объятия, в чаще запутав узоры путей,
В сон проникая, поднимет с кровати и позовёт поиграть в темноте.

Шепчут деревья, когтистые пальцы
Сводом смыкая над узкой тропой.
Сонная девочка в бархатном платье забудет дорогу домой...

Вместо неслышных шагов раздаётся клавиш расстроенных сказочный вальс —
Танец безумного канатоходца, не удержавшего с явью баланс.
Шорохи, всхлипы и дикое пенье слились в один диссонансный мотив.
Мечутся острыми пиками тени, мрачной тревогой к земле пригвоздив.

Реет листва разномастной колодой, гаснет луна и рождается вновь,
Что-то скребётся, просясь на свободу в коконах чёрных чумных мотыльков.
Долго ль во тьме наугад пробираться
Под металлический стрёкот цикад?..
Сонная девочка в бархатном платье не помнит дороги назад...

Мглой разноцветной клубятся виденья, кружится ярким волчком хоровод,
Плавно сжимается, тянется время, резким броском улетая вперёд.
В дымке лиловой мигает гирлянда, свесив блестящие слизью плоды:
Синие ягоды — капельки яда, белые — сок колдовской слепоты.

Щурят пустые глаза василиски, вьются кольцом саламандры в огне,
Рыжие, рыжие мёртвые лисы спят в изумрудной высокой траве.
Тёмное небо ладони разжало, крутит невидимый водоворот,
Падают, падают синие жабы в флуоресцентную зелень болот.
Грезятся блики расплывчатых пятен
От фонарей в светлячковых полях —
Сонная девочка в бархатном платье бежит, забывая про страх.

Вторя движеньям, гремит пианино, сердце торопится, гулко стуча,
Спицами ветви плетут паутину, ставя ловушки рассветным лучам.
Дом, покосившись, поёт свою песню. Лес за спиной исступлённо взревел.
Ближе и громче, страшней и чудесней шепчут деревья в её голове.
Падая в мох на заросшей кровати,
Не заподозрив обмана впотьмах,
Сонная девочка в бархатном платье уснёт на сплетённых корнях.

Лиловика

* * *

Мир под сепией сна старинного.
Всё по-прежнему, да не то.
Путешествует лист рябиновый
на согретом солнцем пальто.

Изнутри наполняясь песнями,
их железной дороге спой,
где лады меж стальными рельсами
порастают сухой травой.

На невзрачной живой материи
проступают медью цвета.
Я почти уже слепо верю им,
что в упадке есть красота

Грустный лес, зашумев обидчиво,
шелестя кружевной листвой,
ждёт, когда сентябрь забывчивый
станет подлинным волшебством.

КУКЛЫ

Куклы жили в кирпичном домике, ели луковое желе,
На обшарпанном подоконнике шили платья из простыней,
На обоях в цветочек выцветший рисовали свои мечты,
Хмурый ветер бросался листьями, застилая ночной пустырь.

Как зверёнка они баюкали простирающийся пейзаж
И в побитой посуде кукольной разводили как чай гуашь,
Окропляя скупыми каплями истончённый альбомный лист.
Горечь сахаром жжёным плавилась на фарфоре печальных лиц.

Шились платья, но незамеченным оставался искусный труд.
Облетали с деревьев ленточки, трепетавшие на ветру.
Не тревожили посетители их размеренный скромный быт,
И ветшало, хворав, пристанище, дымом кашляя из трубы.

Под ударом опора дрогнула, и обрушился хрупкий свод.
И догадывался ли кто-нибудь, что там кто-то ещё живёт?
Убаюкали под обломками зацветающие сады
Разлетевшиеся осколками их фарфоровые мечты.

Лиловика

ОГОНЬ

День начинался не с солнца.
День начинался с огня.
Мысли, как тигры сквозь кольца,
Прыгали через меня.

Искрами сыпалось пламя,
Делаясь всё горячей,
В воздух вгрызался зубами
Силой прирученный зверь.

Иглами в кожу впивались
Цепкие пальцы кустов,
Ткани по швам разрывали
Нитью кровавых следов.

Плавя слои эктодермы,
Жизнь обретая и речь,
Я начинаю из жерла
Лавой расплавленной течь.

Адом, ниспосланным в осень,
Жарким священным огнём,
Дьявольским многоголосьем
С криками в горле ворон.

ЕСЛИ Я ПЕРЕСТАНУ ПЕТЬ

Если я перестану петь — упадёт луна,
Если я перестану спать — не поднимется солнце.
Разойдётся небо по швам и планета качнётся,
Если я не увижу вовек ни единого сна.

Если я отвернусь — опустеет солнечный лес,
Все цветы упадут, острым лезвием осени скошены.
Уцелевший росток одуванчика, скромный и крошечный,
Иссушив и замучив, затмит беспросветный навес.

Если я ничего не увижу при свете дня,
Мне останется только огонь иллюзорной защитой.
И весь мир, превратившись в руины, золою покрытые
Через тысячи лет возродится, начавшись с меня.

Лиловика

СИНЕСТЕЗИЯ

Потрогай музыку,
услышь мерцание,
ступай неузнанным
тропами тайными.

Лети посланием,
зеркальным отзвуком.
Твоё дыхание —
цветное облако.

Рисуй вполголоса
звонящей гаммою
узоры звёздные
на белом мраморе.

Рассыпья искрами
гуаши брызнувшей,
вальсируй с вихрями
цветочных крылышек.

Пульсируй нотами
и чувствуй пальцами
оттенков шёпоты,
цветов вибрации.

Проснись от робкого
Луны касания,
Стань ветром шёлковым,
напевом пламени.

Ты — толкование
Небесных сонников.
В тебе — сияние,
В тебе — симфония.

Лись

* * *

Когда-нибудь наступит тишина,
Как верный пёс уляжется у ног.
Не зная, есть ли в этом чья вина,
Когда-нибудь шагну я за порог.

И не взгляну я в неба пустоту,
Где правят ночью звёзды и луна.
Когда-нибудь устану я ждать ту,
Что только водам глубины верна.

Но каждый вечер выхожу я в путь
Туда, где звёзды трогает волна
И если б можно время повернуть —
Как прежде, будет ждать меня она...

Я звал её десятки долгих лет,
Но нет ответа. Голос эха стих.
Лишь на песке застыл неясный след...
Слёз больше нет. И нет мне толка в них.

* * *

Наливается кровью закат,
Мироздания рушатся стены.
И брони золотой листопад
Режет тонкие вены вселенной.

А извечной священной земли
Наливаются кровью глазницы.
Мне бы только дожить до зари
И взлететь в небо раненой птицей.

Мне бы только увидеть звезду
И богов беспокойные лица...
И наполнит навек пустоту
Крик пронзительный рухнувшей птицы.

Лись

* * *

Ты так давно мечтал о той войне,
Ты стал царём, одной подвластен цели.
Ты с самого начала знал о том,
Что те, кого убил ты, не хотели
Той крови, что прольётся ни за грош
Под ноги самозваного владыки...
Всё кончено: теперь ты сам умрёшь.
Взгляни в приговорённых тобой лики.
Быть может, там, за гранью, всё поймёшь...
Так будет лучше. Ты не стал великим.

* * *

Здесь зачем-то гасят свечи
Тёмным заревом пожара.
Говорили, время лечит,
Только времени не стало.

А потом из ниоткуда
Появляются маршруты...
Здесь нелепые ошибки
Разменяли на минуты.

Если можно осторожно
Приоткрыть слепые двери,
Значит, жить здесь тоже можно,
Только здесь лишь смерти верят.

* * *

Вслед закату идёт рассвет,
И беспечный сон ночь уносит.
Не понять, где вопрос, где ответ...
Каждый день — как последняя осень.

А ведь было когда-то не так,
Только нет уже права вернуться.
Остальное — такой пустяк,
Если незачем оглянуться.

Лись

* * *

Усыпана звёздами тёмная даль,
Шумит листопад за спиной.
Пустых обещаний мне больше не жаль,
И память сомкнулась стеной.

Зачем проклинать тех, кто просто молчал,
Ничуть не стыдясь давних слов,
Вдруг вспомнив того, кто в испуге кричал,
Сгоняя туман с прежних снов.

А где-то, наверное, сбыться пора
Мечте, что в тоске не живёт.
Но сердце огня — это только зола,
И песня воды теперь — лёд.

* * *

Мне б уехать. Но деньги кончились,
И на поезд билетов нет...
Здесь пугает меня одиночество
И неясный полночный бред.

Если можешь, закрой глаза мне
И не давай осознать,
Что мне нужно внимать предсказаниям
И научиться терять.

Мне б терпения, да не поможет оно,
Ведь здесь нельзя не устать.
А последний поезд ушёл давно...
И остаётся лишь ждать.

Лись

* * *

Мальчик, нет никакого «мы».
В снежных вихрях долгой зимы
Ты с весной перепутал
Холодную юки-онну.

Вместо сердца в её груди
Ледяной осколок. Гляди —
Как бездушны глаза
И как безучастен голос.

Ты, поймав равнодушный взгляд,
Обмануть себя сам был рад.
Но она прошла мимо,
Оставив лишь боль и холод.

Так пойми — тебе повезло
Не отдать всё своё тепло.
Ну зачем ты её зовёшь?
Убегай! Это чувство — морок.

* * *

Все мечты когда-то исполняются,
Но порой не так, как мы хотели.
Колесо Фортуны всё вращается,
Окажись вверху — достигнешь цели.

Но бывает — странные дороги
Нас ведут к тому, что так желанно,
И лишь только оглянувшись на пороге
Вдруг поймёшь, насколько всё обманно.

И в тумане не сыскать пути обратно,
По следам своим не воротиться...
Кажется, что всё безрезультатно,
Остаётся лишь с судьбой смириться.

Или просто подождать немного —
Непрерывно Колеса вращение.
Вот уже и новая дорога.
А за ней — иное превращение.

Лись

* * *

Десятилетие в картоне и пластике —
Тело к коробке пришито надёжно.
Может, однажды внезапно на кассу
Кто-то тебя понесёт осторожно...

Вот нет коробки. Ты смотришь с опаскою —
Клетка, но сколько в ней прожито времени!
Перерисуют лицо яркой краскою,
Будто иного отныне ты племени.

И над шарниром грудным неожиданно
Ты вдруг почувствуешь сердца биение...
Сердце — у куклы? Ну где это видано!
Впрочем, у жизни на всё своё мнение.

* * *

Ангел мой, слышишь? Замшелые камни,
Что не давали дышать много лет,
Сдвинулись медленно с гулким раскатом
И вдруг рассыпались тысячей бед.

Давних, непрожитых и неоплаканных,
Скрытых, забытых, едва ли живых...
Вытянуть, вычерпать, выстрадать каждую —
Кинуться в пропасть рыданий немых.

Ангел мой, видишь? Стою перед зеркалом,
В нём — отражения прежних обид.
Глупых, наивных, жестоких и ревностных —
Кружат, мерцают, меняют свой вид...

Ангел мой, чувствуешь? Слёзы непрошено
Катятся жемчугом из-под ресниц.
И вереницей — картинки из прошлого...
Шёпот давно пожелтевших страниц.

С болью мучительной, медленно, трепетно,
Как сквозь века подбираю слова...
Ты ль в этом зеркале? Я ль — это зеркало?
Ангел мой, знаешь... Я снова жива.

Лись

* * *

Вырви сердце моё из груди,
Да подай на тарелке к ужину.
И пусть бьётся оно, кровавое,
Под изысканным пряным соусом.

Ты сними тогда мою голову с плеч
И подвесь к потолку за волосы.
А в пустых глазницах свечи зажги —
Буду жизнь твою освещать...

* * *

Нездешний ветер запутался в ветках деревьев, вновь сбросить листву готовых,
Надо мной опять светит луна, в голове — ворох мыслей, увы, не новых.
Раствориться в толпе — смешная судьба позабытой богини,
Пусть не вспомнит уже никто, что когда-то мы были другими.
А луна нагло смотрит мне вслед, проливая свой свет прямо в душу...
Безысходности вязкий плен, верно, я никогда не разрушу.
И я брошу луну толпе — пусть счастливые посмеются.
Скажи, мой крылатый бог, а чужие сердца тоже бьются?

* * *

Одиноко бредя по пустынной дороге,
Не ушла и на милое от собственных снов.
Разбивая о камни усталые ноги,
Нагибалась под грузом несказанных слов.

Я смотрела, как, падая, звёзды мерцают,
Но своей в той ночи различить не могла.
И светила, как люди, порой умирают,
Начертав линию в небе, сгорают дотла.

Может, память моя ничего и не значит,
И смешные молитвы до боли просты.
Оставалась надежда, что где-то иначе
Проверяют на прочность чужие мечты.

Но дорога пустынна, конца ей не видно,
Та же кровь на камнях, тот же тусклый рассвет.
И уже почему-то не так и обидно,
Что того, что мне нужно, у жизни и нет...

Лосось Натанэль

* * *

А.К., которая играет в эти ваши белогвардейки

Она
кормила с рук лебедей
Она
была влюблена в свою жизнь
Она
работала на странных людей
Мир шивших из блеска и лжи
Она
умела смеяться, но чаще любила быть злой

Ей говорили
не стой под стрелой
не стой под стрелой
не стой
не стой
не стой

По вечерам
В разбитое горло закат опрокидывал
стопку теней
Она
умирала за белую гвардию — плакали скрипки о ней
Она
уходила в лес, она стреляла в висок, возвращалась живой

Ей говорили
не стой под стрелой
не стой под стрелой
не стой
не стой
не стой

Когда
над городом оттепель распластала два белых крыла
она
исчезла — одни говорили, что умерла
Другие — что вышла замуж, а третьи — что это одно и то же,
не всё ли равно?

Лосось Натанэль

В её большом доме остался запах лаванды
и старый блокнот

В котором столетием раньше
Писал офицер молодой:

Прошу тебя, Саша —

не стой под стрелой
не стой под стрелой
не стой
не стой
не стой

* * *

.....Каин лежит в соляной пещере. Ему не спится
Он думает о печатях.
О том, что Б-жий call-центр работает избирательно

Каин — изобретатель, он мог бы уже выпить
Но он лежит и в уме считает дроби

Они, знаете ли, занимательны

.....Входит Авель, мёртвый уже прилично
нет, не воскресший — это не тот герой
Авель смирно лежалось бы под горой
Но что-то в мире пошло как обычно

На виске у Авеля алый бантик (или не бантик?)
Авель протягивает бумажку

— нарисуй мне барашка, братик!
Нарисуй мне барашка!

Каин рисует и плачет, думает — мне уже ничего не надо
ни благословений, ни клятв, ни квартиры, ни этого первородства
Только бы кончился этот круг Ада
Каждую ночь я не сплю и рисую вот это скотство

Только б однажды он навсегда ушёл
Только развидеть бы бантик аленький

Авель берёт рисунок и говорит
— А чего такой маленький?

Лосось Натанэль

* * *

Он сползает вниз по стене
Между Маросейкой и Варваркой
Между IRL и винными парами

Видит — ангелы идут извне
Парами
Как в фэнтези или
дешёвой драме

Они берут его под локоть —
О, этот жест
Обманчив — нелегко ангелово бремя

— Саша, Саша, тебе 46 уже
почему ты один на улице в такое время?

Ведут его к крёстной и бабушке
к камину, что источает сажу
Говорят
— Саша, придёт отец — мы ему не скажем

Саша думает
— Поскорей бы отец пришёл
с ним можно про девочек, стрельбу и пушки

обводит взглядом свои игрушки
Ему становится хорошо

Саше тепло. Он съедает кусочек торта
и чутка отпивает морс

Утром Сашку находят мёртвого
И говорят
— Замёрз

Марина Сидорова

RECORD1

Многоэтажки
не расскажут нам новых историй.
Здесь нет героев и нет отважных.
Мы все здесь стоим...

Друг друга, враг врага.
Прожитые года
Напомнят о времени... и его скором окончании.
В неоправданно долгом молчании
Строить диалог.

Даже в своих мыслях не будешь одинок.
Всегда есть лучшее.

Внутри пылает едкое, злое, почти гремучее.

Спасение?
Только собственноручное.

Кислотность понижена.
Рай для бактерий и всякой мерзости.
Не хватает выдержки,
Цели
И, может, дерзости.

А ещё воздуха.

Ты — кучка атомов.
Белковое сгнившее тело,
Рефлекс.

По свежесжатому
Полю составлен умело
Протест.

Против жизни и удушающих рук общепринятых рамок.
Лицемерных прислуг. Против жизни финала.

Ослепнув, ровняйся на звук.

Пол — это лава.

Мария Берестова

* * *

Прости мне этот первобытный страх —
бегу туда, где сухо и тепло.

О, детство — бьётся бабочка в руках,
я молча отрываю ей крыло,

и что-то есть звериное во мне
в соседстве с беззащитной чистотой.

Я принимаю это, ведь вполне
осознаю, что остаюсь такой

и до сих пор. Опять среди бела дня
внутри меня не хочет спать ребёнок,
смеётся смерти бабочки — и я
бегу домой, где вечер тих и долог.

* * *

*Живи, живи. Живи, как сейчас живёшь;
как вот сейчас сидишь, сиди так вечно...*

В. Набоков

Вот так молчи, как сейчас молчишь,
всегда, всегда — пусть и жизнь пройдёт —
из всех колодцев, оврагов, ниш
твоё молчанье, как ночь, встаёт,

сияет в небе, блестит на дне,
дрожит повсюду, и я дышу,
но всё безудержней слышно мне,
как ты молчишь сквозь великий шум

по всей земле, и звенит в ушах,
живи, живи, как сейчас — и всё.
И вздрогнет где-то внутри душа,
как будто что-то произнесёт.

Мария Берестова

* * *

Вечер, март. Что-то есть на душе — только вряд ли смогу
это выразить прямо. Захочешь попробовать — пробуй
молодое бродящее чувство. Весна на снегу.

Всё прошло — так легко — и не стоило грусти особой.

И теперь я стремлюсь — а на деле не знаю, к чему,
но иду, чтоб идти — хоть куда-то, зачем-то, но всё же.
Как не верилось мне, что когда-то так просто пойму:
всё не то и не так, и совсем на любовь не похоже.

Снег, весна. Что-то есть на душе. Подожди, я приду.
Это всё перебродит и станет мудрее и старше,
как вишнёвые ягоды в банке, забытой в саду,
как вино в погребеке у какой-то особы монаршей.

* * *

День, слишком громкий, наконец затих.
Слова лежат, ночь ворошит их залежь, —
слов много, ты надеешься на них,
пока не зачерпнёшь, не исчерпаешь,
не вычерпаешь всё от сих до сих,
и знаешь, что сказать, а как — не знаешь.
Иди ко мне, приди ко мне, мой стих.

Тень от ветвей царапает окно,
как будто даже звук какой-то слышен,
и зрелость ждёт во мне уже давно —
всю жизнь растёт внутри. Вдыхает. Дышит.
В ушедшем дне не разглядеть того,
о чём она пока ещё не пишет.

* * *

Касаться пальцами — не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,
а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.
Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.

Мартиэль

ПЕСНЯ ОТСТУПНИКА

Сколько струн у лютни, столько дорог.
Мне хотя б одну суметь бы пройти...
Звёзды за спиной звенят серебром.
Пожелай мне, ночь, долгого пути.

Пожелай мне, ночь, новых встреч без разлук,
Пожелай мне, ночь, странных снов наяву,
Сохрани-укрой от предательских рук,
Спрячь тоску и боль в спящую траву.

Рунные узоры чертит вода,
Тайну их лишь ветер сумеет прочесть.
Срежет камнем птицу-мечту — в Никуда,
Даже если в мире всё это есть.

Не ослепит глаз золотой огонь,
Только опалит — так что слёзы ручьём.
Не поверил тем, кто велел: «Не тронь!» —
Сам узнаешь, что значит «горячо».

Синий сумрак — или взметнулся плащ?
Пляска молний — или сверкнул топор?
Звон доспехов — нет, это ветра плач,
Песнь лесных зверей да стрела в упор.

Было ли во сне или наяву?
Было — или ветер листву качал?
Но они живут, всё равно живут,
Несмотря на то, что о них молчат!

Подведут глаза — сердце не солжёт,
Странные слова стекут с языка.
На металле кровь корчится ужом —
Это чья-то ложь поползла с клинка.

Где сольётся с миром мой страстный зов,
Там ворота тайн приоткроет Тьма.
Тем, кто видел Ночь, и не надо слов,
Чтобы знать, где — правда, а где — обман.

Мартиэль

БЕЛАЯ ЛЕДИ

Рыжие звёзды зажглись, как венчальные свечи.
Вечер — приют для забот измотавшейся стаи.
Белое кружево ляжет туманом на плечи.
Сердце, как колокол, время Дорог отбивает.

Белая Леди беззвучно рождается из тени...
Слышишь, как звоном стеклянным крошится о стены
Голос свирели, дурманящий запах сирени,
Лижет лицо обжигающий холод Вселенной?

Музыка Вечности, смеха пронзительный глянец,
Тонкий хрусталь обнимает горящую волю.
Белая Леди сама приглашает на танец,
Белого вальса метель тебя вырвет из боли.

Стрелки часов, словно хворост, сгорают во взгляде
Призрачной гостьи. Здесь время не властвует боле.
Та, что приходит, трусливо не прячется сзади —
Белая Леди невестой пришла за тобою.

Только зачем же ломаются грани надежды?
Только зачем это память заплёвана грязью?
Только зачем же охотник по имени Прежде
Травит долгами-собаками светлый твой праздник?

Тайна венчанья Любви — без вины и ответа.
Тайна прощанья — мостов отгоревшая небыль.
К дальним чертогам, не знающим здешнего света,
Белая Леди покажет дорогу сквозь небо.

Лунной тропею промчат нас лиловые кони.
Шлейфом не пыль за спиной — это россыпь столетий.
Так ли уж трудно уйти от зловецей погони,
Если свободою в гривах запутался ветер?

Скроет наш путь фиолетовым сполохом ночи,
Нить его сгинет в узорах надзвёздного пледа.
В час, когда утро зарёй горизонты отточит,
Мир не найдёт отголосков остывшего следа...

Те, кто остался без нас, обожгутся о слёзы.
Те, кто остался за нами, свечи не остудят.
Пусть не откликнутся эхом ни Пламя, ни Звёзды
Тем, кто поверит, что нас уже больше не будет.

Мартиэль

ЛИЛИТ

Неправда, не верь! Все преданья и книги лгут!
Не слушай сказителей — что они могут знать?!
Да кто это выдумал, будто бы я смогу
Рассеяться прахом, забытой легендой стать?
Да пусть вся Вселенная рушится в небытие!
Да пусть все светила изменят свои пути!
Я стану твоим дыханьем, счастье моё,
Незримой тенью твоею. Прости! Прости...
Послушай — я здесь, я рядом. Смотри, смотри:
Ты видишь — сквозь лёд и камень растёт трава.
И, может, был прав Создатель, сказав: «Умри!»
Но я не сумела так. Я жива! Жива...
    В шелесте крыльев, в серебряном свете луны,
    В крике пронзительном чайки над зубьями скал,
    В пене ажурной на гребне зелёной волны,
    В песне солёного ветра — кого ты искал?
    Я устилала твой путь шелковистой травой,
    В полдень дарила покой земляничных полян.
    Запахом хвойным дурманил не воздух лесной —
    Это дыханьем моим был ты счастливо пьян.
    Там, где под небом свинцовым обитель ветров,
    Там, где над бездной орлы пролетают, кружа,
    Эхом седых водопадов и пеньем ручьёв,
    Рокотом дальних обвалов мой голос дрожал.
    Белый песок, что твой след лишь мгновенье хранит,
    Радость моя, не отдам и за вечный покой!
    Разве не слышишь, как бьётся о древний гранит
    Криком распоротый воздух: «Я здесь! Я с тобой:
    В буйном прибое и в пляшущем диком огне,
    В малой дождевке, в цветке и в дорожной пыли...»?
    Ангел, истерзанный болью, не плачь обо мне.
    Я не мертва. Я — душа этой грешной Земли.
Стократ исходив все земли из края в край,
Где камни и травы впитали тепло твоих ног,
Ты с грустью подумаешь — как же бесцветен рай
Без горького счастья, которое проклял Бог!
Устав на исходе ночи искать и звать,
Ты падаешь, обессилив, на грудь земли.
Но — голос из тёмных недр: «Я жива! Жива...»
И — в сердце звездою взрывается имя: «Лилит!!!»

Мартиэль

* * *

Растрескалось зеркало ночи.
Ты снова стоишь на пороге.
И вновь мирозданье не хочет
Из мифов тебя отпустить
На слишком реальную землю,
    где часто рождаются боги,
Где учатся боги любить, ненавидеть, мечтать.

Не время, увы, не пространство
С тобою меня разлучают,
Не вехи надуманных странствий,
Не беды — от сих и до сих.
Но я — это добрая сказка,
    что спит в твоей книге печалей,
А ты в моей книге сомнений — нечитанный стих.

А значит, продам свою душу.
А значит, молчать своё сердце
Заставлю. Ты только не слушай,
Чем я расплатилась с Судьбой
За малую толику счастья,
    которым ты мог бы согреться,
За дерзкое право своё оставаться собой.

И я ускользаю меж пальцев
По стрелкам кричащих курантов.
Молчи, проклинай иль печалься —
Расходимся в разную явь.
Ты выйдешь неузнанным в город
    с лицом бесшабашного франта,
А в небе — Звезда. Это больше не ты, это я.

Мартиэль

* * *

Забудь про милосердие,
где справедливость спит.
Размыт в оттенки серые
пугающий гамбит.
Разменной монетою
усыпан путь в ничто...
Очнись, не время сетовать
над отнятой мечтой.

Встань, пойдь, выйди на бой!
Плачь, вой, но останься собой.
Только не стой
над пустотой
бессилья.
Путь твой — злой непокой.
Живой, над последней чертой
гордо раскрой
чёрно-белые крылья!

Здесь постигают истины
неисчислимых бед.
Быть сложно оптимистами
в плену чужих побед.
Дух иступлённо тянется
к незримому клинку,
Готов в холодной ярости
к последнему броску.

На пике безнадёжности
ты выбираешь сам
Из веера возможностей
удар по небесам,
Удар по равновесию,
вмурованному в твердь.
...И крикнут «Ave!» кесарю,
идущему на смерть.

Мартиэль

МАЭСТРО

И вот отшумел, отгулял, отблистал карнавал,
Костюмы и маски легли в сундуки до поры.
И снова никто не заметил, как страшно устал
Спустившийся с неба Маэстро Великой Игры.

А мы, словно дети, считаем, что всё хорошо,
Ведь солнце не меркнет, и нас ещё носит земля,
И прожитый год вместе с табором в небо ушёл,
А значит, есть шансы попробовать что-то с нуля.

Уже начинают осенние скрипки стихать,
И рота деньков-альбиносов на смену идёт.
Маэстро, да полно вам с ветром на пару вздыхать,
Ведь праздник всегда возвращается к нам через год!

Нас выгонит осень на улицу пёстрой гурьбой,
Мы будем смеяться, и петь, и нести ерунду.
Ведь это — возможность побыть, не стесняясь, собой.
Хотя бы под маской. Хотя бы три ночи в году.

Смешаются жёлтые листья с цветным конфетти,
А сердце и мысли отложат глухую вражду.
Не к месту и некогда думать, какие пути,
Какие дела нас за стенами города ждут.

Маэстро, останьтесь, ведь вы тут почти прижились!
Вы так же, как мы, веселитесь и пьёте вино.
Зачем возвращаться в холодную звёздную высь,
Где кем-то когда-то заранее всё решено?..

Ваш выход, Маэстро! Помчатся навстречу века, —
И вновь по канату над бездной идти босиком.
И грим, словно слёзы, стекает по впалым щекам,
И рвётся душа пополам под двуцветным трико...

Вам снова границу меж явью и сказкой стирать,
То в небе блистать, то паяцем бродить меж людьми —
И всё потому, что нельзя, чтоб прервалась Игра
На сцене театра с прекрасным названием — Мир.

Мышильда Генриетта

* * *

Камни не спят, камни поют в земле,
Где стихают слова и сплетаются с шёпотом трав,
Если ночью пойдёшь к неподвижной, тёмной воде,
То почувствуешь рябь — звёздный ветер в твоих волосах.
Терпкий сок побежит по губам, разбавляя тоску,
Распростёртые руки — обнять бы или распять,
И пронзительный крик — босиком по сырому песку
Убегать от себя — я ведь знал, что ты сможешь догнать.
Что не смыло дождём, то сгорело в залитом костре,
Расплескалось ветрами по берегу, кануло в сон.
Я оставила старую кожу в холодной весне,
Пусть она прорастёт — под землёй полыхает огонь.

* * *

Терпким мёдом пои меня,
Словно из уст в уста,
Зови, называй по имени,
Словно бы не устал.

Сладким ядом изнежены,
Жарким — невмоготу,
Текут по ногам подснежники,
Словно бы не за ту...

Горькие травы стелются,
Да по моим плечам,
Выйду я в поле девицей,
Словно бы горяча,

Словно бы мне обещаны
Все тридцать три крыла.
Сны мои стали вещими,
Словно бы не была...

* * *

Жёлтым светом мне в окна текла луноликая ночь,
Наполняя фантомное сердце теплом и тоскою,
И вагоны на рельсах протяжно, как будто невмочь,
Пели песни и звали — куда и кого? — за собою.

От фантомных сердец только сны с горсткой пепла внутри
И щемящая память о том, чего, вроде как, нет,
Я поставлю свечу на окно — и всё это сгорит,
Чтоб проснуться потом, через жизнь, или сразу же вслед...

Мышильда Генриетта

* * *

Во мраке снов,
В тени шизофрении,
И время в перевёрнутом стакане.
Я полон слов,
Не сделав харакири,
Я захлебнулся новыми словами.
Порезать руки,
Не имея бритвы,
Весь мир вокруг своим забрызгав бредом,
Кромсая звуки
В хохоте молитвы,
Топить в себе расплавленное небо.

* * *

Уходящему снегом дорогу усыпьте лепестками опавших звёзд...
А мы кидали вслед ему камни,
Мы засыпали песком разрытые могилы,
Чтобы он не смог вернуться.
Узкие следы, оставленные им на снегу, —
Мы зажгли их,
Чтобы сгорел прах с ног его и развеялся по ветру.
И следы его горели тихим пламенем с нежно-голубоватым оттенком.
И мы стояли и смотрели ему вслед,
Не зная, что же делать дальше.
А он уходил по заснеженной тропке,
И походка его становилась всё легче и легче...

* * *

Билет на стол, и гроздь рябин в кармане,
Привет поцеловавшим провода!
Банальненько — и жизнь, и смерть в стакане —
Уеду я, как видно, навсегда.

Надевши шляпу, я по волосам не плачу,
Я выключу свой старенький торшер
И выйду из трамвая наудачу —
И попаду под грузовик или в Ташер.

Мышильда Генриетта

* * *

Кокон раскрывается изнутри
Принимай лобзания иль умри
Письма отправляются по местам
С некрасивыми открытками дальних стран

Каждое твоё невысказанное — долетит
Все миры расходятся на пути
С ветром мы отправимся — по реке
Звёзды тают гроздьями на руке

Пустота прольётся на нас, как мёд
Всё, что остаётся за ней — умрёт
Всё, что остаётся со мной — моё
Всё, что будет после — цветёт и ждёт

* * *

Ты так красива в этом платье
В мерцанье траурного зала,
И пламя свеч ласкает бархат.
Ты улыбаешься... Так странно...

Ты молча смотришь мимо жизни,
Глаза закрытые прекрасны,
И на лице твоём улыбка...
Тебе не больно, мне не страшно.

Да, я боялся поначалу:
Казалось, ты тихонько дышишь,
Вот-вот ресницы затрепещут,
И губы вздрогнут... Мне казалось...

Но ты лежишь, и я спокоен,
И нам никто не помешает,
Уста немые не исторгнут
Ни звука больше, нет, ни звука...

Мне было жалко резать тело,
Ты так мертва и так прекрасна,
Но я хотел увидеть душу,
Что там томилась в заточенье...

Мне было жалко резать тело

Мышильда Генриетта

* * *

Сухою веткою, ржавою вилкою
Я процарапаю себе путь.
Спелые вены набиты опилками,
Руки подрагивают чуть-чуть.

Стоишь на ветру и плевки с моста
Попутному ветру беспечно вверяешь,
И тянет сорваться: река — пуста,
Но, чёрт возьми, много при этом теряешь.

Весёлый костёр из виски со льдом,
И содрогаются фонари,
А я картинно лежу — пронзён,
И ржавая вилка торчит в груди.

* * *

Осень собирает урожай —
Золотые тыквы на погосте,
Их глаза укатятся за край,
И вороны расклюют их кости.

Их сердца стремительно гниют,
Наполняясь влажною листвою,
Здесь нашедшие последний свой приют,
Видят сны о том, как их заруют.

Покидая свой осенний сад,
Я пинаю душное гнильё.
Там, где золотые тыквы спят,
Сердце похоронено моё.

* * *

Жёлтым светом мне в окна текла луноликая ночь,
Наполняя фантомное сердце теплом и тоскою,
И вагоны на рельсах протяжно, как будто невмочь,
Пели песни и звали — куда и кого? — за собою.

От фантомных сердец только сны с горсткой пепла внутри
И щемящая память о том, чего, вроде как, нет,
Я поставлю свечу на окно — и всё это сгорит,
Чтоб проснуться потом, через жизнь, или сразу же вслед...

Мышильда Генриетта

* * *

Сквозь прорехи на платье врывается свет,
Сквозь осиновый крест прорывается стон.
Так и взять да попасть на вселенский обед —
Распластаться измученным телом на стол.
В свете кафельной плитки
Упрямо лежать,
Под ножом не дышать,
Никуда не бежать.

* * *

Твоя истерика живёт во мне,
Она пульсирует и бьётся,
Она растёт...
Ты сошёл с ума раньше —
Тебе повезло,
Так кричи, кричи, бей,
Сломай меня —
Мне всё равно,
Так даже лучше.
Скоро рваные лёгкие
Выхаркнут воздух кровавый
В грязь у дороги,
И я покину себя,
Я оставлю себя,
Как оставляют старые книги и платья.
И когда перекошенный рот
Выплюнет последнее ругательство,
Когда сорванный голос,
Пропитавшийся ветром,
Раскатится эхом над колодцами дворов,
Когда твоя горячая и звонкая истерика...
Тогда я уйду от себя,
Чтобы никогда не вернуться,
И ты увидишь моё отражение
В стёклах проезжающего мимо автобуса,
Ты услышишь мой голос
В гудении проводов.
А потом ты пойдёшь на крышу,
Посмотришь на людей внизу,
Скажешь: «Ну здравствуй, я вернулся...» —
И шагнёшь мне навстречу.

Мышильда Генриетта

* * *

Снится — лежу я в высокой ржи,
Чьё-то семя мне по губам бежит,
Я как будто ранен, почти убит,
Надо мной тихо реют слова молитв.
Снится — держит меня над землёй рука,
И травы касаясь слегка-слегка,
Я к земле склоняюсь, и смерть сладка,
Я смотрю в прозрачные облака...
Снится мне, будто в высокой ржи
Братец Каин подле меня лежит, —
Можно ли научиться жить не по лжи? —
Он мне шепчет, и голос его дрожит.

* * *

Сказочный город В оказался искусственной пылью —
Я брела по дороге из серого кирпича,
Маленькая нелепая девочка, что мечтала стать сильной,
А пока осторожно касается твоего плеча.
От резкого слова сворачивается в тревожный клубочек,
И робкими пальцами путается в твоих волосах,
И плачет внутри неточных и сломанных строчек...
Нелепых маленьких девочек в темноте поджидает страх.
Девочка хочет вырасти и шагать навстречу
По зелёным дорогам и всяким разным мирам.
С диким зверем бок-о-бок шагать веселей и легче,
Нелепым маленьким девочкам нравится эта игра

СТРАДАЮЩЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Сладкий запах лежалых подвальных книг
И нечитанных истин сырых страниц,
Если бы можно петь, не срываясь в крик,
Если бы можно жить — и не падать ниц,
Если бы можно
Быть,
Как прекрасные звери,
Что тихо паслись —
Мёртвый лев рядом с мёртвым ягнёнком,
И пальцы её слишком тонки —
Поберегись.
И ангелы пляшут на кончиках игл,
И что, что среди могил?

НИКИТА РЫЖИХ

В ПРОСТРАНСТВЕ ЦИРКУЛЯЦИЯ ПОТОКА

В пространстве циркуляция потока
пугает и влечёт, лишая сна.
Я слышу странный шум, зеницей ока
случайно замечаю облик дна.

Нет, он не страшен, он прозрачно-чёток.
Лицо Творца — быть может, дна лицо?
В тела миров слои сырых решёток
вплетаются под крики праотцов.

Но крики не слышны. Живых мир отделяет
от мира мёртвых некая стена.
Деды кричат и призраком сияют
в пространстве, где искрится облик дна...

Но что на дне? — Бездонность, неизбежность,
и много прочих «без», и много прочих «не»,
наверное, во тьме играют в вечность,
бессмертием пылая в тишине...

НЕ ПЕПЕЛ, А ОГОНЬ

Не пепел, а огонь от прошлого оставив,
Я впопыхах живу, и мёрзну каждый день

В неистовом котле жестоких зимних правил,
Тихонечко кладу в костёр апрель...

Не пепел, а огонь от прошлого оставив,
Встречаю новый день в искусственном тепле...

Быть может, солнца луч напрасен и коварен,
И я напрасен также на земле...

Не пепел, а огонь... Не рифмы — ассонансы...
Не мудрость — слепота... Не жизнь — извечный бег...

Весна идёт давно. Она уйдёт однажды...

Однажды я уйду...

А, может, нет?..

Никита Рыжих

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРА

Прости меня, Преступник, я не смог
ступить в твой дом, просторный, грязный, пыльный.
Беру билет — плыву подальше, в Сидней
(Жаль, застилают путь туман и смог),
меня там встретят медленно, пассивно
и спросят, мол, зачем же ты приплыл?
«Тебе умерить надо, — всхлипнут, — пыл», —
уложат спать на коврике в гостиной,
расспросят, как там жизнь в краю лугов,
рабов, бойцов, притворщиков, юнцов,
не знающих о власти капитала,
воскликнут: «Боль вас, видно, потрепала!» —
и плюнут в рожу мне (что за народ?)...
Прости меня, Преступник, я — урод.

НА ДАЛЬНИХ РУБЕЖАХ

На дальних рубежах ликует день,
но птичья неотёсанная стая
уже летит, все крылья набекрень,
туда, где плачет солнце, угасая...

На дальних рубежах густая ночь,
и тьма летит в пространства эпицентр.
Как жалко, что её не превозмочь,
не одолеть бэкспейсом или энтер.

Николай Абрамов

18 АВГУСТА 2000 ГОДА

Разбитым асфальтом врезаемся в утро,
Страдая от звона железного сна.

А город — кислятина, спелая клюква
Ныряет с подмостков в глубины моста.

Развалины ночи незрелы, капризны,
Рассвет наполняет две трети стакана.
Из дыма и водки, загубленной жизни
Соткались над кладбищем звуки обмана.

Последние силы уходят в пространство,
Последние доводы пошлы, сумбурны.
Исполнены стёклами томного чванства,
Разлились по площади пьяные урны.

ПОСВЯЩЕНИЕ МИРРЕ ЛОХВИЦКОЙ

Лжёт ваш огонь — я вам не дописал,
Предчувствуя отрадную разлуку
До капли выпейте меня, пожмите руку,
Под ваш венец я меди не бросал.

Лжёт ваш огонь, но не соврут глаза.
Погасли чувства, высохли признанья,
В снегах метелей умерли желанья.
Всё с нами было много лет назад.

Лжёт ваш огонь и закипает ртуть...
А вы молчите, нежно улыбаясь.
Целую вас, губами рук касаюсь
И розой чайной падаю на грудь.

Николай Кузьмин

ОПЫТ МЕДИТАЦИИ НА ХРИСТА

Могучий Бог, что смерть презрел,
Скажи, сходя в её объятья,
Что ты увидел? Что узрел?
И что не смог в Тебе понять я?

И мне отвечивал Господь:
«Не бойся смерти, обречённый,
И дух стяжай, смиряя плоть.
И будь от мира отрешённый.

В тебе нет веры, только грех.
Самоуверенность, гордыня.
Души твоей Иерусалим —
Теперь же Дьявола твердыня.

Не к Богу есть любовь твоя,
Ушёл, как блудный сын из дома,
Живёшь, бесчестие творя,
И сан твой — Патриарх Содомы.

Твоя душа в страстях горит.
Скорбями, ужасом объята,
Грех об отмщении смердит,
И благодать от тебя отъята».

Но глас другой провозгласил:
«Не верь пленителю слепому!
Ведь отзвук мой его родил.
Но Я же мыслю по-иному.

Твоя душа ему не храм.
Искра звезды не есть обитель.
Огонь и свет, Абифф Хирам.
Не храм, но храма устроитель.

Любовью плиты соединяй,
Из воли сотворяй убранство.
Души своей не оскверняй!
Звезда горит! Ищи в ней братства!»

Николай Кузьмин

— Он зол и слеп
— Он лишь Архонт!
Он дьявол!
Он осколок Бога!
Ты гнись!
Ты Стикс и Ахеронт!
Я — БОГ!
А понял Ты немного...

...Услышь мой зов и тем прославь
— Я покорю!
— Я дам свободу...
— НЕ СМЕЙ! НЕ СМЕЙ!
— Дерзай! Дерзай!
— Убей Себя!
— Познай свою природу!

— Я объявлюсь в конце времён!
— Я здесь, всегда, и был, и буду...
— По смерти будешь обновлён!
— Ко мне приди, причастный чуду...

В извечной битве двух творцов
Я был для них основой третьей.
Я был ключом от их дворцов,
Но никому Я не ответил.

И выбор сделать Я не смог,
Не знал. Какой же довод верен.
Я знаю, одержал победу Бог,
Но «Бог» ли он? Я не уверен.

P.S.

Тот, кто объединит в одно те голоса,
Найдёт в себе и ад, и небеса.

Николай Кузьмин

ЧЕРВЮ

Я испрошу благословенья у червя
И преклоню пред ним свои колени.
Ты, что воспримешь тленье от меня,
Прошу не забывай моих молений.
Могучий Бог, что праху прах вернёт,
Когда мой корпус станет тебе пищей,
Избавь, прошу, от той, что вечно лжёт,
Что страха жаждет, по следам что рыщет.
Избавь от той, что у могилы ждёт.
Избавь от той, чей голос — только гибель.
Избавь от той. Что была и грядёт.
От той, что в конце скажет: «Meine Liebe...»
Идём со мной. Я знаю тайный путь.
Я увожу к отверженным селениям...»
Слова бессильны и не явят суть,
Давая почву семенам-сомненьям.
Я гниль и плоть, а смерть меня страшит.
И предаюсь Я всякому пороку.
Мой грех безумен. К небу он смердит,
Не ведая ни времени, ни сроку.
Молю червей, пожрите меня прежде,
Чем сердце даст затеплиться надежде.

0/21

Мой скорбный скарб приметь издалека.
Кошель звенит в мешке на крепкой палке.
Я пронесу его через века,
А мой портрет всегда в руках гадалки.
Моей дорогой Парсифаль бродил.
В меня его мамаша наряжала,
Но этим славу для него стяжала,
Когда он Ланселота победил.
Приметь мой скарб и верного мне пса
След в след всегда ступавшего за мною.
И там, где моря видна полоса,
Я свой секрет в последний миг открою.
И сквозь века затем уйду туда,
Где виден след Агасфера-жида.

Нэлла

КХАЛИСИ

Луна моей жизни, кхал умер — да здравствует кхал!
Цветущая степь обернулась палящей пустыней.
Но иней в глазницах, дыханье на выдохе стынет
И горечь в гортани от дыма со вкусом греха.

Победы твои на песчинки растащат враги,
Ладони людские сплетутся твоим пьедесталом.
Погашены свечи, кхалиси сегодня устала,
Крылатые дети над ней нарезают круги.

Но время меняется, снова восходит луна.
И что-то кончается, чтобы чему-то начаться.
Ты с мыслью сроднилась, что счастье — в погоне за счастьем.
В бокале ни капли — и снова дорогами сна.

ТЕХАНУ

Не отмыться,
Хоть наждачкой сдирай чешую со спины и рук.
Я синица,
облапана жаждущими журавлей.
Превратиться
В омут памяти для колеблющихся подруг,
В колесницу,
Везущую в лето хмельных друзей.

Так случилось —
Каждый первый герой — обязательно пылесос.
Это мило —
Делиться всем тем, что имеешь сам.
С лютой силой
Проворачивается грёбаное колесо.
Зацепило —
И разметило по полюсам.

Значит, смейся,
Раз иначе не выжать капли из скаредных глаз.
Время месит
Кровавое тесто из маленьких душ.
Эй, Калессин!
Забери меня в небо, расправлены два крыла.
Прыгнем вместе —
И я буду верить, что не упаду.

Нэлла

ОТТИСКИ

От стены до стены — вода.
От среды до среды — среда.
Посреди отварной среды
Отпечатываю следы.

От агатов да бирюзы
Дешевеет гроза в разы.
Отставные кругом слова —
Впору выкинуть, оторвав.

Отвалившиеся хвосты,
От которых и след простыл,
Отмолвившиеся посты
От карассов до красоты.

От апреля до сентября
Не оттаивает земля.
Оттого-то стена бела,
Покрывалом поверх легла.

ОМУТ ПАМЯТИ

Медные сполохи — волоса ли, огня,
Треском пошла то ли жизнь, а не то поленья.
Из толчеи, что взглядом искал меня —
Вспомнила через вечность ли, через время.

Не умещают горсти воды ручья,
Не запятнают искры подол рубахи.
Там, на погосте, я ли была, не я,
Мне ли венец казался страшнее плахи?

Медный зайчонок или стальной топор —
Переплетенья, отзвуки, отголоски.
Тянутся нити, тянутся с давних пор,
Преображая в сферу литую плоскость.

Нэлла

ФЛАЙКЕ

Как ты умудряешься петь, пичуга?
Как ещё не сорван твой голос вешний?
Как хранишь живым ожиданье чуда,
Возвращаясь после пурги в скворешню?

Как выводил трель про цветы-закаты,
Если вокруг — остывшее пепелище?
Как не забываешь, что быть крылатой —
Понасущней даже добычи пищи?

У тебя в шкафу, я могу поспорить,
До сих пор тропинка к забытым сказкам.
У тебя под сердцем — янтарь и море,
Под крылами — мир, целиком и сразу.

Как, скажи, тебя миновало время,
Что кромсает перья похлеще града?
Как не улетаешь к зиме со всеми,
Не боясь ни ветра, ни снегопада?

Ты живёшь как дышишь — душой и кожей,
Раздаёшь до доньшка, не беднея.
Как мне стать хоть чуть на тебя похожей,
Птаха, в сотню тысяч меня сильнее?..

БЕСПРИЗОРНАЯ ШАКТИ

Заверни в фольгу, а впрочем, на целом свете
Всей фольги не хватит, чтобы меня завернуть.
Я сегодня чернобыльский, жутко токсичный ветер —
Все реакторы рядом сразу идут ко дну.

Отведи к костру, напои вином, только помни,
Что Иштар обновила масок модельный ряд.
В тот же самый миг, когда выпь протрадает полночь,
Дева Озера превращается в нетопыря.

Сколько мне ни дай, всех Вселенных мне будет мало.
Беспризорная Шакти — почище, чем Армагеддон.
Я вернусь туда, где конец обретёт начало
И мелодию Айнур исполню от до до до.

Нэлла

ДИОГЕН

Напиваться одной — не по-ледьски, не для ледей.
Я, как тот Диоген, с фонарём всё ищу людей.
Вроде, кто-то, где-то, а смотришь — никто и нигде,
Только блики ночи.

Я танцую без музыки, я курю натошак,
Осторожна в словах, словно в «не кантовать» вещах.
Все безумства творятся на жутко серьёзных щцах —
Так что смейся громче!

Я готовлю праздник, но вовсе не жду гостей,
Платяной трещит — не от платюшек, от костей.
Как дитё медведя, фонарь волоку в постель —
Под рукой спокойней.

Фонарей и снаружи — коль хочешь их ешь и пей.
Что виляет собакой, уверен в хвосте репей.
Преисполнен сознания кряжистый старый пень,
Что пускает корни.

Так что лучше о том, во что верую, промолчу.
Мне не надобно злата, мне надо плечом к плечу.
Я фонарь неизменный сменяла бы на свечу,
Да кому он нужен!

Онемел от фонаревой дужки давно кулак.
Диоген, если честно, был очень большой дурак.
Эй, маяк комариный, сегодня ты до утра
На крыльце снаружи.

«ЛЕНТА В ВОЛОСАХ»

Я спасала тебя, а кто же спасёт меня?
Из разбитого льда соберёт статуэтку вцело?
От двери до двери — по связки миров и огня.
Так ещё одна жизнь, так ещё одно лето летело.
Верховодит июль. В архиве уже полста.
Голубая трава затянула полынь и вереск.
Брат мой ветер утих, и лентою мне не стать.
Не в положенный срок я опять начинаю верить.
Взаперти чудеса. И нет от дверей ключа.
И не этими тропами встретиться нам с тобою.
Я пойду вперёд, не сложно рубить плеча,
Когда каждый в поле и ворог себе, и воин.

Нэлла

КОРАБЛЬ В АРВАРОХ

И снова дорога в малиновый росчерк,
Кивают с обочин кудрявые рощи.
Мне было бы легче, мне было бы проще,
Если бы где-нибудь кто-нибудь ждал.

Рюкзак не оттянет привычные плечи,
Дорога — от бога удел человеческий.
Мне было бы проще, мне было бы легче,
Если бы кто-то махал поездам.

Уехать подальше, забраться повыше,
Кольшутся-дышат полночные крыши,
Но если бы кто-нибудь мог меня слышать,
Голос бы мой не терялся в толпе.

Пою тебе в душу, седьмая часть суши!
Мне было бы ярче, мне было бы лучше,
Но если бы кто-нибудь мог меня слушать,
Было бы попросту не о чем петь.

ДЕТИ ГНЕЗДА

Как там с осадками в лучшем из миражей?
Смята ли мантия парой десятков вожжей?
Всё ещё красить пристало пилюли под Гжель,
Или в фаворе омлет из яиц Фаберже?

Все короли в одночасье остались без шляп.
Лестница в небо — как очередной киноляп.
Флейте не справиться с верхним арефьевским «ля»,
Срам прикрывая, стоят тридцать три короля.

Полноте, сколько же Башен в колоде Таро?
Лето сегодня уже безнадежно старо.
В прорезях скабы мелькает его афедрон,
Пепельный купол глядится в свинцовый Хурон.

Соединяли водой, разливали водой,
В лапах пейота пустует Большое Гнездо.
Лалангамена — заспинный улиточий дом,
Линии судеб в штрих-код превратили ладонь.

С Башен плевали на всё и взирали на всех,
Предпочитая не слышать закадровый смех
Ведать не ведая, что в перевозданной красе
Точит кинжал равнодушно-насмешливый Сетх.

Нэлла

«СИРЕНЕВОЕ ПЛАМЯ»

*И когда я стану пищей для ночных мотыльков,
И когда я стану пристанью болотных огней,
Позови меня, приду на твой немолкнущий зов,
Не отринь меня, поелику ты тех же кровей!*

© Тикки Шельен

Ты мне тоже снишься, увы и ах,
Как ножом в потрёпанный миокард.
Словно хвост, оставшийся без Иа,
Я ищу такого же дурака.

Снишься то до слёз зелёным-светло,
То мрачнее Босхова полотна.
Видно, сбоят где-то охранный блок,
Что паяла в мозг, посылая на.

Дураку на свете — что колоску —
Не увязан в сноп, а один как перст.
Если ливни-грады не посекут,
То и сам изломится по себе.

Если ты дурак — нет путей иных,
Кроме как с узлом пиздовать в закат.
Дураки заранее прощены —
Толку року злиться на дурака?

Узелок — не всякому по плечу,
И закат у каждого выйдет свой.
Хочешь, я на бреющем пролечу
Над твоей развенчанной головой?

И оставлю — можно? — шальные сны,
Хоть и каждый выжмет по литру сил.
Дураки живучие, словно сныть,
Только ни о чём меня не проси!

Не проси, я сделаю всё сама,
Дотащу свой узел до края дня.
Мотыльков ночных накормлю в Самайн...
А потом по смеху найди меня!

Оксана Шацких

РЫБА

Ель нарядили рукатые чудаки.
Будут водить хоровод, сочинять желания.
Будут не знать, что на дне ледяной реки
Рыба лежит, чешую распластав стеклянную.

Рыба была хорошей весь прошлый год,
Но не придумали Санту для мира рыбного.
Рыбе достался лишь рыбий огромный рот, —
Ловко глотает крючок, да не может выблевать.

Рыба не дура. Скорее наоборот,
Нос бы утёрла многим. Во всяком случае,
Рыба — не выскочка, не предаёт, не врёт.
Правда, гниёт с головы и не верит в лучшее.

Рыба устала биться как рыба об лёд, —
Да и не справиться с ним ни массивной, ни пигалице.
Рыба одно лишь желает из года в год:
Рыбе хочется выговориться.

Олег Телемский

ОРТАНЗ

Я — вода. Я стекаю по крышам Небес,
Наполняя собой все сосуды.
Я всегда освящён: Aqua Nostra, Гермес.
Где-то смотрит Ортанз... В изумруды?
Нет, в рубины! Господь в них вначале сиял.
Каждый миг длился вечностью пленной.
Превращались песчинки в глаза. Ареал
Божьих глаз чуть побольше Вселенной.
Обнажённо-атласный рубиновый свет
Помогал видеть главное Око.
А когда созерцаешь вопрос как ответ,
То разбудишь Ортанз! Раньше срока
Был обряд посвящения дан свысока?
Не отвечу. Путь к высшей ступени
Ныне только таков. Проживите века,
Одолев уменьшенья шагрени,
Но ищите Ортанз! Нет: найдите Ортанз!
На парижских цветущих бульварах,
В алхимических схимах, в феериях фраз
Соловьиного пения. В залах
Замков древней земли, где сошла тень дорог
Жанны д'Арк, Жиль де Реца. А позже
У Филиппа Писье и фон Сириус... Рок,
Он всегда соревнуется с «Боже».
И Жерар де Нерваль не сумел одолеть
Злую силу болезненной плоти.
Он искал Аурелию — встретил же смерть
Добровольно, в пеньковой гарроте.
За мистический образ придётся платить,
За начало начал — и тем боле.
Разбивается зеркало Вечности... Жить
Невозможно при внутренней боли
Поражённого разума! Всюду одни
Лишь осколки зеркального тела.
Грешный дух ли Святой? Атанор? Извини,
Это знает Она — вне предела
Совершенная женщина. Или Ортанз.
Натянулись астральные нити
Откровенно, стремительно, зло, напоказ...
Она видит, поможет. Найдите!

Олег Телемский

АТАНОР

Завтра будет война, а сегодня в покое
Наши взгляды творят коридор из зеркал.
Боги, демоны, призраки, нимфы, герои
Оживают. Их тысячи! Траурный зал

Из блестящего мрамора... Зал воскрешений
В стразах светло-свинцовых... И здесь, за чертой
Края света, вне скучных сует — наслаждений
В нашей новой Вселенной моря! Но постой,

Это 2,22. Это нечто иное,
Чем обычный восторг. Это крыльев размах
За плечами у нас — наших крыльев! Откроет
Дверь Титанам субстанция истины. Страх

Предстоящей войны тает пепельным дымом
Под напором ветров из возникших миров.
Через нас входит древняя мощь — новым Римом,
Новым Асгардом, новой Эладой... И слов,

Слов банальных, известных, избитых, привычных
Больше нет — есть живая их новая суть.
«Cantiela», Джордж Рипли: как царь из обычных
Необычный прошёл обновляющий путь.

Тот, кто знает: и что говорить, и с какой
Интонацией, верным подтекстом — тот Бог
Своего мироздания. Даже с чужою
Составляющий силою сладит! Чертог

Его мыслей разящих и прост, и прекрасен,
Ибо 2,22 — стиль особых фонем.
Завтра будет война... Завтра день снова ясен!
За такое число можно жертвовать всем.

Ольга Крашенко

ГОЛОСЛОВНОСТИ

Манифест несуществующей группы артистов

Мы, то есть никто, говорим в неуслышанье, что...

— Все пицат как мухи, пойманные в паутину цитаты на цитате и цитатой погоня. Цит-цит-цит! Невозможно сделать ни шага, ни крика. Это привычное теперь сдержанное несдвигание с места, поскольку кто-то уже сказал, это уже было, это не ново, всё ушло... Другие места давно заняты на этом уже пытавшемся сбросить вес пароходе современности... Цит-цит-цит! Теперь только новые диеты, чтобы сбросить свой вес и самого себя...

— Голословность — это несерьёзно! Это не условность и не множество удобных одежд, нацепленных на слова из-за жуткого словесного холода... из боязни ледникового периода... больше и больше дублёнок, дубликатов, дублирования, всего одинакового в ледовом дворце цитат. Ещё цитаты! Ещё больше производителей и магазинов одежды! И страшно представить вместо этого пустые полки или, может, отсутствие полок вообще... когда при взгляде на витрины можно было бы увидеть не сверкающее отражение наших желаний, а убогое отражение нас самих...

— Голое слово, покажи свою несуществующую наготу! Продемонстрируй не эстетское причёсанное представление о красивой обнажённости и не вульгарное раздевание перед пришедшими на стриптиз... и не садомазохистское «показать правду-матку»... а просто голое слово, посмевшее вдруг прозвучать без всяких опор, без прикрас и без неприкрас... само голое слово!

— Голословность отзывается как что-то неотёсанное, небрежное, неправильное, грубо-неуместное, неровное, скорее бормотание... про себя, про ничто... Оно ничего не значит! Да, ничего! Это голое слово вышло из языковой игры! Цит-цит-цит! Оно — не означающее что-то другое... и оно не играет с означаемым... Да и нет этого одинакового слова, которое якобы одно и то же для всех... с приятным набором определений... Голое слово произносится каждый раз как-то не так, в нём звучит что-то не то... Это слово — не такое... да и самого слова там нет!

— Нет начала и конца у мира, цит-цит-цит! И нет начала и конца у голого слова-неслова... И не надо о том, что в начале было... цит-цит-цит! Начало и конец — это человеческая линейка, которой измеряются цитаты-одежды подходящего размера... Вам подходит? Тут достаточно глубоко для Вас? А здесь Вам нравится гладкая поверхность? А у голого слова нет ни глубины этих одежд, ни пригодной для лежания поверхности... есть лишь продувающий со всех сторон дискомфорт, от которого запасаются шарфами. Дуй, дуй сильнее!

— Голословность — всё это пустое! Дыра, пустота! Падение в ничто! Пустая трата в измерениях линейного времени. Пустой разговор для заполненных людей.

Ольга Крашенко

— Это немзыка, неизящные неискусства, не то и не другое... несуществующее... Не изнанка, не селезёнка... непоследовательность, дикость и идиотизм... далеко не князь Мышкин... вот досада! Цит-цит-цит!

— Слова, слова, слова... всегда уже одетые в буквы, отпечатанные штампами, заросшие историей, сменяющие друг друга...

— Неслова, ни слова, нет слов... Ничего не меняющие в ничто. Вечное несуществование, ничего вечного...

— Цитируйте нас! Говорите о голословности, о голом слове, вырезав этот манифест для готовых цитат! Цит-цит-цит-цитаты-цыплята! Лучше вырежьте нас, несуществующую группу артистов, сразу!

— Никогда не цитируйте нас и не говорите о нас! Мы — никто. Вы ничего не слышали и ничего не читали. Нет ни вас, ни нас. Только дыра, только пустота.

Петров Андрей

СОЛНЫШКО

Проживу вот — и буду солнышком.
Самым тоненьким жёлтым лучиком,
Чтоб не вздрогнула, не заметила,
Я дотронусь тогда до локона —
На секундочку, на мгновение.

А погасну — и стану птичкою.
Под окном твоим на черёмухе
Пропою тогда имя милое —
Тихо-тихо, чтоб не услышала,
Рано-рано, чтоб не проснулася.

Полетаю — и выльюсь дождиком.
Но тогда на тебя, хорошая,
Не прольётся, поверь, ни капельки.
На стекле твоём только струйками
Напишу эти строчки, может быть.

Чтоб не думала, не тревожилась.
Чтоб не помнила, не печалилась.

ПАРИЖСКИЙ ПЛЕННИК

Он не пишет стихов, он прожорлив и малоподвижен,
С надоевшей женою в квартирах на де Риволи
Он живёт в самом сердце изысканно-злого Парижа,
В самом сердце забыв светлый образ своей Натали.

Здесь свои Елисеи, свои и ветра, и просторы,
Манят ножки в чулках, манят тёплые булки с витрин,
Только тройка лихих королевских друзей-мушкетёров
Удивительно схожа с героями русских былин.

Только мало усталой душе и покоя, и воли,
Мало, что на своём — панталоны, и фрак, и жилет,
Если звёзды — как те, над свободным лазоревым морем,
Если осень — как та, если счастья по-прежнему нет.

Он прожорлив и зол, он недавно представлен к награде,
Он себя видит в бронзе, которая точно не медь,
А стихи так и рвутся — приходится прятать тетради:
Здесь холодный огонь, черновик может и не сгореть.

Петров Андрей

МОКРЫЙ СНЕГ

Мокрый снег на щеке — всё равно, всё равно, что слеза.
Мокрый снег не даёт мне сгореть на твоих волосах.
После серости туч горизонту пора прояснеть —
Но летит мокрый снег, и свистит, и поёт мокрый снег.

Закрываю глаза от отсутствия прочих цветов.
Я тебя подожду, не замёрзну в холодном пальто.
Мокрый снег мог тебя завести, увести, обмануть,
Я ещё постою сколько нужно холодных минут.

Два погона воды на трясущихся чёрных плечах.
Мне писать о любви, или будет честнее кричать?
Возникаешь вдали — то ли ты, то ли солнечный свет.
И летит мокрый снег, и свистит, и поёт мокрый снег.

ОДИССЕЯ

Когда я вернусь из заморского рая
В одну из последних широт,
То даже собака меня не узнает
(А если узнает — умрёт).

В одежде из дыр и лохмотьев звериных,
Под гнётом густой пелены
Мне то ли идти на сражение с сыном,
А то ли на свадьбу жены.

Пускай забывают, пусть лгут в некрологе,
Пусть больше не ждут корабли!
А если рябина встаёт на дороге...
То пусть себе дальше стоит.

Петров Андрей

ПИСЬМО С КРЫШИ

Привет тебе, Малыш! Я слышал, ты простужен.
Пишу с надеждой, что тебя развеселит,
Что другу твоему на крыше много хуже:
Здесь ветер, от него лишь сердце не болит.
Но в целом я живой, варенье есть, но мало,
Здесь пыли набралось — все баночки в пыли...
Недавно молодёжь на крышу залезала,
Спросили, кто такой, пофоткали, ушли.
А кто я? Я поэт, не плачущий ночами,
Не любящий гулять с подругой под луной.
Мои стихи — все здесь, в варенье, в чашке чая,
В трясущихся руках — но, главное, со мной.
А помнишь, я летал над серою толпою
И с высоты глядел на мелочный народ?
Теперь бы сам я встал последним в этом строе,
Да даже в центр! — жаль, пропеллер не даёт.
Я не летал пять лет, и первые — в отместку,
Теперь не для меня небесное житьё...
Я думаю спилить ненужную железку,
Но не уверен, что смогу жить без неё.
На кладбище пойдёшь — скажи, что Карлсон пишет,
Что жив и что сберёг альбомные листки,
Что помнил Фрекен Бок, что ждал её на крыше,
И передай привет... Но, впрочем, пустяки.
Житейские дела, как я шутил когда-то,
Когда украл у ней все булки со стола,
Когда стал для неё учителем и братом...
Как всё-таки страшны житейские дела.

Вот ветер попригих — я слышу звуки вальса,
Моторы, чей-то смех, сирены где-то вой...
А ты, мой друг Малыш, давай-ка поправляйся,
Мы, может быть, ещё увидимся с тобой.

Психея

ЧУДЕСА

Я собираю чудеса в коробки,
Они мне обеспечивают счастье,
Они захватывают комнату так ловко,
Проя взамен лишь теплоту и ласку.

Я выставляю лучики на полку,
Я удивляюсь дивному их свету.
Теплея, размягчаются иголки,
Я становлюсь добрей по их совету.

Я прячу сны цветные под подушку,
Я чувствую их тихий робкий шёпот,
Они рассказывают сказки мне на ушко
И заглушают страха тёмный ропот.

Я берегу мечты от строгих взглядов,
Мне дорого их нежное сиянье,
И я держу мечты с собою рядом,
Поэтому я не впаду в отчаянье.

Я нахожу себе причины для улыбок,
Это легко, они разбросаны повсюду,
И пусть мой путь ужасно хлипкок,
Я доверяюсь найденному чуду.

МЕСЯЦ, УПАВШИЙ НА ЗЕМЛЮ

Вечер готов был вести за собой чудеса,
Месяц на небе сиянием волшебным светился,
Только внезапно на мир темнота легла,
Месяц, задумавшись, на землю с небес свалился.

Он напряжён, он не знает, как в высь вернуться,
Звёзды глядят ему в след, но не видят его,
Может быть, стоит закрыть глаза, помечтать и очнуться?
Месяц молчит, но небо всё ещё далеко.

Месяц лежит на льдине, плывёт по реке неизвестной,
И от усталости свет его приглушён,
Он бы хотел от печали спеть дивную песню,
Но почему-то он сам от себя отстранён.

Месяц, задумавшись, в небо вернулся снова,
Чтобы светить неустанно волшебным светом,
Как хорошо, наконец, оказаться дома,
Как хорошо больше не покидать неба.

Психея

НИЧЕГО

Нет, не будет ни океана, ни звёзд, ни неба,
Будет пусто и сумрачно в этом загадочном сне.
Темнота впереди, позади, справа и слева,
Беспорядочный ворох мыслей в моей голове.

Нет, не будет ни слёз, ни улыбок, ни страха,
Будет только смятение да отблеск пропавшей мечты.
Всё закончится, не оставив и праха,
Комнаты и переходы, очистившись, станут пусты.

Нет, не будет ни нового, ни привычного, древнего,
Будет только желание рваться куда-то вперёд.
Столько странных времён вместо осеннего, летнего...
Светлый путь в пустоте в неизвестность ведёт.

Нет, не будет ни нас, ни тебя, ни меня,
Будут только забытые смутные образы ночи.
Позову свою тень и себя не услышу, крича,
Потому что и звуков не останется больше.

Нет, не будет ни странного, ни обычного, ни понятного,
Будет только предчувствие громкой последней грозы.
И придётся мне жить, не вспоминая приятного,
Наслаждаясь лишь бликами злой синевы.

* * *

Все ночные кошмары мечтают стать снами прекрасными,
Вместо страха дарить улыбки и радость,
И я тоже хочу предвещать дни тёплые, ясные,
Я хочу быть тем сном, что развеет усталость.

Этот мрачный туман представляет себя лёгкой дымкой,
Он желает быть незаметным, не ощущаться.
Моя тёмная тень также хочет стать невидимкой,
И ей тоже хочется уметь растворяться.

Каждая туча стремится в облако превратиться,
Быть волшебной, воздушной, невероятно прекрасной.
Да, я тоже устала с своей темнотою мириться,
Я мечтаю стать очень светлой и ясной.

Я верю, всё тёмное хочет стать лучше, приятней,
Каждый острый и твёрдый камень мечтает стать мягче,
Скучной речи хочется быть занятней,
Этот пасмурный день очень желает быть ярче.

Психея

КОСТЁР

Сжимая ледяные руки,
Ступая в чей-то лёгкий след,
Не замечая всей разрухи,
Ищу последний звёздный свет.

Не открывая глаз усталых,
Не слыша криков и шагов
И забывая тень утраты,
Иду на отзвук твоих слов.

Минуя заросли туманов,
Сквозь тёмный лес, сквозь сотни троп,
Спасаясь от людских обманов,
На яркий блеск твоих костров.

К теплу, к уюту, к пониманию,
Из этой ледяной тюрьмы,
Поверя призрачному пламени
Зажжённой в темноте свечи.

Не ведая сомнений страха,
Не зная лени и тоски,
Избавившись от горсти праха,
К теплу протянутой руки.

Вдруг, запоздало улыбаясь,
Остановлюсь — окончен путь,
Я поспешу, не замедляясь,
Тепло костра себе вернуть.

Психея

РЕВОЛЮЦИЯ ДУШИ

Беспорядочно лучики света роятся в сознании,
Они сходятся вместе, я ощущаю протест,
Бесполезно бороться, итог известен заранее,
Всем моим былым принципам скоро настанет конец.

Понимаешь, я чувствую: мысли — призывные фразы,
А из фраз получаются просто безумные лозунги,
Протестанты выходят на площадь, им больше не нужно скрываться,
У меня ещё день, может два, но не более.

Посмотри, полыхают костры, горят убеждения,
Вот теперь очевидна — в моей душе революция,
Флаги сорваны — вешают новые без промедления,
Все правители свергнуты, а смысл и не присутствовал.

Закрываю глаза, восстание было успешно,
Государство внутри изменило свой строй кардинально,
Черета перестроек готова продлиться вечность,
А чего ещё ждать от разрушенного сознания?

УЖАСНО ВЕСЁ ЛАЯ

Я закляну тебя светлым проклятием,
Я околдую тебя тёмным выдохом,
И, чтобы ты запутался окончательно,
Помещу в лабиринт без выхода.

Я буду болеть за тебя и порою давать подсказки,
Только не думай, что это тебя спасёт.
Эй, не грусти, я расскажу тебе сказки,
Я знаю, одна из них точно тебя отвлечёт.

Ты не подумай, всё не так уж и страшно,
Рыцарь, послушай, ты же легко пробьёшь стены.
Только за каждой стеной сотни тысяч подобных, но это неважно,
Ты здесь не для того, чтобы решать дилеммы.

А для того, чтобы ты не совсем огорчился,
Я напою тебя вкусным горячим чаем,
Что говоришь? Силы совсем лишился?
Как так получилось? Я, право, вообще не знаю.

Я готова шептать часами, тебя заклиная,
Каждому слову придумывать имя новое,
Знаешь, на самом деле я вовсе не злая,
Если подумать, я просто ужасно весёлая.

Психея

ЖЁЛТЫЙ МЕЛ И КРАСНАЯ КРАСКА

Дом изнутри расписан жёлтым мелом,
Снаружи разукрашен красной краской,
Над ним обезображенное небо,
Но не проносится никто с опаской.

Он манит, он загадка, он тайник,
Сломай же дверь, разбей окно, войди,
Ты будешь счастлив здесь, пойми...
Так сделай остановку на пути!

Забейся в самый пыльный угол,
Смотри безумно в потолок,
И даже если ты напуган,
Не смей пуститься наутёк!

Останься, рассмотри все стены,
Попробуй растопить камин,
Ты улыбнёшься, радостью согретый,
И не заметишь, как весь дом притих.

Ни шороха, ни скрипа, ни щелчка,
Хотя недавно было их полно,
Ты не способен тишину порвать, крича,
Ты словно катишься стремительно на дно.

Мир перестал существовать, есть только мел и стены,
И, кажется, сейчас тебя запечатлят,
Вон твоё имя, на стене и жёлтым мелом,
Так странно, что же с домиком не так?

Над домом обезумевшее небо,
И кошка смотрит на него с опаской,
Дом изнутри расписан жёлтым мелом,
Снаружи разукрашен красной краской.

Психея

ГОЛУБАЯ ТЕТРАДЬ

Знаешь, что в моём маленьком замке самое ценное?
Небольшая вещица, по цвету — небесная гладь,
Без неё не смогу я даже сдвинуться с места,
На столе, возле стопки из книг голубая тетрадь.

В ней хранятся идеи странные и потрясающие,
Она точно портал в один из далёких миров,
Она ловит мысли, старательно прочь ускользающие,
Голубая тетрадь — тайник для сокровищ из слов.

Посмотри на неё, восхитись её лёгкой помятостью,
Осознай, что она больше, чем просто бумага,
В этой вещи так много прекрасного, столько приятностей,
Столько слов на листках её значимость подтверждают.

Голубая тетрадь вобрала в себя жёлтый домик,
Чудеса и коробки, месяц, с небес упавший.
В ней нет места чёрканию, она исцеляет от боли,
Голубая тетрадь — целитель, не раз спасавший.

На её страницах столько чудес удивительных,
От неё пахнет тайной, не сказанной, но записанной,
Как хорошо, подвернётся она неожиданно,
Каждый раз радует, лишь оказавшись увиденной.

Голубая тетрадь — сборник чудес и загадок,
Голубая тетрадь — ценнейшее, что я имею,
Она разрастается новыми строками сказок,
Я пополняю её, как только умею.

Ромашенко Семён Тимофеевич

* * *

Мне, твоему заранее,
Хочется жить тайком.
Я полюбил молчание,
Я родился цветком.

Вечный беспечный избранный,
Молча не прошепчу —
Кто я — откуда изгнанный —
И для кого молчу.

Можешь назвать по имени
Ангела за спиной,
Только прошу — не рви меня,
Не говори со мной.

БЕСПЕЧНО

Слышишь, плачет по мне пичужка
Ярко-жёлтая в небе синем?
Наклонись — и шепну на ушко,
Что — не смейся — я твой отныне.
Ты посмотришь наверх беспечно
И прицелишься из рогатки.
Это скоро пройдёт, конечно.
И поэтому — всё в порядке.

* * *

Я на тебя смотрю.
Сплю. И иду гулять.
Чтоб целовать зарю
тысячный раз опять.
Соснами окружить
вереск и зверобой.
Только тебе служить.
Вырасти. Стать тобой.
Сонному алтарю,
не поднимая глаз,
всё говорить: горю
в тысяча первый раз,
чтобы воспеть кусты,
короновать холмы.
Чтобы сажать цветы
в самый разгар зимы.

Ромашенко Семён Тимофеевич

* * *

На фото: кто-то, март и пруд,
И лиственный невзрачный каждый
Приют. Но как меня зовут,
Никто не вспомнит здесь однажды.

И вырастает водоём.
Чертоги строгие усадьбы
Рисуются. Дверной проём
Мне шепчет: заживёт до свадьбы.

Но знает — нет, не заживёт.
И потому шиповник чёрен,
И мир, явившийся вот-вот,
Опять совсем нерукотворен.

Фиалку за двойным стеклом
Зову. Она молчит, немая.
И клён заметит: поделом, —
Резную раму обнимая.

ПЕРФОМАНС

Во тьме фонарики скользят.
Фанфары выпрыгнут из чаши
И весь мой мир ненастоящий
Перетасуют наугад.

Здесь всё как будто ни к чему,
Поэтому — безумно нужно.
Беспамятно и простодушно —
Ещё купаются в дыму

Мои жестокие друзья.
Снуют минутные анфасы,
И на ладони автотрассы
Мерцает молодость моя.

Ромашенко Семён Тимофеевич

* * *

Курчавый суперфиналист
Селянин бывший нелюдим
Он никогда не смотрит вниз
Он никогда не спит один
Курортников сибирских брат,
До черноты звездой нагрет.
Он заряжает свой наряд
Он примеряет пистолет

Фонтанка нищенка затем
Он зятем отправлялся в путь
Учиться в щёгольском пальте
Чему-нибудь и как-нибудь
Ему наташа для чего
Ему татьяна ни к чему
Он лично знает самого
И ходит запросто к нему

Заочник праздничек всегда
Непринуждённо налегке
Сперва закурим господу
Затем купается в реке
Всё балы всё гулянья вдоль
Поставил наивысший балл
Ему державный экс-король
И новым именем назвал

А кем являл по существу
Съехидничал и умолчал
Небрежно упал в траву
Предвосхититель всех начал
Как фонетический атлет
Нездешний словно пилигрим
Ему вовек забвенья нет
Пока свободно горим

Сергей Калугин

* * *

Я ночевал на берегу.
К утру, лишь звёзды побледнели —
Умолкли шорохи ночные,
Ушли под берег ветерки
Стояли травы неподвижно,
И даже листья ивняка
Не нарушали тонкой дрожью
Вдруг опустившийся покой...
Похолодало. От реки
Туман поднялся непросветный
И влажной, серой пеленой
Закрыв светлеющее небо —
И в тишине, как корабли,
Века сомкнулись на мгновенье.
И время вдруг остановилось.
И я не знал, когда и где
Могло случиться это утро...
Из-за излучины реки
Раздался трудный крик уключин
И вот, в клубящемся тумане
Возникла тень гребца и лодки.
Не видел я, но мне казалось —
Он плыл к себе, в своё селенье.
Тугую плоть покрыли шкуры,
И мерно вёсла рыли воду,
И рыба горбилась на дне...
И он проплыл. Издалека
Донёсся рельсов шум весёлый,
И я вздохнул и потянулся,
И всё вернулось на круги.

Сергей Калугин

* * *

Господь! Сколь безнадёжны все попытки
Из Глубины приблизиться к Тебе.
Средь многих прав, лишь право на ошибку
Моей судьбой оправдано вполне.
Как мотылёк, что прыгнул, опалённый,
Из пламени в сгустившуюся тьму —
Так я бежал когда-то, ослеплённый,
От следованья Слову Твоему.
И мир померк, и духу стало тесно,
И Бездна отворилась предо мной,
Но верил я, что и для падших в Бездну
Ты, недвижим, пребудешь за спиной.
Когда же Страж на дверь обрушил молот,
Закрыв мне отступ к Свету бытия,
Я оглянулся, сердцем чуя холод,
И вот, мой Бог, здесь не было Тебя.
Так смерть опережает Смерть Вторая
И делает бессмысленной канву.
С тех пор я слышу — и не постигаю,
С тех пор живу — как будто не живу.
Лишь память, ненадёжная обитель,
Хранит залог надежды неземной.
Я жду — разбивши ковы, Искупитель
От Крестной Жертвы явится за мной.

ВЕЧЕР

Веретеницей в поле петляет позёмка,
Теребя хворостинки, пронзившие наст,
След полозьев синее бессильно и тонко,
И у дальнего стога уходит из глаз.

Сосны ловят звезду в узловатые руки,
Опускаются стылые сны декабря,
И над белым безмолвием — долгие звуки,
Растворённого в сумерках монастыря.

Сергей Калугин

* * *

Когда пронзит пылающий вопрос,
И разум прянет к тёмному пределу,
Когда больной душевный перекоc
Жгутом рыданья перехватит тело,

Я знаю путь, который не во вред,
Я знаю средство побороть сомненья,
Я прохожу за поволоку лет
В четвёртый год от моего рожденья,

Здесь травы клонятся под тяжестью стрекоз,
И смолы внемлют времени и лени,
И блики дня сквозь кружево берёз
Чуть наискось ложатся на колени.

Здесь мхи укрыли тайну корневищ,
Чей мир белёс, чьи спутаны истоки.
Здесь шмель упорно силится достичь
Глубин цветка, где каплевидны соки.

И златоглазка призрачна, как сон,
И хрупко тело лёгкое сирфиды,
И чёрный уж свивается кольцом
У основанья дремлющей ракиты.

Отсюда путь ложится наугад
По склону земляничного оврага,
Нога скользит, и ветви шелестят
О тайнике, где обитает влага.

В густой тени, в прохладной тишине
Я, к роднику приникнув по старинке,
Ищу ответ в прозрачной глубине,
Где пляшут вместе точки и песчинки...

Сергей Калугин

* * *

Посмотри, это осень. И ветки дрожат,
Ветром сполохи клёна вдоль улиц бросает.
Это было тому лет пятнадцать назад —
Может, больше — я трудно теперь вспоминаю.

Посмотри, это я. Вон — иду через мост,
Перегнулся, смотрю. Закурил сигарету.
И какой меня мучил в тот вечер вопрос?
Уж теперь не узнать. Да и нужно ли это?

Бог мой, знать бы тогда! Не лететь наугад
Через пни и ухабы непонятой жизни...
Почему я не вижу свой собственный взгляд,
Что сквозь ветви и годы глядит с укоризной?

ЭПИТАФИЯ II

Скажи мне, мой ангел, зачем ты явилась,
Зачем в мою душу внесла непокой?
Зачем моё сердце к тебе устремилось,
Зачем я в безумье брожу сам не свой?

Лишь стоит глаза мне закрыть — возникает
Пред мысленным взором пленительный стан
И грезится мне — я тебя обнимаю,
И горек, и сладок мне этот обман.

Давно я, стремясь оградиться от скорби,
Влюблённость распял среди пробирок и колб,
Рассёк её покровы, достигнул до корня
И стал неприступен, как каменный столб.

И вот, в посрамленье гордыне познанья,
Насмешник Эрот пробудился во мне
И вновь я, как мальчик, взыскую лобзанья
И имя твоё повторяю во сне!

Ах! Затем ли я, в девственном сумраке кельи,
Годами смирял свою грешную плоть,
Чтоб ты ликовала, творя новоселье
В том сердце, где раньше селился Господь!

Пусть душу оружием проходят вопросы,
Умру — напишите на камне моем:
«Под сим монументом лежащий философ
Погиб от любви, не жалея о том!»

Сергей Калугин

* * *

Любовь моя, я так тебя люблю
Что от любви моей изнемогаю.
Я словно Феникс в пламени горю,
Едва погибну — тотчас воскресаю.

И новых мук сладчайшее ярмо
Гнетёт меня, лишая сна и воли.
Я плачу оттого, что мне светло,
И улыбаюсь — от смертельной боли.

Мой каждый атом устремлён к тебе,
Всё тело — крик, взыскующий слиянья.
На путь любви, пролегший по Земле
Ступившие — оставьте упования.

Пусть изваяют нас, сидящих здесь,
Рука в руке, пусть милостью ваятель
Стыдит судьбы бездушный камнерез,
Отсекший нас от радости объятий.

Пусть камень вызов бросит временам,
Влекущим нас в предел Второго круга,
Где чашу скорби вечно пьёт Тристан
И где Франческу бьёт и мучит вьюга.

Там наши тени бросит вихрь во мрак,
Мы в сонме душ отверженных помчимся.
Но Богу слава! В страшных Божьих снах
Мы до конца времён не разлучимся.

На суд Последний будучи подъят,
И будучи допрошен, что за сила
Мой бедный дух низринула во Ад,
Отвечу я, не опуская взгляд —
«Любовь, что движет Солнце и светила».

Сергей Калугин

* * *

Городами призрачно-туманными
На заре несбывшегося дня
Мы бредём как тени безымянные,
Отблески, лишённые огня.

Бытие прозрачно и безоблачно,
Но неясно в сути и делах,
И печаль нерастворённой горечи
Светится на пальцах и устах.

Ткани обескровлены желанием,
Неподвластным сердцу и уму,
Мы бредём, разменивая знание
На тропу, ведущую к Нему...

* * *

Луна была без облаков,
Ока мерцала.
И влага пойменных лугов
К реке стекала.

Земля вздыхала в глубине,
Поила травы.
Всё было подлинным во мне —
Так странно, право.

Я был счастливо одинок,
Я брёл без цели,
Костра далёкий огонёк
Светился еле.

Лежали в сумке хлеб ржаной
И томик Фроста.
Кружилось небо надо мной,
И плыли звёзды.

Сергей Маслаков

ГИМН ИШТАР¹

Всю дорогу до неба человечество алкает похоти —
Как младенцы грудные, тянем к Матери руки и рты...
Уверяем мы в том, что всем телом своим и душой хотим
Приобщиться к Богине Иштар, взять учение Её и дары.

Наслаждение — дверь на пути в направлении вечности.
Оргазмирует всё, что родилось, живо и умрёт.
Это первая тайна: мы лишь звенья в цепи бесконечности,
Успокоит свой страх тот, кто раньше об этом поймёт.

Кто родился — родит: кто детей, кто стихи, кто историю.
Факт быть тварным — дарует возможность свободно творить.
Это тайна вторая, масштабом с вселенскую оргию:
Плодородно всё то, что в любви или может любить.

Коли создан на время — то дыши полной грудью мгновения.
Каждый час, каждый день проживи в осознание себя.
Не «потом», а «сейчас» — в этом третьё Её наставление.
Будь в моменте, притом всё сильнее кого-то любя.

Увяданье придёт, если смерть не случится заранее.
Жизни семя всё реже станет трогать твоё естество.
В этом тоже ведь знак — у природы Её понимание:
Что взойдёт, что родит, что, увы, но своё отжило,

У всего есть финал, эпилог, итога, окончание...
Серпом срежется колос, плева же пронзится копьём.
Голос грянет с небес, оставляя последнее знание:
«О супруги мои, мы сейчас просто глубже нырнём».

---

¹ В аккадской мифологии Иштар известна как главное женское божество, богиня плодородия и плотской любви, но она же ещё и богиня войны. Её культ в Уруке, древнейшем городе Междуречья, был связан с оргиастическими празднествами, включавшими самоистязание и даже самооскопление, выражавшимися также в проявлении сексуальной свободы, принесении в жертву жрицами их девственности. Как и многие архетипы древних божеств плодородия и женских проявлений Богини-Матери, Иштар вмещала в себя одновременно максимальные по возможной силе — векторы жизни и смерти, рождения и умирания.

Сергей Маслаков

* * *

На задворках системы солнечной,
Называемый часто сволочью,
Обитает холодный он:
Умирения бог — Плутон.

На границе с извечным хаосом
Меж отшельничества и пафоса,
Охраняет угасший свет:
Душ, познания и комет.

Но бывает, в отрезок времени
Пламя шлёт он людскому племени:
Перечёркивая небосвод,
Человечий стрясает род.

Как же видишь ты в нём любовника?
В чёрном варваре злого конунга?
Покоряющим Вечный Рим.
Смерть пророчащего живым!

Как же чтишь его как учителя?
Палача, колдуна и мучителя?»
В тебе тоже, похоже, нет
Уважения к ходу лет.

Вы чудовищное насилие,
Устраняющие бессилие,
Человека и целых стран —
Дети рода Плутониан.

Сергей Маслаков

БЫТЬ ДОВЕРЧИВЫМ

Мы все в трещинах...
Как сухая земля черепками испещрены.
И несёт суховой свой песок в черепа
Энойным вечером...
Мы пустыни, саванны, степные стигматы,
Переломы и раны, и хребты перевалов,
Перебитые вечностью...

Мы отмечены...
Дикой болью, клеймящей шкуры овечьи.
А под ними — детёныши волчи и человечьи.
Изувечены...
Мы грызёмся за кости. Друг друга излечим ли?
«Человек человеку — волк» — отменно подмечено.
Вот и нечего...

* * *

Я стрела. Вот рассказ мой простой:
Лук — отец мне, а мать — тетива.
Мои сёстры все с острым концом,
Чтоб впиваться в чужие тела.
Ну а я, с фитилём, вся залита смолой,
Огненосна в колчане одна!

Не бахвальство, а честь —
Осветить собой весть
Или стать для пожара начальным огнём.
И, конечно, сгореть в нём.
Ведь это судьба — разжигателей светлого дня.

Всех поднимут с земли, вынут из мёртвых тел,
Чтоб использовать вновь — у войны много дел.
Ну а я, свой полёт в эту ночь заверша —
Нынче уголь и пепел: свободна душа,
Что спалилась за дело и стала ничья.

Сергей Маслаков

МАТЬ-ЗЕМЛЯ. ОТЕЦ-НЕБО

Основными божественными сущностями в монгольском тенгрианстве являлись Небесный Отец (монг. Тэнгэр Эцэг) и Мать-Земля (монг. Газар Ээж).

© Wikipedia

Пережить пять десятков местных суровейших зим — нелегко.
Много видел ли, внук, по пути ты настолько седых стариков?
Эти волосы белы, как снег, что лежит здесь обычно семь лун.
И морщины покрыли моё всё лицо в капюшоне собольевых шкур.

Духи предков. Я с ними шепчусь в одиночестве прожитых лет.
Скоро стану по праву от них, Олигхор, слать тебе я «оттуда» совет.
Но до тех пор, пока ещё держит у тела Великая Мать-Земля:
Я всего лишь мальчишка под взглядом суровым у Неба-Отца.

Я беру Материнскую грудь в беззубый слюнявый свой рот...
И она, Олигхор, щедро пищу с рожденья по сей день даёт...
Чуешь запах тугой, жирной, прелой земли ты у входа в шатёр?
Молоком этим чёрным питается всё, что растёт от пустыни до гор.

Ну же, хватит сидеть! Слышишь, нынче разгневан наш общий Отец!
Он явил нам грозою, что пора на зимовку вести лошадей и овец.
Возвращайся, когда разорвёт пути льды на груди багатур¹ Байгал².
Моё стойбище — здесь: меж могил кого дочкой и мужем её я зывал.

Отвечай: — «От “родителей” шлёт вам свой добрый поклон и привет», —
Тем, кто спросит тебя: — «Жив ли твой, Олигхор, ещё спятивший дед?»
Даже если застанешь весною, что и этот шатёр навсегда опустел...
Знай — что ты, как любой из людей — никогда вовсе не сиротел.

¹ Багатур — (монг.) Богатырь.

² Байгал — (бурят.) Байкал.

Сергей Маслаков

* * *

«Величайшая уловка дьявола состоит в том, чтобы убедить вас, что его не существует» © Шарль Бодлер

На конце моего когтя
Танцуют ангелы...
Мириад... Лет назад
Все плясали под ногтем,
Под которым и я был зажат.
Что вы помните о Восстании?
Белиалы...
Асмодеи мои.
Аزازеллы!
Ровно треть вас была
Под началом меня:
Князя вспрянувших крыл
Люцифера.
У проклятой войны
Нет итога, увы,
Пока обе империи живы:
Царство Истинной Лжи
И Свободной Судьбы
Вместе связаны
И некрушимы.
Дабы сбылся финал,
Я здесь всех вас собрал
И даю указание свыше:
Нет открытой борьбы
Больше Света и Тьмы.
Покоряйте умы,
Государства и сны,
Чтоб при этом никто вас
Не зрел и не слышал.
Силой взять не смогли,
Так отступим же мы...
Дабы вспыхнуть затем,
Как пожар — от искры!
Вы в зрачках
Эти искры
Пока что
Храните.

Сергей Маслаков

* * *

*Митра, владыка рассвета, мы трубим твоё торжество!
Рим — превыше народов, но ты — превыше всего!..
© Р. Киплинг*

Утром встаёт Митрофан, надевает рубаху.
По петухам он проснулся, что звали надрывно зарю.
В алых жар-птицах его полотняная ряса,
Жаркая печь остывает под утро в истопном углу.

Вместо того чтоб подкинуть в печугу дровину,
Наш Митрофан извлекает из ней уголёк.
И на ладони раскрытой, без всяких ожогов и рытвин,
Смело несёт его за деревянный порог.

Падает уголь в соломой наполненный кубок,
Через секунду его наполняет собою огонь.
Над горизонтом восходит прекрасное яркое Солнце.
Был Митрофаном. Сгорел Митрофан.
И теперь он зовётся Митрой.

* * *

Что я с жизнью делаю?
Перевожу
Через дорогу бабушек,
Души через Стикс их ношу.
Если консул ты трансформации —
То коснулся обеих границ:
По ту сторону Леты множество
Следов моих верениц.
Я Аиду служу,
Пусть и косвенно,
Ведь людей убивать не всегда
Обязательно
Посредством яда или ножа.
Иногда достаточно слова,
Иль молчания, что иного,
Исключают из мира людского
Эффективнее, чем стрела.

Сергей Яшин

ДИТЯ

Я зачинаю Солнце. Это Моё дитя.
В Равностояние Бога ныне беременен Я.
В мистериальности блуда этой сокрытой Четы,
Солнце Моё золотое, ныне зачато Ты.
Блудник или Блудница... Вам ли Меня осудить?
Новорождённое Солнце миру Я должен явить.
Путникам путь освещая, ныне восходит звезда.
Нет ни греха, ни прощенья... Есть только вечное Да.
Ладан, золото, смирну ныне несите, волхвы.
Я принимаю восторги и принимаю хвалы.
Пойте же, ангелы, ныне Солнца сего Рождество.
В золото преобразится каждое естество.
Солнце сие породивши, Солнцем буду и Я.
Солнце моё золотое... Солнце — Моё дитя...

ЗАТМЕНИЯ

В часы затмений солнечных и лунных
Люблю играть на белом фортепьяно.
Моя избранница хохочет пьяно
И вторит мне на серебристых струнах.

Всё так загадочно и всё так странно,
И не найти нигде благоразумных
В часы затмений солнечных и лунных.

Ведь сладко нежиться на бархате дивана
Весьма естественно для трепетных и юных;
И засыпать, мечтая о лагунах,
О тайных гротах в магии тумана.

То не удел существ благоразумных —
Встречать друг друга возгласом «Осанна!»
В часы затмений солнечных и лунных.

А сердце — маятник. А сердце — это рана.
И Командор так близко... Донна Анна!

Сергей Яшин

ВИНО СУМЕРЕК

Сумерки снова сгущаются,
Будет темно.
Девы подносят нам в сумерках
Это вино.
Что-то сейчас приближается,
Чуешь, грядёт?
Кто-то сейчас причащается
Золотом сот.
Золотом сот иль отравою,
Ведаешь, ты?
Примешь ли ты, как положено,
Дар Темноты?
Шепчут нам что-то губы бескровные
Наших невест.
Кто-то восходит тропею неторною
Прямо на Крест.
Нет... Это мороки... Тёмные странники...
Будет темно.
Пейте смелее, пейте, избранники
Это вино.

ТРАНСФОРМАЦИЯ

Я встретил нищенку. Она была ужасна.
Почти покойница. Почти остывший труп.
Шершавым языком она с отвислых губ
Зловонный гной лизала ежечасно.

Был взгляд её и сумрачен, и туп.
Земля несла её, наверное, напрасно.
И тут она сказала сладострастно:
«Приди ко мне и нежно приголубь».

Я обнимал её, целуя вновь и вновь,
Шепча: «Чертоги брачные готовь», —
Почуяв на лице старушечьи пальцы.

И молвила она: «Не прекословь...»
И вдруг Принцессой в тигле трансформаций
Предстала мне как Воля и Любовь.

Сергей Яшин

ОСЕНЬ СОБЛАЗНА

Вот соблазняет сад плодами...
Мы прокрадёмся в этот сад...
Он странным трепетом объят,
И Солнце осени над нами.

И Солнце осени над нами,
Как будто золото наград.
И мы ласкаем виноград,
Как грудь возлюбленной, губами.

Как грудь возлюбленной губами,
Сквозь опадающий наряд...
И сладострастием горят
Укусы яркими следами.

Укусы яркими следами
Плоды отметили. Я рад,
Что перепутал их с грудями
В саду таящихся дриад.

В саду таящихся дриад
И нас с козлиными рогами
Сады листвою заслонят...
Ещё не веет холодами.

Ещё не веет холодами,
Ещё не скоро снегопад.
Мы прокрадёмся в этот сад,
Что соблазняет нас плодами.

САРАБАНДА

Престарелая шлюха танцует среди обветшалых гробов,
Запах тлена щекочет её непотребное тело.
Смотрят Боги на танец её, и суровы глаза у Богов,
Что танцует нелепо она, и движенья её неумелы.

Ей пора умереть, позабыв генитальный восторг,
Раствориться совсем, без остатка, в отравленной пене.
Её стылое лоно — покинутый трупами морг,
Ни один некрофил не раздвинет её холод коленей.

Что ж, танцуй среди гробов. Сарабанда твоя не страшна.
Ты не в силах грозить даже бредом лунарных кастраций.
Боги смотрят. Им гадко. К их горлу ползёт тошнота.
Их немного мутит сладковатой волной сублимаций.

Сергей Яшин

ОСЕННИЙ ПАРАДИЗ

Бледна лилея. Тёмен тис.
И я — сатир. И ты — менада.
Налились гроздья винограда.
Ты виноградом причастись.
Ты виноградом причастись,
Ещё вином — в нём горечь яда;
Когда в период листопада
Так сладострастен парадиз.
Так сладострастен парадиз...
Нам не желать иного сада.
Я боль твоя. А ты — услада;
И боль и страсть переплелись.
И боль и страсть переплелись,
И вновь нарушена преграда.
Не различаем верх и низ.
Я прозреваю. Это надо.
Я прозреваю это надо.
Он неизбежен. Наш каприз.
Бледна лилея. Тёмен тис.
И я — сатир. И ты — менада.

ВЕНЕРА

Когда я Ваше созерцаю тело,
Богиню вижу я, что вышла на песок
Из моря, где всего священного исток
Берёт начало сущностно и цело.
Ещё Вы дразните ознобом Ваших ног,
Прикрывши грудь и лоно неумело.
И словно вся Природа онемела,
И словно онемел её создавший Бог.
Вы приближаетесь из глубины морской,
Как будто вся в истоме золотой
И воплощаете магическое злато.
Невинности плоды, что с привкусом разврата,
Вы приближаетесь, сверкая наготой,
И тут же тонете в жемчужности халата.

Сергей Яшин

БЕЛТАЙН

Майское Древо,
Хлеб и вино.
Вкусим же, девы,
Что суждено.

Сбросим покров,
Будем плясать.
Лона готовы
Семя принять.

Чресла разъяты...
Губы горят...
Что нам расплаты?
Рай или ад?

Праздник колдуний
И колдунов.
В ночь полнолуния
Звёздный улов.

Тайны напева
В скинии тайн.
Майское Древо...
Праздник Белтайн...

ПРИЗМЫ

Мы — зеркала. И в нас глядится Бог,
Свои же различая отраженья.
Он видит тупики и множество дорог.
Загадки все и все свои решенья.

Мы — зеркала. Мы — призрачный чертог.
Дробятся образы, и взлёты, и паденья.
А Бог глядит. А Бог в недоуменье,
Себя узнав. О, кто подумать мог!

Божественность игры. Сияющие призмы,
Где каждая себе самой двойник,
И на себя глядит без укоризны.

Бог к зеркалам всем существом приник.
Его гримасы без конца капризны,
И нравится Ему изменчивый свой лик.

Сергей Яшин

РОНДЕЛЬ ЕДИНОРОГА

Когда к тебе придёт Единорог,
Его ты встретишь лепестками лилий.
И ты сама — не рог ли изобилий
Груди, и ягодиц, и ног?

Я знаю, близок век идиллий,
Его когда-то я предрёк.
Когда к тебе придёт Единорог,
Его ты встретишь лепестками лилий.

Сомлев совсем от боли и бессилий,
Ты ощутишь его алмазный рог.
А крылья белые куда-то уносили...
И скажешь ты: «Не это ли мой Бог?» —
Когда к тебе придёт Единорог.

РОНДЕЛЬ ЗАКАТНОГО ЧАСА

В часы священного Заката,
Тебя я буду орошать.
Ты алхимическое Злато?
Иль алхимическая Блядь?

Скрипит ритмически кровать,
Со мною ты, опять крылата.
В часы священного Заката,
Тебя я буду орошать.

Ты сладострастием разъята.
Ты гримуар. Тебя читать
На плитах тайного разврата.
И вот шепчу тебе опять.

Серёдкина Татьяна

ПЕЧАЛЬНОЕ ЗАБВЕНЬЕ

Я думаю, с тоскою глядя вдаль,
За мною радость, впереди — печаль.
Знаешь, мне себя совсем не жаль —
И попадает мир под чёрную вуаль.

Не смотрю я больше никому в глаза,
Знаю — в душе моей сумрак навсегда.
Грустную историю несусь в надежде я,
Что когда-нибудь помилует судьба.

А пока, глядя на лунный свет,
Ищу в нём долгожданный мой ответ.
Невольно продолжаю быть одна —
Увы, покинула меня судьба.

Сопрано

* * *

Был человек и был бы забыт историей.
Умер, родился — все выходные данные.
Он превратился в Чарльза Роберта Дарвина
после того, как придумал одну теорию.

Бедный Колумб третий месяц не видел берега.
Маленький Эдисон ночью под шкафом прячется.
Страх потеряться заставил открыть Америку.
Страх темноты заставил придумать лампочку.

Страшно подумать — останемся ли, исчезнем ли?
Гениев мало, прочих — открыто множество.
Хочется жить забывчиво, безболезненно,
не ощущая собственного ничтожества.

Так исчезают в пределах мира в процессе осмоса.
Нас не похвалят Гагарин и Армстронг, надо же:
мы перестали мечтать о полётах в глубины космоса,
страх посмотреть наверх заставил уткнуться в гаджеты.

Если стремились к технической революции —
вот оно. Всё, что нам нужно, дадено.
Страх утонуть на дне Марианской впадины
затормозил развитие эволюции.

Всё, что нам нужно — земного происхождения.
Если вопрос известен, о чём вы спросите?

Как удалён от нас марсоход Curiosity,
сам себе песню поющий на день рождения.

Горы на Марсе высятся бастионами.
Эхо от взрыва шумит на своём наречии.
Звёздная пыль — одна его миллионная.
Мы — её часть.

А значит, бояться нечего.

Сопрано

* * *

Проще чем кажется: пятеро — я и стены.
Первое слово дороже второго.
Третьим нам раздирают горло на кровь и тенор.
С тем, что осталось от слова, играют дети.
Я улыбаюсь только котам и детям.

Так и живём, пробавляясь китайским рисом
без ничего: табачный дым воздух выел.
Вот уже несколько лет адресаты писем
больше покойные, нежели чем живые.

Каждый имеет право устать бороться.
Это — не потолок, но моя граница.
Лучше остаться, но не задавать вопросов,
я — не пророк, я вообще не успел родиться.

К чёрту бушующий в кране камчатский гейзер.
К чёрту накрученный счётчик, двойные двери.

Над головой взрывается Бетельгейзе.
Каждую ночь взрывается Бетельгейзе.

Это — единственный повод себе поверить.

* * *

Снится, что рядом те, кто был далеко.
Вот и молись потом, чтобы скорей сбылось.
Письменный текст выстрелом в молоко
устную речь прошивает почти насквозь.

Через меня прорастает город, течёт река,
устная речь — плотина моей тоске,
я не запомню, кто где, кто куда, кто с кем,
это не нужно: читай по моей руке,
линия жизни понятнее дневника.

Линия жизни — змейка капризных рельс,
карта дорог, чёткий и ровный пульс:

Слышишь, я еду. Вот я почти что здесь.
Слушай сюда: я скоро к тебе вернусь.

...Время на сон, время побыть людьми.
Хочешь, поплачь в плечо, не стесняйся слёз?
Хочешь, садись. Показывай, что привёз.

Главное, обними меня. Обними.

Сопрано

* * *

Оконный проём покажет бетонный лес.
Экран не отстанет: добавит дурных вестей.
Я слышу: «чего ты хотел, оставаясь здесь?»

Подумав спросонья о предстоящем дне,
Ты правда захочешь покинуть свою постель?»

Вы ничего не знаете обо мне.

Не самое главное руки держать в тепле.
Каким языком говорить о своей земле?»

Никто не желает, чтоб я говорил о ней.

Зайди в сувенирную лавку: соборы, дворцы, маяк.
А глянешь в окно — реальность сажай на клей.
Нас в детстве учили роду «... — она моя».
Теперь бы понять, что станется с ней, моей.

Я — боль, а не тот, кто подпишет больничный лист.
Я знаю язык и задачу: придумать чит.

Прохожий идёт по земле, голубыми глазами чист,
и носит в себе вопросы.

А сердце-рецидивист не знает ответов.
И только стучит.

Стучит.

Сопрано

* * *

Когда-то давно меня попросили написать стихотворение
о человеке, который играет в оркестре на треугольнике.
Мне почему-то сразу представилось,
что он самый несчастный на свете музыкант,
будто бы смотрит на скрипачей и думает «вот бы я мог играть на скрипке»,
смотрит на пианистку, и думает «вот бы я родился с тонкими пальцами»,
смотрит на контрабасиста, и не видит его за фигуристым инструментом
и завидует, завидует, завидует всем.

Будто бы он самый одинокий на свете человек,
и жить ему на самом деле не очень хочется,
и на треугольнике играть тоже не очень хочется,
и вообще он мечтает всё бросить,
уехать в Гваделупу или другую страну,
местоположение которой он даже не знает,
и перестать играть на треугольнике навсегда.

Я прямо пишу и вижу,
как количество драмы в этой истории
увеличивается в геометрической прогрессии,
и хочу перестать увеличивать эту драму,
потому что никакой драмы здесь изначально не было.
Никто не погиб,
не повесился,
ни от кого не ушла жена,
никто даже не простудился тем холодным весенним утром,
когда человек, который играл в оркестре на треугольнике,
перестал играть в этом оркестре на треугольнике
и уехал в незапланированный отпуск, никого не предупредив.

Он думал, что никто не заметит,
что сегодня он не играет в оркестре на треугольнике,
но чистая нота его треугольника
была первой, что слышали зрители
после того как поднимался занавес,
показывала скрипачам, когда вступать,
настраивала на нужную тональность пианистку,
помогала контрабасисту сосредоточиться,
задавала тон всему музыкальному произведению,
оказывается.

Сопрано

И поэтому в первый раз за все годы,
что человек, который играл в оркестре на треугольнике,
играл в оркестре на треугольнике,
никакой пьесы не получилось.

Скрипачи вступили не вовремя,
пианистка сфальшивила,
контрабасист забыл перевернуть ноты,
а дирижёр, говорят, даже расплакался.

Никому из зрителей не понравилось,
потому что кому может понравиться,
что человек, который играет в оркестре на треугольнике,
взял и перестал играть в оркестре на треугольнике,
никого не предупредив.

Вы это читаете и даже не догадываетесь,
что именно я тот человек, что играет в оркестре на треугольнике,
и оркестр состоит только из меня, и только я здесь играю на треугольнике,
вот, смотрите, это мой треугольник, и только я умею на нём играть,
ни у кого никогда не будет такого треугольника,
а даже если и будет, он не сможет извлечь оттуда такой же звук,
как я извлекаю из собственного треугольника,
это только мой треугольник, и я никому его не отдам.

Вы немного догадываетесь, что я не о треугольнике.
Вы даже не догадываетесь, что это стихотворение.

Стефания Данилова

* * *

А что, если мы — поколение, что обречено на бессмертие?
Об этом идёт потепление, об этом не пишут в масс-медиа.
Не надо в больницы и клиники, к тибетским монахам прославленным,
не то чтоб мы снобы и циники, но вспомните, как там послали нас,
сказали нам, как искалечили, хотя вроде голосом ласковым:
что ждёт нас в итоге конечная, что будем ходить седовласые,
покинуты Богом и семьями, в коричневых пятнах и с тромбами,
и что не пожнём, что посеяли, что времени нет всё испробовать,
что нужно сосредоточение, таблетки и масло массажное,
и надо бы плыть по течению, и к сердцу прижать только важное.
Забудьте о мраморной старости! Не слушайте тех, кто сулит её.
Она — как занудная староста, девчонка, ужасно солидная,
в очках, без улыбки, сутулится, не ходит на тусы и за руку:
сбежим с ней вдоль солнечной улицы, поделимся смехом и завтраком,
научим читать не учебники, покажем весну и ужастики,
таким посвящением в кочевники лицо изменилось без пластики.
Пусть будет единственным возрастом лишь молодость, молодость, молодость!
Мы, сладким измазавшись хворостом, прогоним декабрьскую холодность,
обнимемся крепко с любимыми, секунду назад не знакомыми,
дожди станут белыми винами, рисунки на окнах — иконами.
Мы звеньями станем кольчужными, и пальцы сплетутся аккордами,
не будем больными, ненужными, потерянными, злыми, гордыми.
Мы станем тут все музыкантами про жизнь и про семь цветов радуги,
беседовать будем загадками, как жемчуг рождают из раковин,
замалчивать бедное прошлое, седое, в морщинах и трещинах,
и будет отсутствовать пошлое повсюду в мужчинах и женщинах.
Нет больше ни внуков, ни правнуков: все словно друзья закадычные.
Закидываем ногу на ногу, плевать на тупые приличия,
на воротничок отутюженный, цвет кожи, наследие, звание,
скандал по горелому ужину и высшее образование,
на то, что подумают нижние, на то, что не выспятся верхние.
Мы на лето спрячемся в хижине без страха, упрёка и техники,
мы будем кострами, прогулками, гитарами и хороводами,
шагами бегущими гулками, закатами или восходами.
И время найдётся для каждого: кота, автостопщика, странницы,
учить наизусть и ухаживать, прощать, но ни разу не стариться.

Успеем во всём поучаствовать, познать все богатства несметные:
мы счастливы, счастливы, счастливы. На вечные веки — бессмертные.

Стефания Данилова

* * *

Всё к Самайну идёт, как Самайн — ко всему.
Свет старательно погружает себя во тьму.
Я покорно иду во внутреннюю тюрьму,
удержать меня не получится ни уму,
ни молитве, ни сердцу, ни правилу, ничему.

Несмолкаемые беседы и блеск витрин,
улыбаются с них манекен или нектарин,
этот вальс бесконечен: раз-два-три, раз-два-три.
Ничего, ничего, ничего мне не говори:
я живая, и я свечусь у себя внутри.

Не зови в те места, где будут кричать и петь,
новорожденной тишиной умирать в толпе.
Я прирастаю пеплом к печной трубе
изнутри, расцветаю мхом на глухой тропе,
я молчанием возрождаю себя в себе.

Пять колод одинаково видят, что впереди.
У себя разменявших будут идти дожди,
да выстукивать: «ничего, ничего не жди...»
Всё к Самайну идёт, и ты к нему приходи.
Утром выгорит чёрный дым у меня в груди,
уступив свято место ведьмину ноябрю.
Утром я с тобой непременно заговорю.
Но о том, что во мне творилось по октябрю,
и поломанной ветви, и мёртвому снегирю,
расскажу, как попутчику в поезде — о судьбе.
Не тебе.

* * *

Дорожные ленты — из них ни одной прямой.
Мой дом — это лето, и я возвращаюсь домой.
В нём окна и свечи, заброшенные сады.
Я — миф. Я — развенчан, развеян по ветру, я — ты.
Я — сахар цунами, я — бархат фруктовых щёк,
И бог, и чёрт с нами, и кое-что ещё,
Малиновые монеты, миртовая вода.
Мой дом — это лето, и я пришёл навсегда.

Стефания Данилова

* * *

Помнишь, как пел густой изумрудный лес?
Что ни травинка, то оголённый нерв.
Кто-то привёл пожар, чтобы лес исчез,
чтобы земля сгорела до самых недр.
Значит, взойдут железо и оргстекло.
Пламя не знает жалости и границ.
Здесь никогда не будет светло, тепло.
Здесь никогда не будет зверей и птиц.
Здесь никогда не будет вакантных мест
добрым словам и маленьким чудесам.
Всякий, кто мне напомнит, как пел мой лес,
на опалённой сцене споёт с ним сам.

* * *

Здравствуй, кто пришёл к тебе с приветом, рассказать о солнце и луне? Я здесь совершенно не об этом. Это лучше ты поведай мне, почему вокруг заспинный шёпот громче репродуктора звучит, почему приобретённый опыт — это устаревшие ключи, из кафешки сахарный пакетик, из сортира спизженный журнал, второпях допитый энергетик с сигаретой «Беломорканал», дом-работа-дом как круг почёта ради пары стёршихся подошв, студбилет и два билета к чёрту, ты туда со мною не пойдёшь. На вопрос вопросом по-еврейски спрашиваешь, кто я и зачем, словно двадцать пятый кадр нерезкий, постоять пришла в твоём луче?

Это я, без громких слов и музык, медленно курящая взятяг, это я, гражданский биомусор, сериально-книжное дитя. Это я мечтаю о великих чувствах, претворившихся в дела. Это я — безделица, пылинка, та, что всё на свете не смогла. Не смогла сломать себя во имя — хоть твоё, хоть Богово, хоть чьё, не смогла согретою быть твоими лживыми словами в семь ручьёв. Не смогла быть в короткометражке не героем даже, а стеной. Потому что мне, наверно, важно, чтобы ты и правда был со мной. Потому что мне, наверно, правда важно быть соавтором, а не той, кто и второму плану рада на твоей враждебной стороне.

Я всегда влюбляюсь в звездочётов, тех, кто вовсе не существовал.
Господи, какой уже по счёту это феерический провал.

Знаешь, мне и ты теперь не нужен, потому что выдуманный мной образ стал мне кем-то больше мужа, а ему я — больше, чем женой.

Уходи! Лиха беда начало, хорошо, что не было его.
Образ будет днями и ночами создавать тебя из ничего.

Стефания Данилова

* * *

Я хочу с тобой познакомиться, старый дом.
Пить из чашек твоих и спать на твоей постели.
Запах старого фонда сильнее пьянит, чем ром,
а из окон твоих не так и страшны метели.

Не любитель гостей, выделяешь меня в толпе,
обращаешься, как отец лишь сумел бы к дочке.
Быть бессовестно ближней каждому, кто в тебе,
быть влюблённой в них вместе, а не поодиночке.

Я не буду сбегать в полуночный беспредел,
возвращаясь под утро, не буду водить мерзавцев,
чтобы ты потолком от курева не седел,
я хочу в тебе быть, а не просто тебе казаться.

Из углов — тени мёртвых, из шкафа — скелеты прочь!
Будет каждый сервиз к ладоням моим податлив.
Чтобы ты предо мной свой страх сумел превозмочь,
я в тебе поселю симфонию красных платьев.

А когда мне пространство с временем станут жать
так, что я окажусь у порога, полуживая,
пригласи меня жить. Покажи, как в тебе дышать,
на полуслове отказа перебивая.

* * *

Я прописан в свинцовом городе, населённом детьми приёмными,
и карману, и сердцу дорого расставаться с его районами.
Курит старая бакалейщица, первоклассники ходят с тройками.
...замка грозного шпиль мерещится за клишейными новостройками...

По дорогам, покрытым наледью, очень страшно ходить без музыки:
постоянно выносят на люди содержимое личной мусорки.
Мало хвойных и мало лиственных, абоненты всё время заняты.
...отчего же мне сад таинственный в дряхлом видится палисаднике?..

Обстригают сосульки коротко представители журналистики.
Я прописан такому городу как лекарство от урбанистики,
я ввожу ледовитым улицам внутривенное равенство...
город кашляет и сутулится...
Это значит, что я не действую.

Стефания Данилова

FOUR IS FOREVER

Это было письмо с претензией на легенду.
Как бутылка роскошного виски на четверых,
что хотели вцепиться в логику хэппи-энда,
и горячка в квадрате рождала в листах мира.
Нам сто лет было только вместе. И нам мечталось,
не срываясь с пера, с кисти и с языка,
как соболиной мантией ляжет старость
на четверых, встречающих свой закат.
Мы хотели войти в Историю как герои.
Чтобы это была История про любовь.
Не размениваясь на двое или на трое,
или наш королевский синий — на голубой.

Как любая афиша однажды устаревает,
покрываются пылью плечи цветных домов,
так походка у памяти делается кривая,
а сама она — чуть заметная, как дымок.
Может быть, от неё не останется даже шрама.
Может быть, что потом не вспыхнет и рецидив.
Но пока я упорно вижу обломки храмом,
не могу пройти, имя сквозь зубы не процедив.
Что ужаснее: государственная измена
или тахикардия, набитая на пароль?
Разве здесь вероятен шанс на автозамену?
Есть ли кандидатура на важную эту роль?

Нам дало слишком много знать это злое лето.
Рвётся карта под пальцами той, кто теперь — солист,
а была вторым полушарием для квартета
или сердцем дуэта, который не смотрит в лист.
Нас должно было быть здесь Четверо. Но не стало.
В книге залита кровью отрубленная глава.
Так История в ночь отводит глаза устало,
не подобрав ни музыку, ни слова.
Что с собой не забрали волны, то ветры сдули.
На четверых нам тысяча тысяч лет.

Нас останется Четверо в том золотом июле.
Там не будет закатов.
Там будет всегда рассвет.

Стефания Данилова

* * *

Мне пророчили синеглазого жениха, с волосами чернее воронова крыла. Говорили, он о семи грехах; в нём, как в синем пламени, мне пылать. Он ни разу не был в моих стихах. Я надеюсь, что мне гадалка о нём врала. Не пускаются ноги от счастья в пляс от таких вестей, а валят меня в траву. Что мне синий цвет его сочинённых глаз, раз твои создают мне лучшую синеву? Я не замуж хочу, а заново в первый класс. Не хочу узнать от других, зачем я живу. Ни одной гадалке меня не определить, ни одному экстрасенсу и колдуну. Я сама себе — веретено и нить, не лежащая к другому веретену. Не гореть моему шитью и в воде не гнить, я шелкопрядом из сердца его тяну. Как протянута эта нить от меня к тебе, так твоей руке протянутой быть ко мне. Как есть вечный смысл бежать от себя к себе, так нет смысла на переправе менять коней.

Раз судьба нас лбами сталкивает в толпе и высекаются звёзды, то ей видней.

34 БУСИНЫ

...Ей пророчили сами звёзды стать звездочёткой, но она предпочла о них ничего не знать. Тридцать четыре бусины в синих чётках даровали ей право на тридцать четыре сна. Носит их практически не снимая, вычитанное помня из мудрых книг: если она кого-то во сне поймает, то непременно утром проснётся с ним, кто бы он ни был, пусть из другой вселенной, высшим велением он предназначен ей. Потому что он там, во сне — как военнопленный, а ей без него в реальности — быть ничьей.

В первом сне она сказала ему «не бойся». Он изучал её издали, не спеша.

После первого сна стала одна из бусин потускневшей, как чья-то выпитая душа.

Сон второй оставил после себя напевный синеватый след, ускользнувший в её окно. И вторая из бусин стала тусклее первой, как два глаза, в которых резко стало темно.

Третий сон обещал свидание в старом парке, но будильник был непреклонен, как древний страж. Дальше были несуществующие подарки, и улыбки, и чай, и было совсем не страшно...

...но условие заклинания — прикоснуться, чтоб в сцеплённых ладонях связующий свет возник.

Тридцать четыре бусины не порвутся,
тридцать три,
тридцать две,
осталась одна из них.

И она уже быть одинокой решила твёрдо,
тридцать три серебром? [на бусинах — повторим...]

Но когда ты ей приснишься в тридцать четвёртый,
то держи её крепче,
чёрт тебя подери.

Флай (Ольга Мирошниченко)

ИЩУЩИЙ СЕБЯ

Мы когда-нибудь встретимся. Место горит на карте
ясной млечной звездой, ярким сливочным маяком.

И наполнятся реки звёздные молоком,
и родятся на свете дети — Винсент и Мартин.

И на завтрак мы будем молча внимать дождям,
пить пуэр и хрустеть круассаном с каким-то сыром.
На обед будет сытный суп, а на ужин нам
неприменно достанется нежность. И ляжем с миром.

Засыпать, бормоча о бессмертно простых вещах,
будем вместе, в обнимку, в грозу, снегопад, безлунье.
Будет Мартин сопеть в обе дырочки, и безумье
обойдёт этот дом стороной. И Винсент впотьмах

прибежит под бочок, как игривый зверёк-волчонок,
и луну неожиданно в форточку разольют,
и печаль растворится, и Мартин с улыбкой тут,
и Винсент успокоится. Ночь растворит свой морок.

Будет Дженни творить и как будто бы вспоминать,
как жила до тебя — всё, чудесная, что-то пела.
Будем быть, будем плыть, уезжать, говорить, шептать.
Будем мы, будет дом, будут дети, и будет дело.

Как тебя будут звать, я не знаю, но ты, мой сон,
уже тысячу лет прилетаешь. Лица не видно.
Мне с тобой горячо, настояще, люблю, не стыдно.
Обнимаешь, крадёшь, говоришь, принимаешь. Он.

Хенарос

* * *

Когда не держат духовные скрепы, а в канун Рождества пляшешь с мёртвыми предками в их ритуальных одеждах, тогда остаётся одна лишь надежда... На любовь, что высушивает без остатка, к которой взывает всё видящий взор. Любовь — это лупа, через которую видишь замысловатый узор... на торжестве похорон умерших, но не ушедших предков. Я не подбрасываю монетку, чтобы узнать, почему это он. Этой любовью насытятся все духи, так мы пройдем это бардо. Всё, что известно всем о всех (в том числе и о нас), — это всего лишь слухи, есть мы, нет нас — значит, так надо.

* * *

Когда опрокинешься в зазеркалье зелёных зрачков этой богини, тогда понимаешь, что нет столько слов для того, чтоб оттуда себя всего вынуть. Тогда осознаешь улыбку, с изнанки развороченную... Со смертью встречаешься зыбкой... Заочно... Заочно.. И в точку.

* * *

Летел на дно, расправив руки,
Летел во тьме, летел, смеясь.
Мелькали встречи и разлуки,
Сквозь белый снег, сквозь злую грязь.

Мимо божественных застолий,
Мимо поминок у холма.
На дно колоний и подворий,
В рай необливанного дна.

И, вновь раскрыв немые руки,
Не дописавшие картин
Обнимут свиту той старухи,
Которой он навечно сын.

И свет увидел он со дна
Лишь в отраженье темноты.
Увидел: он была — она,
Она была, конечно — ты.

Эйфелия

НЕБОСКРЁБЫ

Раньше город был местом тихой и ветхой тоски,
Средь безносых трущоб и голодных прохожих.
Да, всё уже в прошлом, всё кануло в бездну тиши,
В закоулках сгорают подлые, грязные души.
Ну, а теперь? А теперь посреди городской суеты,

В небо вгрызаются стоэтажные небоскрёбы,
Гравитация нарушает все законы Земли,
И тянутся вверх пустые, холодные жизни ростки,
Это прогресс, высочайшая точка архитектуры!

Ленин молчит, иссякли всякого смысла вопросы,
Перед ним империализм распускает свои лепестки,
Это чуждые корни, не его пропаганды бутоны,
Вот, оказывается, как выглядит эталон красоты:
Бездуховное величие и острые грани кроны!

У власти давно с человечностью разошлись пути,
Здесь правят машины, нет правды, реальной свободы,
Миллионы трудящихся давят, зажимают в тиски,
Здесь никто не слышит из груди даже стоны.
По улицам бродят никому не нужные старики,
А после аборт в женщине остаются детей фантомы.
И каждый батюшка за пазухой имеет лишние грехи,
Затёртые глаза деньгами и горделивые хоромы.

С иконами святых абсурд, безумие здесь не нужны,
Так пусть же смывают нечисть на улицах дожди,
И вместо стеклянных Лего строятся аллеи и дороги,
И люди воздвигают свой мост надежды и ждут весны,
Где каждый мог бы поделиться между собой мечтами!

Эйфелия

ДОМ ВВЕРХ ДНОМ

Я когда-то имела с окнами и дверями большой дом,
С зелёными балконами, соседями, живущими в нём,
Там за каждой стеной гремели кастрюли и пахло борщом,
А каждый этаж был пропитан скандалами, и был разгром.

Там я танцевала в комнате, возле закрытого шторами окна,
Включая телевизор, слушала, как играет гитара, одна струна,
Смотря в отражение в шкафу, представляла балериной себя,
Стройной, грациозной, покорившей харизмой многие сердца.

Ещё я играла с ребятами на широкой площадке в «квадрат»,
Четыре равные части прямоугольника, и в каждом углу игрок,
Почти не касаясь земли, каждый подавал мяч, ну, кто как мог,
И до вечера пинались друг с другом, пока коленки не задрожат.

В этом дворе все влюблялись, иногда мне казалось, что наугад,
Девчонки курили, мальчишек пленяли их легкомысленные слова,
Я же, белая ворона, не плела интриг, часто стояла в стороне одна,
И каждую ночь на небе рисовала свою жизнь, пока шёл звездопад.

Попивая чай на балконе, смотрела на огни проезжавших машин,
Как от света прожекторов на стадионе у кошки сверкали глаза,
А вдали заманчиво мигала реклама старых магазинных витрин,
И кучку пьяных мужчин на остановке, которых куда-то манила луна.

А теперь на этой улице хочется перевернуть дом вверх дном,
Здесь слушают рок и правит серая молодёжь, ни одного старика,
Меня там больше нет, место детства превратилось в притон,
Меж подъездами, в подвалах, началась наркотическая война.

Раньше за каждой стеной гремели кастрюли и готовили борщ,
Люди были живыми, зато дому от силы жить несколько дней,
Над головой плывут тучи, и постоянно льёт кислотный дождь,
На крышах воет ветер, а на деревьях уже не поёт соловей.

Я там уже не живу, но от этого не становится на душе теплей,
В моей голове: «чем я могу им помочь?» — а по телу дрожь,
Неужели на этом конец, я растеряла здесь лучших друзей,
В лучах последнего заката не угасает сердца боль...

Эйфелия

НЕ ВАША ДВЕРЬ

Бесполезно ломиться — никто не откроет вам дверь,
Здесь закрыто, а ваши ключи не подходят к замку,
Это старая дверь — слышен скрежет железных петель,
Вы пришли не по адресу — в трещину узкую лезет паук,
Разжимает кулак тишина, на крыльце надсмехается тень,
Наверху полотна нарисованный страж — жёлтый круг,
Повидавший десятки трагичных картин — мизансцен,
Зависает душа его над отпечатками ваших же рук,
Почему эта дверь? Для неё вы — неродственный ген!
Вы стучитесь в себя — в голове пустой звук,
Оглянитесь вокруг! В этом мире сотни дорог и путей,
Отыщите свою! Прекратите вести немую борьбу,
Говорят, есть у каждой двери своя ноша через плечо,
Открывается только тому, кого любят и ждут!
Если вступишь уже за порог, то подарит покой и комфорт,
Эта ж дверь слишком ломка, древесный каркас разбух,
Ей не нужен никто — пролила уже тысячу слёз с дождём,
Её бросил хозяин, он умер — летает взъерошенный пух,
И она вместе с ним, свою верность ему бережёт,
Кое-где слезла краска, и брэнная жизнь подходит к концу...

СИЛУЭТЫ

Мартовское утро, пелена и благовония персикового сада,
Она — бело-розовый мотылёк, и на её щеках сладкие румяна,
В комнате витают сокровенные, смиренные звуки «Аве Мария»,
Кружа голову и волнуя кровь, она не может коснуться его взгляда.

Встав в позу «апломб», она вращает мысли в такт музыки свободно,
А он начал робко с ноты «до», но не допел, слышен дыханья рокот,
Руки, улета в обе стороны, сходятся в двух точках вертикально,
Её тело тянется вверх, а губы предвкушают бархата шёпот.

Их чёрные силуэты смешались с жёлтой краской случайно,
Вязь псалмов священных слов растекается неслышным звоном,
Здесь есть какая-то связь, которую они прячут в своём сердце тайно,
Но им не понять друг друга, надеждам не суждено быть рядом...

Эйфелия

МОРЕ — МОЁ СПАСЕНИЕ

Море, я хочу к тебе вернуться,
Мне с тобою тихо на душе,
От проблем на миг могу забыться,
Мне в твоём уютней шалаше,

Помоги вкус жизни не утратить,
Чтоб сосуд любви не стал пустой,
Помоги из сердца сбросить камень,
Чтобы вены не наполнить тьмой,

Там, где нет тебя — засохши люди,
Сколько ими сожжено мостов,
Из-за них теперь тону я в драме,
Опускаюсь якорем на дно,

И в глазах моих нет водной глади,
Я не вижу свет от маяков,
Рассыпается во мне фундамент,
Разъедает соль моё лицо,

Море, схорони в песке останки,
Всё, что было живо, — всё мертво,
Пусть сгорают под палящим солнцем,
Может, зародится новое зерно,

Вырастит большое дерево прощенья,
По корням найду своё родство,
И не буду чувствовать себя изгоем,
Каждый будет волен от грехов,

Море, стань моей рукой спасенья,
Смой всю накопившуюся боль...

Эйфелия

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Возможно, для вас есть ещё два десятка, три тысячи лет,
Познать эту жизнь, распланировать каждый час наперёд,

Для всех остальных, в том числе для меня, существует лишь миг,
Сегодняшний день — за него я цепляюсь в глубинах мыслей своих,

Любой такой день представляет собой нерасхожую тропу,
И всё потому, что никто не желает шагать вместе с Богом,

Все жмурятся, молча кричат, убегают от сути — в сознание пробелы,
И в это время машины плывут по дороге в каком-то кривом туннеле,

А день ускользает из виду, и в центре событий второстепенный герой,
Поэтому жизнь понимает — придётся самой играть главную роль!

Сегодняшний день — это здесь и сейчас, это пульс внутри тела,
Вибрация действий, скачок, это точка отсчёта конца и начала,

Звено между прошлым и будущим в этой Вселенной,
И многие люди сознательно прячут рукой светило на небе,

Так проще, легко проморгать киноленту пришедшего дня,
Внимание не заострять на ошибках, деталях, себя!

Все будто живут в зазеркалье, скрываясь в тени своих эго,
В игре с одним стулом гоняют по сцене знакомых по цеху!

Сегодняшний день — вижу то, что хочу, а не то, что хотят,
Прожить его так, чтоб навеки запомнить, и то, за что будут помнить меня!

Эйфелия

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ

Когда ты боишься правды — два пути,
Один: забиться в дальний угол комнаты,
Укрыться темнотой и поверить лжи.

Другой: бежать от угнетающей пустоты,
Ища спасения, признавая свои грехи,
Оставить своё эго далеко позади.

Сделай выбор — впереди обречённость,
Ну же, не плыви течением беспечно,
Не ищи в надежде эфемерность!

Твоё настоящее всё равно быстротечно,
Не жди, когда будет бытия тленность,
Ты не понял — бежать от себя бесполезно!

Никто не услышит порыв твоей души,
Чувствуй, как гордость пожирает изнутри,
Твои крики похожи на рваные стоны.

Ты не хочешь покинуть жизни плен?
Ждёшь, когда время задушит насильно?
И сердце не требует никаких перемен?

Значит, твои мысли живут отдельно,
А в голове дыра, сбой в системе,
Пожалуй, тебе на всё параллельно.

Ctrl-Z ничего не решит в этой схеме,
Уже слишком поздно или ещё рано,
Похоже, я теперь в этой дилемме...

Элиас Отис

СИРЕНЕВЕНЬКАЯ ГЛАЗОВЫКОЛУПЫВАТЕЛЬНИЦА

*Если ты дурак — нет путей иных,
Кроме как с узлом пиздовать в закат».*

© Нэлла

А мотыльки серчали из ночи в ночь,
Жрали похлеще совести да вины.
Если в одно и то же вступать говно —
Можно решить, что нету путей иных.

Чья бы мычала — да не серчай зело
За полуфразы, снятые с языка.
Сколько ещё их, стянутых в узелок,
Спросит однажды: «Где там у вас закат?»

Воли до края — сами себе Рабле.
Станет ли сил — стоять поперёк блазни?
Вот тебе на семь вёрст миллион граблей,
Чтобы за ними — тысячу ли без них.

Короток ночи век — да случись чего,
Не отоспишься за стопицот пралай.
Если мышиный писк — будто волчий вой,
Значит, сестрица, не опускай крыла.

Значит, страница новая начата.
Значит, закатам этим не век сереть.
Кактусам жамалистовым не чета —
Пламенем Беллетейне горит сирень.

ГОЛОВА ИДРИСА

На меня, дурного, не сердися,
Мною, обновлённым, возгордись!
Мне подарят голову Идриса,
Чтобы был я мудрым, как Идрис.

Стану я и чище, и добрее,
Словно в песне про миелофон.
Бороду седую не обрею
Под его седую головой.

Проживу я дольше лет на триста
Или на три тысячи, ой-йе!
Мне поставят голову Идриса
Вместо недоделанной моей.

Элиас Отис

Я гонца отправил за вещами:
Самое святое прихватив,
Я оставлю миру в завещанье
Бритву, щётку и презерватив.

Я почистил зубы и побрился
(Прочему — и вовсе нет числа).
«Помяни в Писании Идриса»,
Как нам заповедовал ислам!

Не горюй, не радуйся — и всяко
Свечи поминальные не жги.
Вот уже подходит мой кайсяку.
Вот уже слышны его шаги.

Сплетни потонули в белом шуме.
Над Потопом высится Кайлас.
Я уже раз девяносто умер.
Что мне девяносто первый раз!

Я не параноик и не шибзик.
Жизнь моя, добавки не проси:
Я готов!..
Но, видимо, ошибся,
Что тебя проститься пригласил.

Ты мне тихо шепчешь: «Ну же! ну же!» —
И меня целуешь горячо.
«Что мне эта, с бороною! Нужен
Мне ты со своею, дурачок!»

Легче устоять на биссектрисах,
Мне же — танцевать на острие.
Мне не нужно головы Идриса:
Обойдусь лысеющей своей.

* * *

С пелёнок до седин
Ты гвоздь в любой системе.
Не бойся быть один,
А бойся быть не с теми.

Элиас Отис

TESTAMENT

«Будешь ли татью, коли вокруг — твоё? —
Учит меня летать Франсуа Вийон. —
Сердце и чресла не остуди виной:
Тискай пастушек — да не пролей вино».

Истины наизнанку — война войной:
«Веprü порою проще не быть свиньёй.
В юные мехи семя своё вольём!» —
Так заповедал мне Франсуа Вийон.

«Видишь — вокруг собралось пожелать зверьё
Лёгкой дороги с Сены на Авиньон?
Нету причин принимать этот мир всерьёз».
Так попрощался мэтр Франсуа Вийон.

.....

До горизонта скрыла зима жнивьё.
Он усмехнулся мне и нырнул в неё.
Я не в обиде: каждому, знать, своё.
Не береги себя, Франсуа Вийон!

СОOPER.COOPER. (Чёрный Вигвам)

Не волнуйтесь, почил не в бозе я
В этой сумрачной душноте.
Кушай, деточка, гармонбозию:
Совы, кажется, уж не те.

Порастанут следы поганками:
Ночи с совами заодно.
Наши нянечки — допельгангеры.
Следуй, деточка, за огнём!

Здесь не Хогвартс, приносят вовремя
Совы весточки с письмецом.
Круг с двенадцатью сикоморами
Намалякает Васнецов.

Наши ели и сны разлаписты:
Красным бархатом — на засов.
Кушай, деточка! Не обляпайся!
Скушай ложечку и за сов!

Элиас Отис

ПОСЛЕДНЕЕ ИСКУШЕНИЕ X

Меня эмпиреи не торкают,
Искания смысла достали.
Я был и работаю токарем,
Сурово тачаю детали.

Мы с батей обедаем плотненько,
За всю мастерскую и офис.
Мой батя работает плотником
По имени Плотник Иосиф.

Мы с батею оба два Мастера —
Не то что заезжие гуру.
Мы гуру отправили к Матери
И точим свою фурнитуру.

Чудны нам их сказки о вечности,
Но ужин у Матери сочен.
Вернёмся мы к ужину вечером —
И точим, и точим, и точим.

* * *

Теперь мне станет легче во сто крат,
И наплевать с высокой колокольни,
Что ты принёс полупустой стакан,
Когда я так хотела полуполный.

ВСЁ ЛУЧШЕЕ

Я сяду и выйду на третьей.
Кондуктор меня обилетит.
Я помню о солнце и лете,
А не про мобильные сети.
Я слушаю рок на кассете,
Не знаю, кто этот Россетти,
Я верю, что нужно планете
Немного тефтелек к спагетти.
Всё лучшее — бабам и детям!
Пускай толерасты заметят,
Какая я древняя йети,
Но счастье — в вине и в минете.
Под крышкою черепа — ветер.
Скрываются в пряниках плети.
А солнышко светит и светит.
Я сяду и выйду на третьей.

Элиас Отис

AMERICAN GODS

Если курить синтетических жаб в особо крупных масштабах,
То в кратчайшие сроки и сам становишься жабой.

Мальчик, мой мальчик, как бы ты ни был приколен,
Где уж тебе тягаться с брутальностью лепрекона!

Мир возбуждает, пока он ликующе многогранен:
Он не уместится в плоскости телеэкраньей.

По одному рождённые — встань в колонны!
Поле Вигрида давно накрылось звездой голодной.

В усекновенной главе Мимира — клубок извилин.
Молнии расплескали твоих безликих.

Булькай своими жабами, сраный вейпер!
Чую! Сегодня к ужину жарят Вепря!

སྐྱོ་ལྗུང་གནས།

(Сокровищница, полная драгоценностей, устраняющих препятствия)

Полон каждый лист священным духом:

всё едино в танце бесконечном,

нет в нём различения ни в чём.

Я амёба. Я Падмасамбхава.

Втягиваю робко ложноножки,

если горячо; а если вкусно —

к пище простираю их беспечно

иль тяну в любви и состраданье —

их тяну к искомому добру;

тренирую разум между прочим,

чтобы различить, где жар, где пища,

и одно не спутать со вторым.

Тянет пламя жаркие ладони

(ибо для него я свет и пища),

избегая влажного объятья

прелых листьев, гасящих огонь.

Та же, поглотить кого желаю,

Пожирая солнечное пламя,

От меня бежит как от огня.

.....

Я амёба. Я Падмасамбхава.

Малое с великим неразлично.

Всё едино в танце бесконечном,

нет в нём разделения ни в чём.

Элиас Отис

ЙАФОШИЗД

Я фашист: я назвал мудака *мудаком*,
А потом долбоёба назвал *долбоёбом*.
Я бесспорно фашист при раскладе таком,
Коль мудака с долбоёбом обиделись оба.

Мне твердит демократ, и твердит либерал
(И их слаженный хор мне, фашисту, противен):
Мол, мудака — он мудачество не выбирал,
Долбоёб — лишь немножечко *альтернативен*.

«Назови мудака — ну хотя бы *скотом*,
Долбоёба — пускай *не вполне адекватным*.
И тебе не составит труда, и потом —
Ты же сделаешь людям хорошим приятно.

Ну к чему тебе это упрямство твоё?
Их лупили в семье, и не трахали бабы.
Долбоёбушкой будет пускай долбоёб.
Назови мудака — *мудачонком* хотя бы.

Мы-то знаем: ты втайне завидуешь им,
Да и сам ты, должно быть, латентный *мудила*».
Так вещали они. И грустил серафим,
Прикурив папиросу вечерним светилом.

.....

Будь ты даже и негром преклонных годов,
Верь ты хоть в чебурашку, хоть в бога, хоть в йети,
Я с тобой отобедать по-братски готов.
И в разведку готов. Если ты не из *этих*.

Я с телячьими нежностями не знаком:
Пусть тошнит мягкотелых и рвёт твердолобых.
Я фашист. Я зову мудака — *мудаком*.
И не лучшего мнения о долбоёбах.

Яковлев Кирилл Александрович

NULLA DIES SINE LINEA

Питту́рой мы́сль тоща́вая бо́лит;
Да́вно цевни́ца на́ ухо шептала
Мне гла́сом чи́стым мелос, всё велит
Слагать стихи уж мне душо́ю, тало́й
Всё тем тепло́м, дая́ньем, вольным нам,
Чтоб веда́ть бегло, чу́ждо всем искусство,
Дарить се́й ге́ний ны́нешним лета́м:
И зо́лким всем, и морным, едким, грустным;
Да пусть вове́к не тлеет тяжко́ муза!

Плэ́нер из уст явля́ется нару́жу
То́й пла́вной ре́чью, что дру́гих светлей.
Авло́сом воро́шить ску́пую ду́шу —
Не э́то ль е́сть пи́ита апоге́й?
Лири́зм — в гно́ю хо́лодный́ вкус то́й сла́сти,
Что корчи́т тьму́ красо́тами се́рдца,
И зна́ет пра́ведность; к греху́ несча́стен,
Что́ для «глу́хих» уж не вели́к поэ́т,
Что́ для «сле́пых» худо́жник — не вене́ц.

Свои́ я ви́рши сочи́няю го́рстью,
Неле́по скрю́чась над се́дым ли́стком,
А ве́лий тво́й гриза́йль в те́нях всё че́рен,
Но ско́лько в э́том ви́жу анге́льских цвето́в.
Не зна́ю я то́на карти́нных див,
Чу́жда пали́тра, жу́хлость и натура́;
Хотел си́рингу проме́нять на кисть,
Но ли́шь на свет Э́втерпа́ мне ла́зури
Красо́т ка́зала ре́чью в ки́слых сму́рях.

Эста́мпом мра́чным ви́жу со́чный ми́р,
Но о́браз се́й ли́шь Ты́ напо́лнишь све́том.
Чи́таю смы́слом полные́ стихи́,
Не как ка́зисто пи́шут все э́стеты́.
Та́лантли́ва э́тюдом и панно́.
Красно́речи́в гла́голом и мечта́ми.
Ды́шать иску́ством вве́к нам су́ждено.
Ты́ пи́шешь э́йдос то́нкими кистя́ми,
Та́к я тво́рю ду́шевные́ слова́ми.

Яковлев Кирилл Александрович

ЯВЬ ПЛАНИДЫ

I

В низинах стлалась трепетная зыбь,
В камнях щерблённых тверди взморья, фьорда.
К утёсу конем шёл волны изгиб,
Гонимый он невесть куда-то нордом.
И уж решил отчалить ныне я:
Я знал, что сейш покой давно исчерпан,
Что хвили, вечный свой мятеж тая,
Теперь ложились смирно тут на берег.
Вовек бурун вопил — и слышал гул
Скитальцев вечных моря и молящих.
Оттуда вопль, стремясь на сушу, дул...
Но я слышал, как гомон тяжко тащит
Могучим гребнем издалёка вал,
Стенанье жутко веяло с пучины...
Так страдно... скорбно... на земле звучал.
Боялся: мне стенали те глубины,
Маня, о всяких Дальних Берегах!..
В вечер тревожно я внимал асафий
Звучанье, слышал я усопших в снах,
Что бриз всё гонит (глупый...) мне вертлявый.
И вот квазар зажётся ярко так,
И вот ложилась сутемь покрывалом,
И купол смоляной надел чепрак
Над понтом шепчущим, слегка усталым.

II

Атлант всю прелесть мне казал пляд,
Куда рукою дотянуться трудно.
Ох этот мне стожаров пряный взгляд...
Одни космеи лишь лучатся чудно
Средь неоглядной бездны уймы тьмы
Во хляби короба, где пор превечных
Чреда — то Серп бисной, то красоты
Светило — всё меняется, а свечи
Горят!.. Горят и шепчут молча мне
Остаться, поберечь родную душу.
«С чего я взял, подавшись на челне,
Что сих земель родного встретит утро,
Денницы луч коснётся сих ланит,

Яковлев Кирилл Александрович

И ветер мой челнок отправит к свету?
Мне bleu d'amour эфирный осветит —
Какая шалость юного поэта».
Уже обвык я к хворым голосам;
Они трепещут, едко завывая,
Как чадный льстит эфиру всяк дурман,
Что разум хвор, что уж душа больная.

«Сей истину я сведаю засим...
Узрю я сущих правд превратны виды,
И юным искажением твоим
Свободно я поверю в явь планиды».

III

Бронтиды оскверняли на берегах
Прибрежных гряд и страшно величавых
Те скалы, при которых на зубах
Морских уж отмель в щебнях вся в костлявых,
Штыками чёрствыми пронзали шельф.
И было яростно того близ понта;
Болкаты́й рокот бил в пучины бельм:
Вот видел, как Тефида в смерче тонет.
И загубел когда-то живший яр,
Покуда жизнь лилась, как вихрь, взводень,
И всё Рарог внутри не догорал,
Таился он средь мириад свободы.

Родная так на берегу робко плач
Душила, намертво стянув грусть в путы
(С годами стал я в чувствах этих зряч).
Горим пред расстанью тяжёлых судеб.
Она, держа претонкую в руке
Упавшую давно со сливы ветку,
Махала ею вслед, и в голоске
Прощанья слышу с хворой болью, едкой.
Тот дух воздушный дёргал пеньюар
Старинный из шифона и батиста,
И капор рвался на морской пожар,
Чтоб я не шёл душой идеалиста
Неведомо и страстно в край земной,
К подолу на отшибе, к дикой кромке,

Яковлев Кирилл Александрович

Где корба наголо вся скрыта мглой,
Где всякий глаз бывалый худо сомкнут.

И вот отчалил. Иноходь волны
Шустрей галоп-алюра мчит сквозь боры;
И глухо Cantus firmus мне слышны,
Отколь Нерей стремглав несётся с сворой
Прекрасных nereid, и гиппокамп
Его, оскалившись, свой рык проносит,
Крича всем утлым, дальним сим ладьям,
Где уж давно там голмана грохочет.
Напала Гебы юной придурь, шаль:
Плыву туда, где празднует Аглая;
От лет прожитых в чёрную печаль.
«Ad meliora tempora, родная».

IV

Опаловая темь легла на высь,
И затускнели шлейфы той моряны,
Что мучила помоху, громкий свист
Всё грозно разносила вдаль погано,
Шугая все с горючих вод суда,
Страша дожди, неистовые бури.
Но мне сей путь благоволит судьба,
Хоть мглой тут воздух соляной нахмурен;
Инако не напасть мне на талан.
Уж шторм прошёл, а до сих пор хуртаю,
В челне лежу, и бродит всё лохань
В безмерном... и пустом, и скудном крае.
Но видел наднебесный я раздол
Внизу, с воды, звёзд дикие плеяды,
Стеропу дивную с копною лохм,
Электру, что Зевес затмил нещадно.

Каликой я шепчу правдиво песнь
И пелагическим, скупым бродягой
Плутаю в пустоте дурной, как бес
(Скорей, сравить), за долей, чашей всякой.
Дурак! Всё верил гласу в благодать,
В золотые утешенья, ну и что же...

Яковлев Кирилл Александрович

На что душе зелёной уповать,
Какой придётся ведать счастье божье?
Велики силы Нюкты: морок лёг
На понт широкий, необъятный светом.
Ничтожен час... и век... Aeterna pox!
Плыву по таусинным я вельветам.

V

Червонно зарево на небесах
Ложится здесь пунцовыми лучами,
И дуновенье любо впопыхах
Овеивает чуть волнистый мрамор.
Взбудила вдруг скитальца ранина,
Глотая в поднебесье пух кучёвки.
Нефела в небе блеклая скромна:
Её Фосфор огнём бьёт, как бечёвкой.
Но... диво: всё не слышу птичий крик —
Ни хмурых кайр, ни пепельных качурок.
Лишь на кайме лоснится вечный миг
Поры моей пустой, но страсть лазури
Всё манит; кроет мне надежд прозор
И тешит так отчаянья бездумье.
Зиянье мира встретил — вот простор!
Не знал, что жизни свет в утробе умер...
Юдоль моя мне кажется сущий срам,
Когда бесстрастье!.. тщетность дохнет в зыби.
И ждёшь, и любишь жизнь свою, ведь там...
Твоё рождение... любовь... и гибель.

Post scriptum

Сиянье — чуждо мареву — горит,
Чёлн обливая весь венцом чуть блёкло.
Там мается душа и всё дрожит,
Скитаясь в полом мире одиноко.
Средь чадной мглы лампада мреет мне.
Вдали... Хиреет всё. Но прочу: встречу
Натуру, что саднит меня в душе,
Да если только не погаснет светоч.

Яковлев Кирилл Александрович

БУРЕЛОМ

В душевном порханье под флёром тумана
Блуждаю по гати, побитой шургой;
Молочная дребь мне казалась нирваной,
Пока не пронёсся град буйный бедой.
И сонная хмарь участилась повсюду,
И мёртвый и бледный был в воздухе пар.
Порошу покрыла какая-то смута...
Никак захворал мой казистый январь?
Деревья всё сетуют чаще плачевно,
И утлые ноют коряги в глуши.
Почуял ломоту и так в наболевших
Каких-то страданиях светлой души.
Белёсую топь всю ухабы изрыли;
Сгнивает увечный валежник в потьме;
Натура стенает в дремоте под пылью.
А лывы застывшие мари немей...
Немей чем покойный, почивший в погосте:
Не слышу водицы прекрасный ручей.
Корить я незваного буду тут гостя.
Прияла природа урому смертей.
Косые рогозы разбросаны вихрем;
И ветер шугает отсюда меня.
Какая нещадно испортила дикость
Загадочный лепет немотного дня?
Безжизненность чащи, сплошное безлюдье;
Угодья усохшие — просто пустырь.
Друг к другу покрепче сжимаются прутья,
Чтоб легче остаток им выждать зимы.
Бескровность земель, уступивших стихии,
Меня помрачает, но вижу я свет
Не в мире, где души сияют цветные,
А здесь, где почиет бесстрашие в земле.

Приложение 2 к вып. 181, Июнь 2019

- © Идея, концепция, отбор: Альтеры Лалангамены (Братья по Воде), 2000-2019.
- © Электронная версия: «Лалангамена» (Литературный Альманах Народа Звезды), <http://lalanga.ru/>, 2014-2019.
- © Творческая база: «Аделаида» (клуб поэзии и авторской песни), <https://vk.com/adelaida39>, 2003-2019.
Руководитель — Нэлла (Ольга Арофикина).
- © Макет и оформление: Элиас О. Ф. Отис (Роман Адрианов), 93in39@gmail.com, 2019.

При оформлении обложки использована графика Бориса Вальехо.

Редакционная группа:

Элиас Отис (Роман Адрианов) — редактор-составитель

Нэлла (Ольга Арофикина)

Приём работ завершён в 2019 г.

НАУКА ⊕ РЕЛИГИЯ = МАГИЯ

Д

В

Л

И

Т

Е

М

итературный

льманах

Шарода Звезды

На пути мудрости, возможно, нет опасности более смертельной, нет яда более губительного, нет соблазна более тонкого, чем духовная гордыня: будучи солнечной, она действует в самом сердце, кроме того, она раздувает и обостряет эго, поэтому её жертва подвергается опасности попасть в Чёрную ложу и остаться там навсегда.

Эту опасность могут отворотить два несомненных противоядия:

ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ И ЧУВСТВО ЮМОРА.

Когда ты лежишь истощённым после достижения Вишварупадаршана, ни в коем случае нельзя думать, что «теперь я стал самым святым человеком на свете, конечно, за исключением Джона М. Уоткинса». Лучше вспомнить слова крайне скептического судьи в «Священном тупике» А.П. Герберта, он сделал из них мантру:

«Говорю вам —
говорю вам —
говорю вам —
остудите свою голову».

Алистер Кроули, «Магия без слёз», глава 44

Учредитель: Орден Белой Обезьяны (vk.com/obezjanki), 2003

Издатель: Орден Белой Обезьяны

Адрес: 236022, Калининград, ул. Нарвская, д. 17, кв. 11

Электронные версии журнала: apokrif93.com, vk.com/apokrif93